

Учредитель:

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Пермский государственный университет»

Серия «Философия. Психология. Социология» издается философско-социологическим факультетом Пермского государственного университета с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований. Приоритетным правом на публикацию пользуются статьи молодых ученых.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles. The papers of young scientists use the priority right to the publication.

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору за
соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия
(ПИ № ФС77-39902 от 19 мая 2010 г.)

Территория распространения —
Российская Федерация

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ**

Главный редактор

А.Ю. Внутских, профессор, докт. филос. наук

Заместитель главного редактора

А.Ю. Бергфельд, канд. психол. наук

Редакционный совет:

В.Н. Железняк (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *В.В. Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *М.И. Ненашев* (профессор, докт. филос. наук, Киров), *В.В. Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *С.В. Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Санкт-Петербург), *А.В. Перцев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Д.И. Широканов* (профессор, докт. филос. наук, акад. Национальной академии наук Беларуси Минск), *В.Д. Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *А.Г. Исмаилова* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Е.В. Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Н.А. Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *И.А. Мироненко* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Л.А. Мосунова* (профессор, докт. психол. наук, Киров), *А.О. Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Е.Е. Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Тула), *А.Г. Антипов* (профессор, докт. социол. наук, Пермь), *В. Б. Житенев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Е.А. Когай* (профессор, докт. филос. наук, город), *Г.И. Осадчая* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *В.Г. Полов* (профессор, докт. социол. наук, Екатеринбург), *Т.Н. Юдина* (профессор, докт. социол. наук, Москва)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермь, ул. Букирева, 15
Тел. +7(342) 2396-617, +7(342) 239-834
E-mail: abergfeld@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site: [http:// www.psu.ru/](http://www.psu.ru/)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Современный феномен виртуализации стоимости <i>Е.В. Малкова</i>	4	Virtualization of value as a modern phenomenon <i>E. Malkova</i>
Где проходят границы между «внутренним» и «внешним» опытом? <i>Д.Г. Трунов</i>	9	Where do the borders between «internal» and «external» experiences pass? <i>D. Trunov</i>
Психотерапевтический очерк методологии психотерапии <i>С.Р. Динабург</i>	21	Psychotherapy essay for the methodology of psychotherapy <i>S. Dinaburg</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Психотехнология: к проблеме определения понятия <i>Н.Д. Узлов</i>	32	Psychotechnology: To the problem of definition of the concept <i>N. Uzlov</i>
История становления и развития экологической психологии <i>Е.А. Стерлигова</i>	43	History of formation and development of environmental psychology <i>E. Sterligova</i>
Особенности представлений матерей об индивидуальности здорового и часто болеющего ребенка <i>С.Ю. Жданова, Л.А. Коротовских</i>	48	Features of maternal representations regarding the individuality of a healthy and frequently ill child <i>S. Zhdanova, & L. Korotovskih</i>
Объем памяти как фактор креативности дошкольников <i>Е.В. Дудорова</i>	56	Memory capacity as a factor of preschoolers' creativity <i>E. Dudorova</i>
Концепт «эмоция» и его субконцепты в научных теориях эмоциональных явлений <i>С.С. Федосина</i>	61	Concept of «emotion» and its subconcepts in scientific theories of emotional phenomena <i>S. Fedosina</i>
Стиль педагогической деятельности и его метаэффект в аспекте взаимодействия «учитель — младший школьник» <i>И.В. Долгополова</i>	66	Style of pedagogical activity and its metaeffect in the aspect of interaction between a teacher and a primary schoolboy <i>I. Dolgopolova</i>
Потребление негэнтропии и успеваемость <i>В.Л. Чечулин</i>	75	Negentropy consumption and school performance <i>V. Chechulin</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Ресурсно-потенциальный подход в условиях модернизации современной системы социальной защиты населения <i>З.П. Замараева</i>	81	Resource-potential approach under conditions of modernization of the system of social protection of a population <i>Z. Zamarayeva</i>
Современный брак — результат эволюции семейно-брачных отношений <i>Л.А. Хачатрян</i>	89	Modern marriage is a result of the evolution of family relations <i>L. Khachatryan</i>
Особенности восприятия родителями внешнесредовых и поведенческих рисков для здоровья детей дошкольного возраста <i>Н.А. Лебедева-Несебря, А.О. Барг</i>	101	Perception of health risks for preschoolers by their parents <i>N. Lebedeva-Nesevria, & A. Barg</i>
Социальные предпосылки становления социологии здоровья в современной России <i>С.С. Гордеева</i>	107	Social background of formation of health sociology in contemporary Russia <i>S. Gordeyeva</i>
Технологический подход к социальной работе как деятельности <i>М.И. Григорьева</i>	111	Technological approach to social work practice <i>M. Grigoryeva</i>

ФИЛОСОФИЯ

УДК [1:316]:330.133-021.131

СОВРЕМЕННЫЙ ФЕНОМЕН ВИРТУАЛИЗАЦИИ СТОИМОСТИ***Е.В. Малкова***

В статье рассматриваются точки зрения исследователей второй половины XX — начала XXI вв. на современную экономику как виртуальную экономику. Наряду с этим предполагается, что становление «новой экономики» с чертами виртуализации может изучаться через призму трансформации феномена стоимости.

Ключевые слова: виртуальное; виртуальная реальность; виртуальная экономика; виртуализация; цена; стоимость.

Современная социально-экономическая реальность последних десятилетий уверенно проявляет новые тенденции: формируются и развиваются принципиально новые характеристики экономической практики. Большинство развитых стран сегодня стремятся соответствовать инновационной модели развития, предлагаемой авторами теории постиндустриализма. Данный процесс стал еще более очевиден на фоне усиливающейся кризисности всех сфер общества, в частности кризисности экономики как таковой. В системе мирового хозяйства к традиционным и казавшимся достаточно прозрачными секторам материального и нематериального производства добавилась совершенно новая, зачастую мимикрирующая под них, а фактически «проникающая» в них, сфера виртуальной экономики. Виртуальная экономика твердо заняла позиции нового структурного элемента мировой экономики. Таким образом, объективно возникает целый ряд вопросов, ответы на которые позволят продвинуться в определении ключевых тенденций развития общества. Во-первых, это вопрос о собственной сущности виртуальной экономики, появление которой часто связывают с формированием глобальной виртуальной среды в сфере социально-

экономической деятельности людей [1]. Во-вторых, что, наш взгляд, является наиболее важным, вопрос о новом качестве современной экономики вообще, о тех ее внутренних чертах и процессах, которые привели к появлению экономической виртуальности. В-третьих, вопрос об изменившемся качестве основных элементов экономической реальности.

Рассмотрим основные подходы к определению виртуальной экономики и феномена виртуализации экономической реальности, сложившиеся в науке за последнее десятилетие. Большинство трактовок виртуальной экономики связывает возникновение виртуальности в обществе и экономике с появлением и активным развитием новых компьютерных технологий, формированием IT-сферы и распространением ее на бизнес-среду. Исследователи, разделяющие эту точку зрения, должны признать, что виртуальная экономика — это больше «электронная коммерция», чем информационное производство. Такая виртуальная экономика имеет следующие черты:

- новый тип производственных отношений, в основе которого лежит «замещение реального продукта процессом транзакций, циркулированием электронно-цифровых пото-

Малкова Елена Вячеславовна — кандидат философских наук, зав. кафедрой общих гуманитарных, социально-экономических и естественнонаучных дисциплин, Пермский институт экономики и финансов, 614000, Пермь, ул. Куйбышева, 98а; старший преподаватель кафедры философии, Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: ev-malkova@yandex.ru

ков данных и замещение труда «сетью кибернетического знания» [2. С. 144-145];

- субъект виртуальной экономики — виртуальный класс, класс «киберкапиталистов», или собственников и управляющих компаний, создающих и применяющих компьютерные технологии [2; 3; 4; 5];
- создание продукта замещается реляционным процессом транзакций посредством компьютерных сетей;
- основа функционирования виртуальной экономики — рекомбинантная товарная форма, или товар в виде электронных сигналов.

Характерное для виртуальной реальности в целом, и для виртуальной экономики в частности, *замещение* является ключевым во всех процессах. На простом уровне функционирования экономических отношений замещение существует и поддерживается посредством компьютерных симуляций, а более сложным образом оно представлено в сетевых формах организации управления бизнес-средой, в том числе в связи с развитием компьютерных технологий. Данные процессы обуславливают движение фирмы к децентрализации и гибкости собственной структуры — так *виртуальность* виртуальной экономики (*электронной коммерции*) постепенно внедряется в реальную экономическую практику.

Отметим, что при внимательном рассмотрении функционирования электронной экономики становится совершенно очевидно, что она не так виртуальна, как может показаться. Электроника и телекоммуникации, как основные факторы информационной экономики, могут быть отнесены к сфере материального производства, точнее, как считает И.Б. Полубина, к *отраслям с преобладающей долей материального капитала* [6]. Эти факторы образуют «пространство возможностей» для «мягких» технологий новой экономики [7. С. 119]. Виртуальная экономика зависима от сферы материального производства.

Не менее распространен подход, связывающий появление виртуальной экономики с ослаблением причинно-следственных связей в

экономике, а точнее с нарастанием неопределенности, особенно в финансовой сфере. Именно финансовая сфера является наиболее информационной, автоматизированной, наиболее склонной к фиктивным процессам (раздвоение финансового капитала на действительный и фиктивный). Таким образом, представители данного подхода неизбежно отождествляют виртуальную экономику с финансовой экономикой и, более того, сводят экономику к *финансоэкономике* [8. С. 20]. Так, виртуализация экономики определяется как процесс перехода к постиндустриальным технологиям развития денежного рынка. Главными особенностями такой виртуальной экономики являются высокая степень рефлексивности [9. С. 67], нарастающий индетерминизм [10. С. 202], симулятивность (замещение реальных финансовых инструментов суррогатными) [11], иллюзорность [12]. Иллюзорность виртуальной экономики заключается, прежде всего, в проникновении и постепенном смещении мощного сектора материального производства виртуальными экономическими (финансовыми) инструментами, когда реальный процесс создания стоимости в процессе производства товара разрушается и замещается псевдорыночным формированием цены за форму продукта. «Корни виртуальной экономики лежат, таким образом, в продолжении обмана внутри экономики, которая опиралась на мощный производственный сектор, якобы создающий добавочную стоимость, а в реальности промышленность разрушала часть вложенной стоимости, тогда как произвольное ценообразование позволяло скрывать это» [12].

Особого внимания заслуживает концепция известного российского социолога Д.В. Иванова: виртуальная экономика — это экономика образов, имиджей, симуляций, обуславливающих современную социальную организацию. Сама по себе теория виртуальной экономики не имеет большого смысла. Для исследователя важнее зафиксировать глобальный процесс изменений, характерный для общества в целом — виртуализацию общества, который есть скорее «серия разнородных, но направленных сходным образом тенденций в различных сферах жизне-

деятельности» [5. С. 76]. Экономика является одной из тех сфер, где достаточно выразительно проступает *симуляционная практика*, лежащая в основе всего процесса виртуализации.

В сложившейся экономической практике базовыми элементами являются *товар*, как вещь, объективные свойства которой есть благо, *инновация*, как разработка и внедрение новых товаров, *труд*, как продуктивная деятельность, организованная в определенное время в определенном месте, *платежеспособность*, как обладание универсальным вещественным заместителем товаров — деньгами. На них строится всякая хозяйственная деятельность. В новой экономике эти элементы виртуализируются в связи со смещением акцентов с производства вещи на ее потребление, с преобладанием сегмента сферы услуг в структуре экономики. Поэтому проблемой становится не производство товара, а превращение его в предмет потребления. Следовательно, потребитель выбирает не товар, а товарный знак, фиксирующий особенность, что влечет изменение механизма ценообразования. Исследователь говорит о виртуализме как новой концепции цены: цена есть функция не от стоимости, а от образа стоимости, в ее основе лежит императив «виртуального» производства. Также проблемой здесь становится проблема стоимости: стоимость товара определяется социальным статусом производителя, а не наоборот, как в классическом капитализме. Виртуальность экономики, по Д.В. Иванову, таким образом, заключается в том, что на рынке обращаются не реальные вещи, а образы товаров и имиджи фирм, а симуляция производства и стоимости вызывает виртуализацию институтов рынка, например *виртуализация-симуляция* труда (рабочие места организуются по-новому — вне прикрепленности к какому-либо конкретному месту, вне рамок традиционного «рабочего дня», ради решения стратегической, но единичной задачи). Виртуализация капитала, возникающая из виртуализации труда, благодаря своей спекулятивной природе ведет к виртуализации денег, которые из средства платежа превращаются в персонифицированный образ платежеспособности. Симуляция облада-

ния деньгами приводит к *симуляции-виртуализации* финансов и т.д. Компьютеризация повседневной жизни вводит в обиход виртуальную реальность в качестве компьютерных симуляций реальных вещей и поступков. Общество, в традиционном его понимании, замещается киберпротезом — виртуальным магазином [13].

Построить некую модель виртуальной экономики как самостоятельного сектора мировой экономики, или общую модель «новой экономики», обладающей чертами виртуальности, сегодня достаточно сложно: очевидны «туманность» популярной виртуальной терминологии, «незрелость» феномена виртуальной реальности, неоднозначное отношение исследователей и практиков к проявлениям виртуальности. В данной статье мы обозначили наиболее общие контурные подходы к определению природы виртуальной экономики.

В указанных подходах к определению феномена виртуальной экономики при более пристальном внимании становится совершенно очевидной общая как для виртуальной экономики, так и в общем плане для новой экономики, проблема — проблема стоимости. В первом подходе возникает вопрос о новой форме процессов, создающих стоимость. В электронной коммерции стоимость создается не как таковая, а как виртуальная цепочка добавления стоимости. Суть ее заключается не в отражении воплощённого в товаре и овеществленного в нём общественного труда товаропроизводителей, а в повышении ценности товара в глазах покупателя. Виртуальная цепочка стоимости здесь образуется из целого ряда звеньев: поиск, организация, отбор, синтез и распространение информации, технические возможности и условия и т.п. При создании продукта, точнее информационной услуги, ее стоимость будет расти по мере использования каждого из звеньев всей цепочки добавления стоимости, а также в зависимости от множества факторов (простота поиска, актуальность информации, социальная значимость, технологичность обработки найденной информации, возможность ее трансформации и т.д.). Кроме того, сложность заключается в удвоении

рыночного процесса, когда в виртуальном пространстве происходят многократное копирование, умножение реальных процессов с последующим извлечением прибыли.

В случае второго подхода стоимость вообще оказывается неуловима. Точнее, она в негативном смысле виртуальна, так как равна субъективным ожиданиям участников экономических отношений и в то же время не соразмерна реальному экономическому благу. Так, стоимость, создаваемая производными бумагами, совершенно может быть не связана со стоимостью, создаваемой первичными ценными бумагами.

Внедрение и активное использование новейших информационных технологий в экономической и социальной практике привели к изменению бизнес-ландшафта, а значит, привычных параметров основных элементов экономики. С приходом электронной экономики (коммерции) производство, а с ним и процесс создания стоимости, фактически ушли на второй план и даже растворились. В связи с требованиями современности трансформации бизнеса приходит этап декапитализации производства. Наиболее успешны сегодня те участники рынка, которые имеют небольшой капитал, но при этом владеют брэндом. Производство в этих условиях сосредоточено на мета-рынке — во взаимодействии с внешними структурами и сводится к формированию комплектов систем, узлов, поставляемых широкой сетью других внешних структур. Соответственно, в данных условиях трансформации экономики процесс создания стоимости перестает быть очевидным и растворяется (фактически не измерим) в сети мета-рыночных связей.

Если обратиться к традиционному реальному сектору материального производства, то и там стоимость «невидима», и речь может идти в лучшем случае о себестоимости. Так, например, в одной из своих работ исследователь И.Б. Полюбина приводит следующие данные: джинсы Levi's Signature, которые Levi Strauss & Co продает в супермаркетах Wal-Mart только на территории США, с осени 2003 г. шьются на российской фабрике «Глория-Джинс» в г. Шах-

ты Ростовской области. Ни одна из существующих фабрик этой фирмы в Венгрии или Польше не смогла бы произвести джинсы приемлемого качества по рекордно низкой цене в 25 долл., необходимой для продажи джинсов в супермаркете и захвата дешевого сегмента массового рынка. Это означает, что товары больше не оцениваются только по стоимости и качеству. Товары должны соответствовать некому брэнду. Брэнд оценивается по другим критериям: имиджу, статусу, личной симпатии. Продукт обретает добавленную стоимость фактически из «воздуха». Так, себестоимость пары кроссовок может отличаться от цены для конечного потребителя в десятки раз: ультрамодные кроссовки Adidas дизайна Иоджи Ямамото обходятся производителю меньше, чем в 100 долл., а в бутиках продаются по 1 000 долл. [7].

Современная экономика, экономика «замещения», «кентаврирования» реальных экономических процессов и отношений, своей виртуальностью сигнализирует о кардинальных преобразованиях основ общества. Современная философия, отмечая причудливое «переплетение» феноменов виртуальной экономической реальности, обнаруживает в их хаотичном существовании наличие необходимых тенденций появления новых форм существования общества. Констатируя «исчезновение» или трансформацию стоимости, исследователь обнаружит тенденции, связанные с появлением новых исторических форм социального бытия, в частности новой формы труда, как ключевой составляющей общества.

Список литературы

1. Боярченко С.И., Левендорский С.З., Аганов С.Е. Трехсекторная модель российской виртуальной экономики. М., 2002. 42 с.
2. Иванов Д.В. Виртуализация общества // Социология и социальная антропология. СПб., 1997. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://NetHistory.Ru/biblio/1043175151.html> (дата обращения 28.09.2010).
3. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., 2002. 224 с.
4. Иванов Д.В. Императив виртуализации. Современные теории общественных изменений. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. 211 с.

5. Клиффорд Дж. Гэдди, Барри В. Икес. Российская виртуальная экономика [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.wshs.org/ru/2004/jun2004/virt-j30_prn.html. (дата обращения 28.09.2010).
 6. Кузьминов Я.И., Яковлев А.А., Гохберг Л.М., Ларионова М.В., Кузнецов Б.В. Россия: формирование институтов новой экономики // Модернизация экономики России: Социальный контекст: в 4 кн./отв. ред. Е.Г.Ясин. Кн.1. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2004. 589 с.
 7. Полюбина И.Б. Инновационная экономика: зарубежный опыт и проблемы развития в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dofa.ru/DumnaJa/5_ISER/polubina.doc (дата обращения 29.09.2010).
 8. Потемкин А.П. Виртуальная экономика и сюрреалистическое бытие: Россия. Порог XXI века. Экономика. М.: Инфра-М, 2000. 592с.
 9. Kroker A., Weinstein M. Data trash. The theory of the virtual class. Montreal, 1994.
 10. Иванов Д.В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. СПб., 2000.
 11. Паринов С., Яковлева Т. Экономика 21-го века на базе Интернет-технологий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rvles.ieie.nsc.ru/parinov/economy21.htm> (дата обращения 27.09.2010).
 12. Сорос Дж. Алхимия финансов. М., 1998. 416с.
 13. Экономическая теория на пороге XXI века — 5: Неоэкономика / под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. М.: Юристъ, 2001. 624 с.
-

VIRTUALIZATION OF VALUE AS A MODERN PHENOMENON

E. Malkova

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990

Perm Institute of Economy and Finance, 98a, Kuybisheva str., Perm, 614000

The article presents the ideas of investigators of the second half of the 20th century — beginning of the 21st century about modern economy as a virtual economy. At the same time, it is supposed that the emergence of “new economy” with features of virtualization can be considered through the lenses of the transformation of the phenomenon of value.

Key words: virtual; virtual reality; virtual economy; virtualization; price, cost, value.

УДК 159.9.072-021.475

ГДЕ ПРОХОДЯТ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ «ВНУТРЕННИМ» И «ВНЕШНИМ» ОПЫТОМ?

Д.Г. Трунов

Выделяются критерии разделения между внутренним и внешним опытом: критерий направленности, критерий чувствительности, критерий свидетельства. С феноменологических позиций проводятся границы между внутренним и внешним опытом как имманентным и трансцендентным восприятием. Рассматриваются интересубъективные и дискурсивные основания разделения на «внешнее» и «внутреннее».

Ключевые слова: внутренний опыт; внешний опыт; феноменология; имманентное восприятие; трансцендентное восприятие; интересубъективность; дискурсивные практики.

«Внутренний» и «внешний» опыт

Опыт самопознания традиционно связывается с понятием «внутреннего опыта». Познающему субъекту непосредственно в опыте даны не только мир внешних объектов, но и способность переживания самого себя. Эту способность Дж. Локк и Д. Юм называли «внутренним опытом» в отличие от опыта внешнего, т.е. познания «наружной» действительности (см. [6; 9]). И. Кант говорил о двух видах восприятия: «внешнем» и «внутреннем», где предмет последнего выступает «Я, как мыслящее существо» [5. С. 241]. Намного ранее Локка, Юма и Канта Августин писал о разделении «Я» на «внешнего человека», обращающегося к внешнему миру, и на «внутреннего человека», у которого в услужении состоит «внешний» [1. Книга X, VI, 9].

Можно ли феноменологически *разделить* так называемый «внутренний» и «внешний» опыт? Весьма примечательно, что граница, отделяющая внутренний и внешний опыт, интуитивно понятна обыденному сознанию, но философское определение внутреннего опыта едва ли может быть внятно эксплицировано. Трудно найти один критерий, на основании которого удастся строго прочертить границу между внешним и внутренним опытом. Однако возможно выделить *несколько* критериев, которые

различаются в том, как они устанавливают границы между «внутренним» и «внешним». Помня при этом, конечно, что ни один из данных критериев не является четким и определяющим существо категории внутреннего опыта. Вернее сказать, что категория внутреннего опыта возникает исключительно на *пересечении* ряда критериев.

Критерий направленности познания: субъектное — объектное

Этот критерий подразумевает традиционное в гносеологии разделение на субъект и объект, а значит, и направленность познания (восприятия). С точки зрения классической гносеологии, в случае познания внешнего опыта субъект и объект различны (направленность на объект), во внутреннем опыте субъект и объект познания тождественны (направленность на субъект). В связи с трудностями, возникающими при определении того «субъекта», на который направлено познание, мы позволим себе изменить формулировку и скажем, что внутренний опыт — это познание «особого рода объектов», с которыми субъект отождествляет себя.

Значение этого критерия состоит в том, что, разделяя опыт по направленности на субъект или на объект, он подразумевает принципиальные различия в познании субъектного и объектного. При изучении внешнего опыта, например, возможны объективные наблюдения,

Трунов Дмитрий Геннадьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: trunoff@hotmail.ru

независимые от субъекта, возможны экспериментальные и инструментальные исследования. Основной же путь изучения внутреннего опыта — это интроспекция, имеющая абсолютно субъективный характер. Любые попытки субстантивировать внутренний опыт, например, рассматривать его как работу психофизического организма, приводят к его сущностному искажению и потере первоначального (субъектного) смысла. Ограничения этого критерия чисто логические: как может осуществляться познание внутреннего опыта, когда субъект и объект тождественны? Очевидно, необходимо как-то «отделить» внутренний опыт от субъекта, «вынести наружу» субъекта или сам опыт. Но тогда мы будем иметь дело уже не с субъектом, а объектом. Классическая гносеология не справляется с этим противоречием.

Дело в том, что понятия «внутреннего» и «внешнего» имеют метафорическую природу. Эти метафоры взяты из предметного мира и перенесены в сферу гносеологии субъекта. Предметным миром назовем здесь внешний мир, какой он видится наблюдателю. Для такого наблюдателя *явлена* только внешние стороны вещей, их поверхности. С точки зрения такой «внешней», предметной логики, слово «внутренний» выступает определением по отношению к некоему гипотетическому пространству вещи, которое отделено от наблюдателя границей, совпадающей с поверхностью вещи. Это пространство по началу *скрыто* от наблюдателя, но он может заглянуть в него, открыв, разобрав, сломав вещь. В свою очередь, части этой вещи, вынесенные наружу, более уже не становятся внутренними, они об-наруживаются. Познание вещей в предметном мире идет по пути постоянного (и бесконечного) об-наружения, овнешнения того, что было внутренним, скрытым.

Перенося идею «внутреннего» и «внешнего» на свое бытие, субъект («Я») сам становится вещью, имеющей определенные границы (например, границы тела), которые отделяют его от окружающего мира. Субъект как будто бы смотрит на себя *со стороны*, определяя некую часть опыта, которая скрыта от внешнего

наблюдателя «в теле» как «внутренний» опыт. Действительно, если я — наблюдатель, исследующий окружающие меня объекты (вещи), то мне понятны границы между «внутренним» и «внешним» — это поверхности вещей. Если я сам становлюсь этой «вещью», то я могу определить эти границы только глядя на себя с точки зрения внешнего наблюдателя — *Другого*. Граница между «внешним» и «внутренним» дана мне лишь в *постороннем* взгляде на меня как на предмет-тело и есть ни что иное как граница телесной явленности меня Другому. Стало быть, различие внешнего и внутреннего опыта есть формальное различие внешнетелесного и внутрителесного и является результатом обязательного присутствия постороннего наблюдателя. Как пишет Ж. Делез, Другой — это «априорный принцип организации любого поля восприятия на основе категорий»; это структура, «осуществляющая “категоризацию” этого поля» [4. С. 290]. Ниже, при обсуждении телесного опыта, будет выдвинута мысль, что без внешней позиции (помощи Другого) мы никогда не смогли бы узнать, что у нас есть свои собственные телесные границы, отделяющие нас от остального мира. Другими словами, понятие внутреннего и внешнего обретается исключительно в *экстернальной рефлексии*, в моем собственном взгляде на себя «со стороны».

Критерий чувствительности:
интерорецептивное — экстерорецептивное

Если представить субъекта как тело-объект, то граница между внешним и внутренним будет естественным образом проходить по внешнему покрову, т.е. коже. Однако этот критерий не является полноценным с позиции чувствительности. Так, часть тела, перестающая что-либо чувствовать (например, в силу медикаментозной анестезии или в результате какого-либо заболевания), исключается из сферы внутреннего опыта, она воспринимается как чужая, хотя внешне она никак не отделяется от остальной части тела и физиологические процессы в ней по-прежнему происходят, т.е. объективно и биологически это все тот же организм. С возвращением чувствительности человек вновь обретает эту часть тела в своем внутреннем

опыте. Поэтому в некотором смысле более корректным является *сенсорный критерий*, который очерчивает границу между внутренним и внешним на основании того, какие чувства (органы чувств, чувствительные рецепторы) задействованы в получении того или иного опыта. С физиологической точки зрения все ощущения человека обычно разделяют на следующие группы:

1. Экстерорецептивная чувствительность:

- дистантные органы чувств: зрение, слух, обоняние;

- контактные органы чувств: осязание, вкус.

2. Проприорецептивная (кинестетическая) чувствительность.

3. Интерорецептивная (органическая) чувствительность

На основании критерия чувствительности (сенсорного критерия) «внешним опытом» можно назвать то, что человек наблюдает в окружающем его мире, используя *экстерорецептивную* чувствительность, главным образом, дистантные (по отношению к объекту) органы чувств. А внутренним опытом — то, что человек ощущает «внутри» себя с помощью проприорецепторов (расположенных прежде всего в связках и мышцах тела, в надкостнице) и интерорецепторов (расположенных во внутренних органах, полостях тела).

Этот критерий, опирающийся на разделение рецептивных функций, также имеет ограничения и исключения, если примерять его по отношению к интуитивному понятию внутреннего опыта. Например, сильные воздействия на дистантные органы чувств могут создавать болезненные и дискомфортные *синестезии*, которые мы скорее отнесем к внутреннему опыту, чем внешнему: громкий *до боли* звук, непереносимый *телесно* скрип, яркий *режущий глаза* свет, отвратительный *до тошноты* запах. Еще нагляднее и гораздо чаще этот переход от внешнего к внутреннему опыту можно наблюдать в случае контактных чувств (осязание и вкус). Например, я изучаю неровную поверхность с помощью зрения и осязания; в первом случае я получаю внешний опыт, но стоит мне закрыть глаза и обратиться к осязанию, как я

начинаю переживать уже нечто внутреннее; если теперь я, не открывая глаза, попытаюсь представить (вспомнить) эту поверхность в своем воображении, то мои тактильные ощущения скорее станут дополнительным элементом внешнего (зрительного) опыта.

Кроме того, надо отметить, что «психическая» (а не «физиологическая») составляющая внутреннего опыта не исчерпывается исключительно проприо- и интерорецептивной чувствительностью. Например, я могу представлять — т.е. *видеть* и *слышать* в поле своего воображения различные образы, которые я скорее отнесу к моему внутреннему опыту, несмотря на то, что формально они берут свое происхождение от дистантных органов чувств.

На самом деле граница между внутренним и внешним может быть положена не на линии, разделяющей внешнее и внутреннее восприятие, а на территории, где они *перекрещиваются*, где они «работают» *вместе*. Только при совместном экстро- и интрорецептивном переживании, когда к внутреннему восприятию добавляется внешнее (например зрение), самобытие распадается на два мира — внешний и внутренний. Зрительно я обнаруживаю себя как внешний предмет (тело как вещь), а в проприорецептивном восприятии я обнаруживаю внутреннее пространство этой вещи — свою плоть. Так, одновременно, благодаря зрению и ощущениям, тело как вещь обретает характер плоти и, наоборот, тело-плоть обретает очертания вещи. Другими словами, концепты «внешнего» и «внутреннего» — это комплексные образования, не связанные с какой-либо одной формой восприятия. Если представить ситуацию *моноцептивного* самовосприятия, то мы едва ли вообще получим концепт «внутреннего опыта»: в этом случае я буду иметь безграничное поле переживаний какой-либо одной модальности восприятия, за пределы которого я просто не буду способен «заглянуть». Напротив, граница-переход от внешнего к внутреннему или от внутреннего к внешнему возникает исключительно при вовлечении оппозиционной модальности, поскольку при этом создается возможность сопоставлять данные восприятия и

строить многомерный образ — образ, имеющий поверхность и глубину, внешнюю и внутреннюю сторону.

Критерий свидетельства: субъективное — интерсубъективное

Данный критерий в некотором смысле объединяет предыдущие, он основан на сопоставлении внешнего и внутреннего свидетельства самобытия. М. Шеллер писал, что «живые существа суть не только предметы для внешних наблюдателей, но и обладают *для-себя- и внутри-себя-бытием* (Fürsich- und Innesein), в котором они *являются* сами себе (inne werden)» [8. С. 33-34]. Х. Плеснер в качестве критерия разделения между внутренним и внешним миром кладет «компетенцию свидетельства», противопоставляя *самосвидетельство* внутреннего мира и *чужое* свидетельство внешнего; он пишет, что для «внутренней жизни» характерной особенностью и отличием от «внешней жизни» является то, что она *принадлежит* только самому человеку [7. С. 105]. Таким образом, критерий свидетельства лежит в основании разделения внутреннего и внешнего опыта в качестве *субъективного и интерсубъективного*.

Критерий свидетельства тесно связан с метафорой «собственника». Здесь фрагменты опыта представлены как вещи, которые могут принадлежать субъекту, а могут быть общими. Внутренний опыт, исходя из этого критерия, определяется как «исключительно свой, собственный»; все остальное — чужое или общее — относится к внешнему опыту. Предметности внутреннего опыта принадлежат *исключительно* субъекту, это то, что он переживает в себе и в связи с собой, то, что он не может непосредственным образом разделить с другими; в отличие от них объекты внешнего опыта доступны также и другим субъектам. Таким образом, внутренний опыт принципиально доступен только мне и недоступен для другого, он является для него абсолютной тайной. Он может быть выражен, но речь тогда идет уже не о непосредственном присутствии (presentatio) внутреннего опыта как такового, а его знаковым или символическом опосредовании (representatio).

Это разделение также условно, поскольку, во-первых, любое переживание или восприятие — будь то внутреннего объекта или внешнего — субъективно, т.е. принадлежит исключительно переживающему (воспринимающему) субъекту; индивидуальность (субъективность) восприятия, безусловно, сохраняется и в случае внешнего восприятия. Ни один человек не сможет преодолеть физическую телесную преграду, изолирующую каждого в самом себе, и таким образом сделать свой опыт переживания внешних или внутренних событий достоянием других. Само по себе слово «опыт» подразумевает, что его испытывает конкретный человек, в этом смысле любой опыт является «внутренним» и «субъективным», а словосочетание «внешний опыт» феноменологически противоречиво.

Во-вторых, с другой стороны, восприятие субъективного опыта основано на использовании *общих* с другими людьми дискурсивных правил и средств, а значит так называемый «субъективный опыт» имеет в той или иной степени интерсубъективную и конвенциональную составляющую. Внешнее, чужое свидетельство обязательным образом проникает и в сферу внутреннего опыта через усваиваемый в процессе жизни язык описания этого опыта; более того, именно благодаря внешнему свидетельству человек впервые обнаруживает свой внутренний опыт.

Два мира: внутренний и внешний

Итак, акты cogito (в самом широком смысле), направленные на внешний мир, обычно определяют как «внешний опыт» субъекта, а направленность на внутренний мир — как его «внутренний опыт». В этом случае «внутренний мир» — это особый бытийный регион, принадлежащий исключительно одному человеку, тогда как внешний мир в известном смысле принадлежит и другим людям. Отсюда следует возможность верифицировать внешний опыт одного человека через сопоставление его с внешним опытом других людей. Благодаря такой верификации и согласованию имеются условия для создания единой (общей) картины

внешнего мира. Такая возможность не существует для внутреннего мира, поскольку он принципиально приватен и уникален, хотя его уникальность или, напротив, повторяемость не может быть практически до конца подтверждена или опровергнута. Таким образом, внутренний мир изначально является достоянием одного человека, что, однако, не означает принципиальной невозможности вынесения внутреннего мира вовне, его «обнародования». Так, внутренний мир, будучи объективированным (в словах, образах, пластических формах и пр.), превращается в элемент внешнего мира, не теряя (но, возможно, еще больше обретая) свою внутреннюю — по отношению к субъекту — значимость. Теперь внутренний мир одного человека становится также достоянием других людей. Таков внутренний мир, выраженный автором в произведении искусства.

Как же соотносятся понятия внутреннего и внешнего опыта и внутреннего и внешнего мира? Если внутренний опыт есть не что иное, как сам внутренний мир, то этого не скажешь относительно внешнего опыта, который ни в коем случае невозможно отождествить с внешним миром. Нет внутреннего мира *самого по себе* без вмещающего его субъекта и без внутреннего опыта, в котором он дан этому субъекту. Напротив, внешний мир существует сам по себе и независим от его восприятия субъектом, т.е. от внешнего опыта субъекта. Сам же внешний опыт субъекта не принадлежит внешнему миру, хотя и сопрягается с ним в феноменологическом смысле, — внешний опыт, безусловно, является частью мира внутреннего.

Внешний мир принципиально необозрим, в то время как внутренний мир феноменально доступен. Внешний мир бесконечен в своей пространственной протяженности, он разворачивается в пространстве и времени независимо от нашего познания. В силу этого мы не можем говорить об абсолютном познании внешнего мира. Внутренний мир, с одной стороны, также разворачивается в некотором особом «внутреннем времени» и «внутреннем пространстве», но в то же время его разворачивание, конечно, ограничено пределами человеческой жизни. В

силу этого, но главным образом в силу феноменальности — своего важного сущностного свойства, наш внутренний мир всегда принципиально доступен и познаваем «по определению». С точки зрения феноменолога, нет такой области внутреннего мира, которая не была бы абсолютно недоступна для субъекта. Если такая область найдется, то она не может считаться областью внутреннего мира субъекта (по крайней мере, в феноменологическом смысле).

Понятно, что различия между внешним миром и внутренним не исключают их тесной взаимосвязи. Любые изменения во внешнем мире, воспринимаемые через внешний опыт, приводят к коррелятивным изменениям во внутреннем мире, а значит, и во внутреннем опыте. Например, встреча с человеком, с произведением искусства может «обогащать» внутренний мир; напротив, потеря близкого человека (смерть или разлука) феноменально ощущается как потеря части себя, поскольку переживания, воспоминания, планы на будущее, связанные с утраченным, составляют часть внутреннего мира.

Взаимопроникновение внутреннего и внешнего опыта

1. *Внутренний опыт фундирован внешним.* То, что я могу наблюдать в себе, то, что я чувствую, относя это к внутреннему опыту, всегда есть отклик на некий внешний опыт. То, что происходит «внутри», есть «реакция», «собственное эхо» на то, что происходит «снаружи». Внутренний опыт — это «следствие» внешнего опыта, последний в этом случае можно назвать «причиной» внутреннего. Здесь внутренний опыт выступает в качестве *вторичного, подчиненного* по отношению к внешнему.

2. *Внешний опыт фундирован внутренним.* Мое восприятие внешнего мира всегда опосредовано внутренним опытом, например, моими воспоминаниями, моими чувствами, моими ожиданиями, моими знаниями, моими ценностями и пр. Я воспринимаю мир сквозь призму многочисленных «апперцептивных схем» (У. Найссер) и «установок» (Д.Н. Узнадзе), которые помогают мне выхватывать из многообразия внешней реальности главным образом то,

что для меня наиболее актуально. Теперь мое внешнее восприятие становится заложником моего внутреннего опыта. Сугубо личные «трансцендентальные категории» и «априорные идеи» руководят моим внешним опытом и упорядочивают его, выступают в качестве одной из его «причин», а он — лишь «следствия».

Каждое из этих направлений во взаимодействии внутреннего и внешнего опыта имеет свою правоту в контексте соответствующих интерпретаций бытия. И в данном случае нет необходимости доказывать право одного, уничтожая право другого. Они благополучно сосуществуют в научном и житейском дискурсе. Кроме такого «динамического» взаимопроникновения внутреннего и внешнего опыта, которое основано на концепте причинности, или первичности, можно усмотреть еще один вариант сплетения внутреннего и внешнего — теперь уже «статический», предполагающий одновременное наличие у любого фрагмента опыта, эмпирического переживания двух аспектов («сторон», «компонентов») — внешних и внутренних.

3. *Любой внутренний опыт имеет внешнюю сторону.* Любое переживание всегда доступно внешнему наблюдению. О наличии внешней стороны переживания можно говорить даже в том случае, если оно выражено в совершенно «невыразительной позе». Главное, что любое переживание принципиально выражено тем или иным образом, — оно не *потенциально* выразительно, а *уже* выразительно, поскольку переживается. Даже если по каким-то критериям мы решили, что выражение как-то «отстает» от переживания или как-то «неадекватно» ему, — например, за спокойной позой скрывается интенсивная внутренняя работа мысли и воображения, — даже в этом случае переживание *актуально* (а не потенциально) выразительно. Как заметил Г.Г. Шпет, нет ни одного атома внутреннего без внешнего. Любое переживание выразительно (имеет внешнюю сторону), даже если нет рядом наблюдателя: человек сам может зафиксировать эту внешнюю сторону, переведя свое внимание с внутренних ощущений на внешнее восприятие самого себя

(экстернальная рефлексия). В некоторых случаях при таком «переключении» он может даже «потерять» свои внутренние ощущения, какое-то время вовсе не замечать их¹.

4. Точно также: *в любом внешнем опыте присутствует внутренняя сторона.* Внутренний опыт всегда «под рукой». Даже если человек полностью поглощен внешними действиями, манипуляциями с объектами, то он всегда может обычным рефлексивным «поворотом взгляда» (интернальная рефлексия) зафиксировать богатство внутреннего опыта, переживаемого им в этот момент.

Взаимодействие внешнего и внутреннего опыта можно метафорически представить в виде ленты Мёбиуса, движение по внешней стороне которой приводит всегда на внутреннюю сторону и наоборот. Здесь же уместно привести строчки Гёте («Эпирремма»): «Что внутри, во внешнем сыщешь; / Что вовне, внутри отыщешь».

«Внутренний опыт» как имманентное восприятие

Трансцендентное и имманентное восприятие

Рассмотрим понятие внутреннего и внешнего опыта с точки зрения феноменологической парадигмы. Слово «опыт» подразумевает любой вид cogito, — в самом широком понимании, включающем «Я мыслю», «Я познаю», «Я вижу», «Я слышу», «Я ощущаю», «Я выношу суждение», «Я хочу» и пр. В этом смысле слово «опыт» само по себе уже имплицитно подразумевает качество «внутреннего», поскольку «опыт» — независимо от того, на что он направлен, — это то, что происходит у нас «внутри», а потому словосочетание «внешний опыт», как уже говорилось, феноменологически противоречиво.

Феноменологический критерий делит все акты cogito («переживания») на *трансцендентный* и *имманентный* опыт, подразумевая, что в первом случае человек имеет дело с трансцендентными объектами, а во втором случае — с

¹ На этом основаны некоторые техники саморегуляции, в которых наблюдение «со стороны» исключает внутренний компонент переживания.

имманентными объектами, т.е. самими переживаниями. Например, любое внешнее восприятие, будучи психическим переживанием, принципиально отлично от объекта восприятия, который «сам по себе» не принадлежит к собственному составу переживания [3. С. 69]. Напротив, восприятие внутреннего опыта интенционально отнесено к тому, что само по себе единственно этому восприятию. Внутренний опыт составлен из «объектов», которые сами есть переживания, тождественные по своей природе самовосприятию, которое на них направлено. Имманентный опыт есть не что иное, как *рефлексивный* опыт. Поэтому, во-первых, любой трансцендентный опыт может стать объектом для имманентного опыта в рефлексивном повороте взгляда, во-вторых, любой имманентный опыт может стать объектом рефлексии, в которой рождаются новые имманентные переживания.

Разделение на имманентный и трансцендентный опыт феноменологически более строго, чем метафорическое в своей основе разделение на внешний и внутренний опыт. Граница между имманентным и трансцендентным опытом более ясная, чем между «внутренним» и «внешним». А потому условимся, что трансцендентное восприятие есть «внешнее» восприятие, или «внешний опыт», а имманентное восприятие — «внутреннее» восприятие, или «внутренний опыт». «Внешний опыт» включает восприятие-познание внешнего мира, но не сам мир. Этот «внешний опыт» может стать «внутренним» при соответствующем рефлексивном повороте взгляда, тогда и рефлексия, и переживаемое объединятся в единичный комплекс, называемый «внутренним опытом». В этом смысле, как уже говорилось, внутренний опыт не имеет четкой разделяющей границы с внешним опытом; внешний опыт становится частью внутреннего опыта.

Независимость трансцендентного объекта и подчиненность имманентного

Если «внешние объекты» существуют сами по себе, независимо от нашего восприятия, размышляя о них, вспоминая, фантазируя, мы не можем их устранить или, напротив, вызвать их

к жизни, вообще, ни на йоту их изменить, — то по-иному обстоит дело с «внутренними объектами». В имманентном («внутреннем») восприятии факты и сущности, имея единую природу переживания, начинают переплетаться и взаимно обуславливать друг друга. Сами объекты (т.е. переживания) могут вызываться к жизни благодаря воспоминанию, предчувствию, фантазированию. В свою очередь, само возникающее в результате самовосприятия переживание пополнивает сферу так называемого «внутреннего опыта». Например, воспоминание о событии приводит к появлению новых переживаний, которых не было во время фактического восприятия. Поскольку же имманентное восприятие (самовосприятие) и его «объекты» существуют в одной сфере — сфере внутреннего опыта — и взаимодействуют друг с другом таким образом, что могут детерминировать взаимное появление, то отсюда вытекает, что самовосприятие имплицитно *полагает самобытия* — самовосприятие может «индуцировать» самобытие, творить и утверждать «факты самобытия».

Протяженность трансцендентного и темпоральность имманентного

Различие между трансцендентным и имманентным миром — это принципиальное различие между двумя способами бытия: между бытием и сознанием, между вещью и переживанием. В этом противопоставлении фундировано принципиальное различие *способа данности* вещи и переживания. Вещь мы воспринимаем благодаря тому, что она «нюансируется», т.е. проецируется (презентируется) в тех особенностях (сторонах, качествах, характеристиках), какие попадают в поле восприятия. Напротив, переживание не нюансируется, поскольку сущность переживания, по Гуссерлю, исключает что-либо подобное [2. С. 92]. Такое различие в способах бытия и способах восприятия вещи и переживания связано с тем, что вещь обладает *пространственной протяженностью*, независимой от сознания, а переживание таковую не имеет. Вещь можно разглядывать, подходить к ней с разных сторон и таким образом постоянно открывать в ней новые аспекты; и хотя такое обнаружение новых оттенков-нюансов может

быть бесконечным, тем не менее они всегда на любом этапе восприятия составляют интенциональное единство. «*Нюанс — хотя ему немедленно находится имя — относится к принципиально иному роду, нежели нюансируемое.* Нюанс — это переживание. Переживание же возможно лишь как темпоральная длительность, а не как нечто пространственное. А нюансируемое принципиально возможно лишь как пространственное (оно в сущности своей пространственно), но невозможно как переживание» [2. С. 91]. Самонаблюдение — это не наблюдение *чего-то* или *кого-то*, которое мы можем осуществлять по отношению к другому объекту (человеку, вещи и пр.). Такое «внешнее наблюдение», как известно, дается в нюансировке, которая совершается благодаря переходу к новым ракурсам наблюдательской позиции. Изменение «ракурса внутреннего наблюдения» — о таком можно говорить исключительно в метафорическом смысле — совершается благодаря новым «рефлексивным поворотам взгляда», которые, в свою очередь, «приводят в движение и модифицируют все переживание» таким образом, что с каждой новой рефлексивной идеацией я «получаю нечто новое в своем взгляде» [2. С. 171].

Феноменальность трансцендентного восприятия и абсолютность имманентного восприятия

Из протяженного характера «внешней вещи» следует то, что восприятию этой вещи присуща известная неадекватность: вещь принципиально может быть дана лишь «односторонне», а значит, — неполно, хотя такая неполнота, однако, не мешает восприятию вещи во всей своей «живой телесности» [2. С. 94]. Трансцендентная вещь дана *непосредственно*, но *в нюансах*. Если трансцендентное бытие может достигнуть данности лишь через посредство явлений, оно принципиально *феноменально*, то имманентное бытие, напротив, — *абсолютно*: «восприятие переживания есть попросту высматривание чего-то такого, что дано в восприятии как “абсолютное”» [2. С. 96]. Переживание чувства, по Гуссерлю, не может и не постигается посредством нюансов-проекций (в «явлениях»). «Итак,

мы констатируем: в то время как к сущности данности посредством явлений принадлежит то, что ни одно из них не дает вещь “абсолютно”, а только в односторонней презентации, — к сущности имманентной данности принадлежит то, что она дает абсолютное — то, что вообще не может презентироваться отдельными сторонами или нюансироваться» [2. С. 97].

Этот тезис, касающийся восприятия переживания, необходимо дополнить. Он правомерен в том случае, если иметь в виду некое гипотетическое «элементарное переживание». На самом же деле в своем внутреннем опыте мы никогда не имеем дело с одним изолированным переживанием, мы всегда имеем дело с *состоянием*, которое есть *совокупность* переживаний. Собственно слово «совокупность» не совсем подходит, поскольку оно заключает в себе некую пространственность, а в случае «состояния» мы имеем дело с *потоком* переживаний, который затем дифференцируется в акте рефлексии. «Никакое переживание тоже никогда не воспринимается полностью, в полноте своего единства оно не схватываемо адекватно. По своей сущности оно есть поток, в русле которого, направляя на него наш рефлексивный взгляд, мы можем плыть, начиная с точки “сейчас”, тогда как пройденные этапы уже навсегда потеряны для восприятия. Сознанием непосредственно протекшего мы обладаем лишь в форме ретенции, либо же в форме ретроспективного воспоминания» [2. С. 97].

В этом смысле для восприятия *состояния* также характерна своя неполнота, поскольку состояние обладает своей специфической *временной протяженностью*. Однако эта неполнота есть нечто принципиально *иное*, нежели та неполнота, что заключена в сущности трансцендентного восприятия. Неполнота восприятия вещи связана с тем, что вещь не может быть тотально помещена в поле нашего восприятия. Иную неполноту мы можем наблюдать в сфере имманентного восприятия. Она связана с тем, что мы просто не обращаем *фокус* внимания на те или иные переживания («потенциальности»), «пропускаем» их, оставляя их в некоем «фоне», «горизонте», хотя и

имеем возможность обратиться к ним в акте рефлексии, поскольку бытие переживания принципиально сознаваемо [2. С. 100].

Сомнительность трансцендентного восприятия и несомненность имманентного

«Любое имманентное восприятие с необходимостью ручается за существование его предмета. Если рефлектирующее схватывание направлено на мое переживание, то это значит, что я схватил абсолютную самость, бытие *здесь* которого в принципе не может быть подвергнуто отрицанию...» [2. С. 100]. Принципиальная несомненность и очевидность переживания не исключает тем не менее того, что я могу подвергнуть отрицанию *способы выражения* этого переживания — вербальные, символические и пр. — как кажущиеся мне неадекватными или не исчерпывающими воспринятые в акте рефлексии переживания.

Напротив, как уже говорилось, к сущности мира вещей принадлежит то, что ни одно восприятие, сколь бы совершенным оно ни было, не дает в своей области чего-либо абсолютного, а с этим неразрывно связано следующее: «любой опыт, сколь бы далеко он ни простирался, всегда составляет открытой возможностью того, что такое-то данное, несмотря на постоянное сознание его живого телесного самоприсутствия, все же не существует» [2. С. 101]. Все вещное с его живой телесной данностью может и не быть, но не может быть такого переживания, какого могло бы и не быть [2. С. 102]. Речь может идти о том, что какого-либо переживания *не было* или оно было *не таким*, лишь в том смысле, что происходящее со мной на самом деле лучше назвать другими словами. Я могу сомневаться в адекватности слов и других форм выражения переживания, но не в самом переживании¹.

Гуссерль здесь практически повторяет логику Декарта: «тезису мира — мир “случаен”

— противостоит тезис моего чистого Я, жизни моего Я, которая является “необходимой”, абсолютно несомненной» [2. С. 102]. Поток переживаний — это поток переживаний *меня*, и в сколь огромном объеме он оставался бы непонятным, наличие его непосредственно свидетельствует о моем несомненном существовании, «я говорю просто и с необходимостью: я есмь, эта жизнь есть, я живу: *cogito*» [2. С. 103].

Роль интерсубъективности в трансцендентном и имманентном восприятии

Отчасти неполнота, связанная с трансцендентным восприятием, компенсируется тем, что мы имеем возможность сами рассматривать вещь «с разных сторон» или пользоваться данными восприятия этой вещи другими людьми, то есть опираться на свой опыт или «обогатить его за счет избытков опыта других» [2. С. 100]. Принципиальное отличие неполноты трансцендентного и имманентного восприятия заключается в том, что последнее невозможно компенсировать с помощью обращения к опыту других людей, ведь для *Другого* мое переживание является *трансцендентным*. Если свою «правоту» относительно вещей я могу черпать из опыта других, то свое *само*-восприятие я не могу разделить ни с кем.

Это тем не менее не означает, что другой человек не играет никакой роль в моем самовосприятии. Напротив, он играет *ключевую* роль, которая осуществляется следующими путями: во-первых, другой человек *знакомит меня со словами*, с помощью которых я концентрирую внимание на своих переживаниях, могу осознать и описать их; во-вторых, человек знакомит меня с *результатами собственного* самовосприятия (даже если он и не ставит специально такой цели), благодаря чему я обнаруживаю более подходящие средства описания своего имманентного опыта; наконец, в-третьих, другой человек может сыграть специфическую роль в *прояснении* моих переживаний благодаря тому, что он задает вопросы, строит какие-то предположения, касающиеся моего «внутреннего бытия», подбирает слова, которые я оце-

¹ Напоминаем, что так рассуждает феноменолог, а не человек, воспринимающий свои переживания в духе естественной установки, с позиции которой переживание и его выражение, словесное или иное, отождествляются.

ниваю с точки зрения их адекватности моему восприятию самого себя¹.

В первом случае мы получаем *инструмент* для самоописания, во втором случае — *образец* самоописания, в третьем — *собеседника*, направляющего наше самовосприятие и помогающего осуществить самоописание. Роль другого человека в последнем случае — создание условий для более дифференцированного всматривания в свое состояние, в котором открывается то, что принципиально было доступно, но не являлось интенциональным объектом внимания (актуальной интенциональностью, «фигурой»), не находилось в фокусе особого внимания, но лишь в «фоне». Надо признать, что другой человек (профессиональный или непрофессиональный собеседник) часто создает более эффективные условия для рефлексии, нежели я смогу это сделать самостоятельно.

Дискурсивная природа «внутреннего» и «внешнего»

Таким образом, от понятий «внутренний опыт», «внутреннее восприятие» мы пришли к более строгому в феноменологическом отношении понятию *имманентного опыта*. Теперь, стоя на этом фундаменте, мы видим, что так называемый «внутренний» и «внешний» опыт суть не что иное, как *феноменальные концепты*, созданные в сфере имманентного опыта. Эти концепты опираются на разные критерии, в соответствии с которыми проводятся «естественные» границы между «внутренним» и «внешним». С точки зрения феноменологической установки, однако, мы видим, что граница между «внешним» и «внутренним» опытом весьма условна и конвенциональна. Она не является самоданной или природной. Можно сказать, что эта граница концептуальна, а не реальна. «Внутренний мир» — это часть *жизненного мира* человека, не имеющая четких границ с «внешней» частью этого мира. Здесь мы встречаемся с различными феноменологическими вариациями, которые зависят, во-первых, от то-

го, как человек понимает свою «нутрь», а во-вторых, от того, как он понимает «наружность» мира.

Внутренний опыт — это синтетическое единство, совокупность особого рода предметностей, которые состоят из двух компонентов: «гилетического» и формообразующего, организмического и смыслового (дискурсивных интерпретаций). Гуссерль предпочитает вместо слова «опыт» использовать более общее слово «созерцание» [2. С. 54], показывая тем самым, что познание — это нечто большее, чем «прямой чувственный опыт», что оно необходимо сопровождается комплексом дополнительных умозаключений и толкований, связывающих этот опыт воедино. Это означает, что категории внутреннего и внешнего опыта суть *дискурсивные концепты*.

Разделение на внутренний и на внешний опыт происходит не столько в процессе развития человека как психофизического организма, сколько в процессе познания себя с помощью тех дискурсивных средств, которые предоставляет ему культура. Человек сначала имеет дело с синкретическим миром, в котором нет разделения на «внешнее» и на «внутреннее». То, что затем будет квалифицировано как «внутреннее», например, как «тело» или «психика», поначалу полностью слито с внешним, все «внешнее» воспринимается через него и наряду с ним. Об этом свидетельствует отождествление чувств и объектов не только у детей или у так называемых «примитивных народов», такие отождествления зафиксированы в нашем быденном языке, например, в оценках: «приятный человек», «вкусная еда», «отвратительный запах», — во всех этих и других примерах чувство или ощущение субъекта становится признаком, *присуциум* объекту.

Затем на основании опыта переживаний из разных модальностей восприятия (например зрительного, телесного и пр.) создается сенсорное основание («материал») для последующего выделения области «внешнего» и «внутреннего». Для завершения концептуализации внутреннего опыта необходимо специальное обращение внимания на «внутреннюю сферу» (на

¹ Эта роль Другого максимально проявляется в работе психотерапевта или психолога.

«состояние», «самочувствие», «настроение» и пр.), которое не может состояться без другого человека, указывающего на эти внутренние события с помощью объективирующих эти события высказываний. Тогда и совершается поворот к особой области бытия, (на нее теперь направляются акты cogito), которая воспринимается, познается как «внутренний опыт», отделенный от «внешнего».

Таким образом, понятие внутреннего опыта — это не первичное ощущение, а *интерпретация*, созданная на основе появившихся представлений обо мне, о мире и о той границе, которая между нами существует. Поэтому понятие внутреннего опыта подчинено моим знаниям о мире и о себе, моей «концепции мира» и моей «концепции субъекта», оно зависит от того, что я отношу к категории субъекта, а что — к категории «вне-субъективного» (окружающего мира, среды и пр.). В свою очередь, «концепция субъекта» и исходящая из него интерпретация внутреннего опыта связаны с мировоззрением человека, с той культурой, в которой оно формировалось.

Мы можем наблюдать примеры перенесения границы между «внутренним» и «внешним» внутрь тела и даже исключение тела из внутреннего опыта. В последнем случае внутренний опыт — это исключительно бытие души. Философское отвержение своего тела, как «темницы души» (Платон), отрицательное отношение к своему телу или какой-либо его части лежит в основе аскетических практик. Отчуждение означает не столько превращение того, что было «внутренним», во «внешнее», сколько превращение его в «чужое» или «иное». Здесь территориально (формально) «внутреннее» не совпадает со «своим», поскольку нечто «внутреннее» может становиться «чужим», но не обязательно «внешним». Например, болезнь, опухоль и даже такая сугубо внутренняя сфера, как мысли и чувства, могут подвергаться отчуждению. Кроме такого «негативного» отчуждения существует «позитивное» отчуждение без потери качества «внутреннего» и «своего», появляется лишь индекс «иное». Примером может служить состояние беремен-

ности, причем на разных стадиях и при разном отношении женщины к этому состоянию мы можем наблюдать различные этапы отчуждения¹.

Обратные примеры связаны с вынесением границы за пределы физического тела во внешний мир: объекты внешнего мира при этом становятся составными частями тела и принимают непосредственное участие в некоем актуальном опыте, который переживает человек. Мастер «чувствует» свой инструмент, а опытный водитель — свой автомобиль, кисть живописца является продолжением его руки, искусственные органы и протезы становятся чем-то большим, нежели просто предметами. Ряд примеров субъективных переживаний, связанных с сильными чувствами по отношению к другому человеку, предельной концентрацией на данном «объекте», лежащей в основе феномена «идентификации» (З. Фрейд), свидетельствует о возможности включения во внутренний опыт даже других людей.

Список литературы

1. *Августин А.* Исповедь; *Абеляр П.* История моих бедствий. М.: Республика, 1992. 335 с.
2. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. Т. 1. 336 с.
3. *Гуссерль Э.* Феноменологическая психология. Амстердамские доклады // *Логос: Филос.-лит. журн.* 1992. № 3. С. 62–81.
4. *Делёз Ж.* Мишель Турнье и мир без Другого // *Турнье М.* Пятница, или Тихоокеанский лимб: СПб.: Амфора, 1999. С. 282–302.
5. *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н.Лосского; примеч. Ц.Г.Арзаканяна. М.: Мысль, 1994. 591 с.
6. *Локк Д.* Собрание сочинений: в 3 т. М.: Мысль, 1981. Т. 1. Опыт о человеческом разумении. Кн. I–III. 621 с.
7. *Плеснер Х.* Ступени органического и человек // *Проблема человека в западной философии.* М.: Прогресс, 1988. С. 96–151.
8. *Шеллер М.* Положение человека в Космосе // *Проблема человека в западной философии.* М.:

¹ Слово «отчуждение» в этом случае не совсем подходит, так как включает идею «чужого». Беременная женщина скорее относится к своему будущему ребенку как «иному», но вовсе не «чужому».

9. Юм Д. Исследование о человеческом разуме-
Прогресс, 1988. С. 31–95.

нии. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995.
240 с.

WHERE DO THE BORDERS BETWEEN
«INTERNAL» AND «EXTERNAL» EXPERIENCES PASS?

D. Trunov

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990

The criteria of division between internal and external experience are defined: Criterion of directivity, criterion of sensitivity, criterion of evidence. The borders between internal and external experiences are drawn from phenomenological perspective as an immanent and transcendental perception. The intersubjective and discursive grounds of division on “external” and “internal” are considered.

Key words: internal experience; external experience; phenomenology; immanent perception; transcendental perception; intersubjectiveness; discursive practices.

УДК 159.9.01

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОТЕРАПИИ

С.Р. Динабург

Представлена саморефлексия психотерапии в отношении невротического аутодиагноза. С культурологических и психотерапевтических позиций анализируются методологические отклики на состояние хаоса в психотерапии и пути его преодоления. Рассматривается возможность построения психотерапевтической компаративистики на основе психотехнической системы, герменевтического подхода, культуры обращения со смысловыми пространствами символического.

Ключевые слова: психотерапия; методология психотерапии; хаос в психотерапии; постмодернизм; психотехническая система; психотерапевтическая компаративистика; герменевтика; путешествие.

Предлагаемая работа могла бы называться «Методологический очерк аутопсихотерапии психотерапии», однако инверсия предмета и метода преследует глубинные цели.

Принято считать, что методология *превыше всего*. И методология привыкла взирать на это *все*, как на рыбок в аквариуме, присваивая тем право на ракурс *подлинности* — и хорошо, если кроме рыбок она видит при этом экосистему. Но всякий, кто прошел школу не только схолий, но и мастер-классов, знает, что именно в *психотехническом аквариуме* происходит подлинное действие и открываются иные ракурсы, что делает необходимым и возможным последующий опыт профессиональной рефлексии для *всех* участников.

По мнению современников, мы живем в эпоху постмодерна, и с этим надо считаться. Но не все то постмодерн, что обладает обратимостью *вне — изнутри*, и где топология иерархии знает свое скромное место рядом с неисповедимыми путями гипертекста. Это может быть архитектурный строй старой, как мир, сказки, рассказанной Кэрроллом и Проппом с учетом интересов научной аудитории.

Специфика авторского изложения обусловлена профессиональной привычкой автора переводить дискуссию в область субъектных отношений. Это значит, что автор с глубоким признанием относится к психотехнической

школе В.Н.Цапкина, Ф.Е.Василюка, А.И.Сосланда, чьи методологические изыскания в сфере психотерапии вдохновили автора этой работы на собственные изыскания. Деятельность научной школы, исчисляемая десятилетиями, отличается редкостью и концептуальностью *подготовки кадров* именно психотерапевтического профиля. Кроме того, наличие конфронтации позиций способствует интеллектуальному поиску вообще и процессу профессионального взросления в частности.

Чтобы нейтрализовать избыток непродуктивного пиетета, автор считает возможным мобилизовать ресурсы своей гендерной принадлежности. То есть дать себе право: а) превышать средневзвешенную для научных изданий норму поэтики, мотивируя это тем, что, как и у Б.Ахмадуллиной, статьи *не пишутся — случаются*; б) подобно гоголевской Марье Антоновне *говорить — лишь бы только наперекор*; в) текстуально флиртовать с теми, к кому испытывает симпатию. Обоснованную же критику автор обязуется рассматривать в области профессиональных интересов, не прибегая к уловкам женской логики и ссылкам на девичью память.

Диагноз для психотерапии

Широкой аудитории может быть непонятен контекст публикаций последних лет в духе

Динабург Светлана Роальдовна — аспирант кафедры философии и права, Пермский государственный технический университет, 614990, Пермь, Комсомольский пр., 29; e-mail: svetlana.dinaburg@yandex.ru

«Психологическое сообщество выбирает интеграцию»[15], поскольку в эпоху глобализации кто только, по какой необходимости и какую только интеграцию не выбирает.

Но у психотерапии особая судьба. В середине 80-х гг. на Международную конференцию «Эволюция психотерапии» собрались выдающиеся теоретики и психотерапевты со всего мира. После чего журнал «Time» процитировал высказывание одного из участников: «Здесь все специалисты, но никто друг с другом не соглашается»[12. С.483]. Через несколько лет на такой же конференции, где присутствовали уже чуть ли не все ведущие представители основных школ и направлений, была предпринята попытка обнаружить *хоть какую-то* точку совпадения мнений. И даже, казалось бы, тривиальное высказывание: «По крайней мере, все согласны, что психотерапия должна быть честной», — также имело свою оппозицию [19. С.5].

Претензии на единство понимания каких угодно положений и концептов, не говоря о ценностных смыслах, сегодня наивны, и тем более трудно ожидать этого от психотерапии, в своем становлении на протяжении XX в. неоднократно пережившей философские интоксикации.

Как глубоко и в чем же именно мы, психотерапевты, так бурно не сходимся? Может быть, наши отношения больше *про любовь*, а не *про войну*? И они свидетельствуют о готовности воспринимать проблемы *вечного становления* и говорить о них?

Ф.Е.Василук [4. С.37] конкретизирует разногласия в понимании сущностного вопроса «Что такое психотерапия?» в ключе поиска *общего определения* психотерапии, а причину неудач всех попыток видит в «неадекватной, натуралистической постановке вопроса». Внимание при этом акцентируется на диспозиции «логическая тупиковая задача» — «акт личного выбора позиции». Соответственно, некорректную задачу поиска общей дефиниции он предлагает заменить «метазадачей выявления параметров специфики психотерапии», созданием корпуса *общих вопросов*, специфицирующих

как психотерапию в целом, так и подходы внутри неё.

На наш взгляд, поиск *общей дефиниции* является псевдопроблемой, которая урегулируется, как минимум, двояким механизмом. В поле речевых взаимодействий — не столько семантикой, сколько прагматикой высказывания: классический немецкий вопрос *für welchem Ziel?* — *с какой целью?* (наша административная мудрость: «вам характеристику в тюрьму или на награждение?»). И в поле социальных взаимодействий — в ходе институционализации, т.е. *утряски и устаканивания* норм.

Удивительно другое — ощущается во всем какая-то неодолимая *воля к несогласию*, гипноз межконфессионального невосприятия. Непонимание не на уровне дефиниций, а на уровне глубинного и искреннего непонимания одними *умными людьми* — других (*и как можно всерьез заниматься этими глупостями?*). Как правило, классические психоаналитики в этом смысле не понимают юнгианцев, те, в свою очередь, приверженцев биоэнергетического анализа, а все вместе — гештальтистов и т.д. Приверженцы понимающей психотерапии предупреждают, что их *понимание* означает *именование* центрального метода и *адресовано* их *клиентам*.

Если взглянуть шире, то можно увидеть, что от родительских сфер науки и клинической практики психотерапия унаследовала многое, но только не их архитектуру. Можно заподозрить даже, что психотерапия идёт путем возвратным, к уже проложенному философией, а именно — *от Логоса к Хаосу*.

Одним из первых, кто почувствовал неладное, был Карл Роджерс, в начале 60-х гг. сказавший: «Поле психотерапии находится в состоянии хаоса». Через несколько лет Коулби констатировал: «Хаос возоблада», еще через несколько лет Сингер называет подготовку психотерапевтов «вавилонским столпотворением» [12. С.483], и, наконец, приоритет в постановке диагноза самой психотерапии — *вавилонское смешение языков* — признан за экзистенциальным аналитиком Уилсоном Ван Дьюсеном [19. С.7]. Но если Роджерс под хаосом

понимал скорее *попытки* психотерапевтов говорить о *сходных вещах*, используя разные слова и языки, то далее, в духе времени, становилось очевидным, что *разные языки* — это теории, описывающие *разные реальности*.

Тогда же пошла мода чуть ли не гордиться тем, что психотерапия имеет около 400 своих дефиниций, а количество различных школ достигает 600 (другое дело, что именно считают психотерапией Европейская или Американская психотерапевтическая ассоциация, и какие виды психотерапевтической помощи *признаны* в рамках возмещения медицинским страхованием). И за этим разнообразием стояло не просто отсутствие *единства в фундаментальных основах*, а действительное непонимание — где его искать, и так ли оно, по большому счету, нужно.

Более того, предпринимаемые попытки построения *Общей теории*, оставаясь заметным культурным явлением, де-факто переворота не свершили. Так, рецензия к работе А.И.Сосланда [18] (написанной, кстати, в пограничном жанре между манифестом и научным стёбом) констатирует, что «предлагаемые автором концепты и термины практически полностью исчерпывают объем знаний в области психотерапии, а понятийный аппарат в целом покрывает все те реалии, которыми оперируют психотерапевты разных направлений». И вообще, «очередной российский Левша на глазок, как бы нехотя, с прибауточками, сделал (или «отслонявил», как сейчас принято говорить) то, над чем долго работали целые команды ученых на Западе» [9]. «Отслонявливание» в конце 90-х имело «широкий резонанс в профессиональном сообществе» (Википедия) и было удостоено звания «критики психотерапевтического разума» (на наш взгляд, стойкие аллюзии возникают отнюдь не с Кантом, а с Фейерабендом), но, как сказали бы сейчас, «мессидж» не «гуглится».

Итак, если сама психотерапия подобна диссоциированной невротической личности, в своем диссоциированном виде, как гипер-, интер- и за- текст, прочно прописавшаяся в «Словаре культуры XX века» [16], то какое же генераль-

ное утверждение в её отношении было бы правомерно сегодня?

Почти 20 лет назад представлялось, что субличности этой невротической особы являются «слепыми и глухими по отношению друг к другу и пытающимися узурпировать всю полноту власти», а сама она нуждается в исцелении [19. С.8].

Рискнём понадеяться на консенсус: «По крайней мере, все согласны, что психотерапия ведет бурную, насыщенную жизнь». В наши дни она пытается высвободиться из крепких объятий науки и академической психологии, зато её очень привлекает альянс с теологией, религией и мистицизмом, что позволяет ей *не* опровергать периодически возникающие слухи о своей безвременной кончине [1], а принимать их к интерпретации в духе «символической смерти». Если же рассмотреть тезис «фундаментального структурализма» от психотерапии: «Мы исходим из вполне очевидного соображения, что в конечном итоге все — полемика и политика» [18], то может показаться не менее очевидным, что невротичность психотерапии — сегодня вполне здоровое явление в сравнении с пограничными расстройствами полемики и психотическими срывами политики. В невротической организации самой психотерапии есть субличности, которые оберегают и защищают её право сомневаться, волноваться и *не* быть безусловно правой: «Умение беспокоиться о том, что я говорю и делаю, — часть моего человеческого существования и призвания. Когда я не испытываю беспокойства, когда не чувствую неуверенности (а это почти одно и то же), я не играю никакой истинной роли в том, что происходит; тогда я просто наблюдатель. Беспокойство необходимо при принятии решений, влияющих на людей» [3. С.215].

Нормальный диагноз. Наша эпоха разговаривает диагнозами и живет в синдроме «доктор, я какой-то не такой». Как говорят не очень добрые терапевты — *а теперь поживите с этим*.

Закон джунглей гласит

Дендрологическая метафора философии — архаический, фундаментальный культурный символ дерева (или группы деревьев и даже ризома-травы): Мировое Древо (идей), Священная Роща мировых философий, величаво соседствующих друг с другом, ризома Древа Будды, даже баобабы Маленького Принца, которых надо выпалывать как сорную траву, ибо они не только конкурируют с хрупкой розой, но и угрожают планете. Корни уходят вглубь, ветви переплетены, стволы множатся — «дерево подчинило себе весь западный мир и западное мышление, от ботаники до биологии, анатомии, гносеологию, теологию, онтологию, всю философию» [7. С.301]. Можно говорить о том, насколько «ризоморфна» восточная философия в оппозиции западной, а также американская и русская, сочетающая Запад и Восток, но в любом случае просматривается если не всегда «мировая ось», «центральность» и «иерархия», то уж наверняка — структурность как таковая, регулярность и упорядоченность в смысле «сквозной логики развития мироздания» [7. С.302].

Растительная метафора психотерапии иная — это джунгли. Отметим её коннотации: во-первых, отсутствие глобальной регулярности. В целом, это конгломерат, нагромождение направлений, школ, методов и даже техник. Мощные стволы оплетены лианами трудноопределимой принадлежности; нижний ярус — труднопроходимая поросль; масса ярких, привлекательных и при этом симбиотических и паразитических творений (питающих и питаемых связей). Во-вторых, это оттенок (экзистенциальной) тревоги — по факту существования тайной жизни, неизвестных и угрожающих её форм, а также необозримости, неохватности этого пространства, таящейся угрозы потеряться, т.е. потерять себя.

Конечно, это еще (и уже) не Хаос. Тревога по поводу джунглей, как переживание, близка к хаосу, но сами *джунгли* — «это как бы срез хаоса» (Ж.Делез и Ф.Гваттари). «Для хаоса характерно не столько отсутствие определенностей, сколько бесконечная скорость их возник-

новения и исчезновения; это не переход от одной определенности к другой, а, напротив, невозможность никакого соотношения между ними, так как одна возникает уже исчезающей, а другая исчезает едва наметившись» [6. С.57].

В этом смысле психотерапия не хаос — её «бесконечность» и «невозможность» вполне операциональны. Но «джунгли» психотерапии поразительно напоминают другой «срез хаоса»: «мысль не древоподобна, а мозг — не корневая или разветвленная материя... Прерывность клеток, значение аксонов, функция сближения клеток (синапсов), существование синаптических микротрещин, «перескакивание» сообщений через эти трещины образуют мозг множественности, который погружен в собственный план consistency ...» [6. С.58].

Итак, *психотерапия* более чем «нормальна» — она *аутентична своему предмету*.

Но роскошь сотен дефиниций своего предмета может позволить себе только философия, психотерапии этого не простят. Психотерапия все еще «как бы» наука (с соответствующей «как бы» институционализацией) и, что для нас важнее, — «на самом деле» область практики (о ментальности и модальности «как бы» и на «самом деле» [6. С.123]). И если задача философии — «придать consistency, ничего не потеряв из бесконечности» [6. С.57], то задача психотерапии — сделать «практически» то же самое. То есть а) умножая (или подразделяя) бесконечность на количество субъектов, не потеряв из бесконечности «ничто», без чего сама задача — «ничто» и б) сделать это в конечных условиях с понятным результатом (симптомы клиента, а также его время и деньги — категории совершенно определенные). Конечно, можно найти и такое понимание, что «попить чаю и поговорить “за Бога”» однозначно фундирует экзистенциальную психотерапию, и, возвращаясь к началу статьи, «многие пациенты хотят как раз нечестности, и задача терапевта предоставить им это». В этом случае мы должны иметь определенную позицию, однако простое привлечение системы аргументации из некоторой, подходящей части «джунглей», равносильно инициализации дурной бесконеч-

ности (рассказыванию сказки «про белого бычка» в лексике «эффектов спонтанной ремиссии», «плацебо-контроля» и «приемлемости психотерапевтического метода»).

Время собирать камни и уклоняться от объятий

Полувековая «экзистенция хаоса» в психотерапии породила и многообразие «экзистенций в хаосе», на основных стратегиях которых и хотелось бы остановиться. Пропуская констатирующую позицию, в которой рефлексия и действие тождественны, перейдем к последующим.

1. Хаос как кризис. Кризис неизбежен, но преходящ. Ранние догадки о системном кризисе культуры и о происках постмодернизма. На Западе — конкуренция и плюрализм вызывают лавинообразный рост методов и усиливают сепарационные тенденции. Эффектное явление миру самых новых, очень прогрессивных, безусловно эффективных и т.д. методов (Калифорнийская школа, НЛП), вобравших все лучшее и преодолевших все худшее. Отечественная психотерапия осознает себя «вырвавшейся из-под гиперопеки психиатрии», переживающей «юношеский кризис идентичности» [19. С.8], при этом скептически комментирует недостатки западного опыта. Драматическая двойственность экзистенции чеховских героев — «надо что-то делать» — «ничего, все само как-нибудь образуется».

2. Хаос как беспорядок. Попытка установить порядок на более высоком иерархическом уровне системы. Новые надежды — интеграция, мультимодальность и полифония. В.Н.Цапкин писал: «Как мы пытались доказать, многие психотерапевтические подходы являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими, относясь к принципиально разным измерениям, уровням человеческого бытия. Противоречия в позициях снимаются в рамках спектрального, многомерного подхода» [19. С.10].

Упорядочивание идет в нескольких направлениях. Во-первых, это активный поиск основания для интеграции существующих теорий и методов, с некой реабилитацией эклектизма,

что выразилось, в частности, в развитии такого подхода, как психосинтез. Однако новые интегративные подходы не означали глубокой интеграции всей психотерапии, а эклектизм, как «выраженная склонность большого числа психотерапевтов отходить от строгого соблюдения “школьных” принципов и использовать многие методы из арсенала психотерапевтических подходов иных теоретических ориентации», оказался не слишком доступен в силу организации подготовки специалистов [19].

Второе направление, понимаемое как «спектральность», базируется на «парадигме специфических вмешательств» [12. С.486], выражаемой позицией «разные методы для разных людей». Задача заключается в том, чтобы выяснить, какие методы и тактики эффективны для каких клиентов (пациентов), с какими проблемами и в исполнении каких специалистов. Хотя эта парадигма и получила теоретическую разработку, достаточно быстро стало ясно, что она эмпирически нереализуема и не верифицируема, а отдельные экспериментальные попытки затем не дали явных доказательств. Тем не менее в русле этого направления развиваются мультимодальная психотерапия Лазаруса, многомерные подходы Минделла и Грофа. Поскольку терапевту в этом подходе предстояло составить уникальный план воздействий из широчайшего арсенала средств, без особой опоры на какую-либо общую теорию — что в инструментальном плане означает метод проб и ошибок, то лучше, если он будет харизматиком. (С точки зрения М.Эриксона, общие теории — вообще прокрустовы ложа для уникальных индивидов).

Интересно отметить, что сложился стойкий миф о «спектральности» в смысле специфичной связи «проблема-метод». Некоторые высказывания могут служить примером неверифицируемых и нефальсифицируемых утверждений соответствующего статуса: «Некоторым пациентам может помочь телесноориентированная психотерапия, массаж или биоэнергетический анализ. Другие пациенты получают больше от психодрамы и когнитивной психотерапии» [11. С.11]. Причем и в пределах

одной работы можно встретить как саму мифологию, так и её методологически адекватное опровержение. Позволю себе процитировать: «...существует множество данных, свидетельствующих о том, что методы той или иной психотерапевтической школы действительны лишь в отношении специфического контингента пациентов (клиентов) для того или иного круга состояний (проблем)» [19. С.8]. Через пару страниц констатируется тупик исследований: «...поражает диспропорция между огромным количеством попыток произвести объективную “количественную” оценку эффективности различных психотерапевтических практик и действующих в них терапевтических факторов, с одной стороны, и скудностью выводов, предлагаемых этими исследованиями — с другой» [19. С.16].

Третий аспект противостояния хаоса силами разума и порядка — это, безусловно, ценный и своевременный принцип плюрализма, обозначенный также принципом культурной полифонии: «представление о школах мировой психотерапии не как о конкурирующих претендентах на единственную истину, а как о представителях полифонической культуры, складывающейся из разнонаправленных, но полноценных систем, состоящих в отношениях продуктивного исторического диалога друг с другом»[5]. Иначе говоря, все субличности нашей невротичной психотерапии имеют право на «инаковость», право на высказывание и участие в диалоге. Заметим, что полифония может означать как гармонию, так и какофонию — с трудным вопросом о механизмах её культурной регуляции и медиации и невнятным ответом об их самодетерминации.

3. Хаос как «наше всё». Поддержание хаоса как процесса в феноменологическом поле.

Конечно, это позиция постмодернизма, но, по факту, постмодернизм в психотерапии еще не заматерел, это такой *невсамделишный* постмодерн с поддержанием хаоса разбросанных игрушек. Проблему кратко обозначил когда-то В.Высоцкий: «*Настоящих буйных мало*», а собрал урожай на русской почве А.В.Перцев [13].

Как представляется, «поддержание хаоса» и подобные тому взаимоотношения — оксюморон, поддерживать представляется возможным беспорядок, как инаковую форму порядка, но отнюдь не хаос в обозначенном выше (и достойном постмодернизма) смысле. Несмотря на устранение «объективной реальности» и «антиэссенциализм», в процесс *разоформления* решительно вторгаются культурные стереотипы, апелляции к опыту и логические фигуры, невзирая на то, что их лишили именования и онтологического статуса. *Поддержание хаоса* — жанр рискованной манипуляции, и здесь редко найдешь органичное и живенькое исполнение этого номера.

Приведем два тому примера. Первый касается уже упомянутого «фундаментального структурализма»[18], где логика *поддержания хаоса* следующая. Паника, имеющая место по поводу «перепроизводства» школ в психотерапии, не обоснована: важнейший вызов, существующий в сегодняшнем психотерапевтическом сообществе, — это вовсе не вызов избытка, множественности школ, а, наоборот, их недостатка. С другой стороны, дело и не в качестве теорий и школ — сама по себе эта проблема неустраима («эмпирическая легитимация обоснованности школьных теорий и эффективности техник является крайне сомнительным делом»). Решение — в сфере «человеческого фактора»: психотерапевт должен быть харизматической личностью. А поскольку именно стремление к харизматическому влиянию (господству) и удовольствию (оргазму) от харизмирования лежит в основе желаний психотерапевтов создавать новые методы, то харизматизация сообщества и воспроизводство харизматиков позволят конструировать вдохновляющие и неординарные практики. «Рационально-технологическая сторона дела должна здесь быть так или иначе примирена с магически-мифологической», впрочем, свежие харизматики заведомо харизматичнее старых, вошедших в фазу рутинизации, поэтому можно ожидать, что процесс харизматично самоурегулируется. Очевидно следующее: сам автор — несомнен-

но, харизматик, и волны его волнующего влияния затронули и читателей.

Во втором примере, как может показаться, разработана радикальная модель *непротивления хаосу*. Её автор, гештальт-терапевт, обращается к философским основаниям психотерапии эпохи постмодернизма в целом и гештальт-терапии в частности [14], полагая, что гештальт-подход оказался в авангарде постмодернистской революции в психотерапии. Он отмечает, что постмодерн постулирует психотерапию как философию и искусство, а «для этих сфер в отличие от науки характерен отказ от любого контроля хаоса». Не будем строги к слову «любой», придавая значение тому, что в этом случае излишне фиксировать: «поле философии — концепты и имманентный план, поле искусства — композиция». Для нас важно выяснить, что есть, а чего нет, в таком случае, в психотерапии.

Итак, определяющей становится категория образа реальности, а «смерть автора» трактуется как «смерть клиента» и «смерть терапевта». «Можно утверждать, что каждый терапевт работает со «своим» клиентом, являющимся лишь образом, сформированным самим терапевтом. Справедливо и обратное — терапевт — это лишь образ, сформированный клиентом в существующем актуальном контексте». Смысл этих взаимоотношений не существенен, поскольку смысл вообще не является ценностью или необходимостью. Смысл предстаёт как «невротическая попытка придать фиксированное и более или менее постоянное значение времяпрепровождению, представляющему собой чередование способов сопротивления смерти: учебы, работы, секса, философии, науки, искусства и т.д.», причем «утрата смысла» и «бессмысленность» — тоже «вне смысла». Ценностью является «процесс» в самом широком значении (в виде self, поля, контакта и т.д.) — в процессе психотерапии человек лишь становится более чувствительным к процессу, любые успехи — продукт побочный. «Психотерапия — это процесс примирения self с самим собой». Вместе с тем феноменологическая (клиническая) картина для современного человека

представляется альтернативой «невроз — безумие», однако континуум между этими крайними точками не определен. Да и сама личность не определена — она «из относительно устойчивого образования превращается в процесс организации контакта в поле и организована уже не посредством структуры, а посредством функций, реализуемых ею в ходе процесса контактирования со средой». Вне этого контакта, вообще говоря, не существует потребностей, чувств, ценностей, убеждений, знаний, умений, свойств и даже self.

Не будем забывать, что представленное описание — только образ реальности, своего рода сновидение, фрагмент скольжения через хаос, вернее, модус его существования. Есть ли в этом сценарии, по законам жанра и композиции, какая-то интрига, кульминация, развязка? Надо полагать, что они имеют место в «точке контакта» сновидения и тех аспектов хаоса (он, по определению, всегда нечто большее), которые не постулируются как категории, а опознаются при столкновении с ними. Мы полагаем, что автор знает, чему релевантны категории «жизнь», «творчество» и «удовольствие», о которых он пишет.

Метафорически, и в своей полноте, этот сюжет уже был представлен в рассказе В.Пелевина «Девятый сон Веры Павловны». Главная героиня Вера, постигающая *философию* под «ненавязчивым и непрямым» руководством, однажды открывает, «что все долгие годы духовной работы, потраченные на поиски смысла, оказывались потерянными зря, потому что дело было, оказывается, в тайне», а «знание тайны жизни в отличие от понимания ее смысла позволяет управлять бытием, то есть действительно прекращать старую жизнь и начинать новую». Процессуально реализуя эту тайну — «всё идёт так, как мы пожелаем», героиня действительно становится более чувствительной и способна видеть «метафизическую функцию предметов», но поскольку она не знает её смысла, она не в состоянии «различить их метафизической сути». А именно она видит на всём следы дерьма, испытывает фантомную боль от ампутированного смысла; ей стало ка-

заться, что «её заменили плоским рисунком на бумаге, и в её плоской душе поднималась плоская ненависть к плоскому миру вокруг». (Категория «дерма» занимает особое, историческое место в гештальт-терапии. Как и «помойного ведра», благодаря которому, по сюжету, Вера контактирует со средой посредством символических и буквальных функций). Ненависть разрешается в акте «смерти терапевта» — процессуально завершением гештальта в стилистике Достоевского, т.е. от удара топором. В апофеозе та сила, которой некто открыл вентиль вместе с открытием «тайны жизни», грозно прорывается в мир Веры. Вселенский потоп фекальной субстанции уносит её прочь; за «солипсизм» ей грозит низвержение в литературу социалистического реализма, но оказывается она в романе Чернышевского «Что делать?», очевидно, для того, чтобы видеть сны.

Такая *деконструкция* гештальт-терапии, как авангарду постмодернизма, должна понравиться.

4. Хаос как пространство путешествия

Кульминационной точке изложения необходимо предпослать связку метафор, скрепленную, как узлами, квадратными скобками в точках перехода между авторами. Связность эта, вызванная имажинативной логикой творческого акта, сложилась в интертекст, т.е. текст, состоящий из цитат и реминисценций:

Это жанр набросков путешественника, ищущего опасных методологических приключений [2. С.6]. Мыслить — всегда значит идти колдовским путем; не будет ошибкой сказать, что это опасное занятие [6. С.56], потому что самые искушенные головы пугаются набегающей волны парадоксов. Изобилие заводящих в тупик пируэтов даже у излишне самоуверенных людей отбивает всякую надежду понять, что же на самом деле происходит [2. С.6]. Из такого похода возвращаются с опаленными глазами, в нем требуется экспериментировать на ощупь и при его начертании пользуются средствами не вполне благовидными, не вполне благоразумными и рациональными — из разряда грез, патологических процессов, эзотерических опытов или трансгрессии [6. С.57]. Как известно, пу-

тешественники замечают далеко не все, но оставляют дневниковые записи о самом разном [2. С.6]. В Эрсии для того, чтобы обозначить отношения родства, обмена, взаимозависимости или передачи прав, жители протягивают между домами белые, черные, серые или черно-белые бечевки. Когда их становится так много, что между ними уже невозможно пройти, жители переезжают в другое место, и после разборки домов остаются лишь столбы с натянутыми между ними бечевками [10. С.98]. И все-таки сетка нужна. Нужны прочные связи и ответственности между различными теориями, направлениями, концепциями [8. С.294]. Обнаружение «сквозных структур», общих для различных психотерапий, является основой понимания психотерапии, как единого целого [17. С.17], в виде сети, протянутой сквозь хаос [6. С.56]. Теперь я расскажу об Октавии, городе-паутине. Между двух крутых гор есть пропасть, над которой и находится город, прикрепленный к обеим вершинам канатами и цепями и соединенный внутри лестницами. Приходится осторожно ступать по деревянным перекладинам так, чтобы не попасть ногой в пустоту между ними, или же цепляться за ячейки пеньковой сети [10. С.96]. Их знание поддержит любого начинающего психотерапевта, а со временем приходит понимание относительности, ограниченности возможностей любой теории [8. С.294]. Понимать — так, как один человек может понять другого [13. С.16].

Как возможна психотерапевтическая компаративистика

Психотерапевтическая компаративистика, о необходимости создания которой так долго говорили классики отечественной психотерапевтической методологии, у нас действительно свершилась. Появляются работы по сравнительному анализу «философско-антропологических, ... и пр. оснований с целью обнаружения общих векторов их развития, выявления психотерапевтических универсалий»[5].

Вопрос в другом — на какой метаоснове будет происходить её победоносное шествие и связанный с этим вопрос — *für welches Ziel?*

Авторы психотехнической теории предлагают следующие методологические основания [4. С.17]:

1. Психотехническая теория есть теория практики, а не объекта, она описывает не психику, а работу-с-психикой.

2. Основой понимания психотерапии, как единого целого, является обнаружение «сквозных структур», общих для различных психотерапий.

3. Сравнительный анализ — это типологический анализ, с разложением известных психотерапевтических теорий и методов на составные части и установлением системы соответствий между структурными элементами.

В отношении этих положений есть два ключевых, принципиальных возражения.

Первое заключается в том, что какой бы разработанной ни была психотехническая теория, она работу-с-психикой именно *описывает*, т.е. представляет собой теорию не объекта, в данном случае психотерапевтического процесса или стратегии, а *образа* объекта. Иначе говоря, это теория не того, что мы делаем, а того, что мы думаем, что мы делаем. (Этот урок И.Канта естественные науки проходили еще давно, но они были тогда очень юными и не все поняли, а психотерапия вообще отсутствовала по уважительной причине. Хотя Кант размышлял тогда именно о душе, но пришлось ему отвлечься и разнимать историческую школьную потасовку на тему *о правильном методе*).

Следствия из этого, казалось бы, казуистического и маловажного замечания обладают огромной силой. *Обнаружение* исследователем чего-либо происходит не в поле «открытия истин», а в поле «конструирования интерпретаций» (принцип генеративности), и стать *общими* они могут, например, конвенционально — *вдруг* все согласятся (сплотятся перед лицом общей угрозы). В строгом смысле, «сквозные структуры» или «общая система вопросов, на которые надлежит ответить каждой «психотерапии»», — это, по своему статусу, фрагменты

тех же подходов, но вынесенные на метауровень. Имплицитно они содержат все те же *основания для недоверия*, как и те «психотерапии», которым *надлежит* пройти *фэйс-контроль*. И тогда мы имеем три тенденции, противодействующие с разной силой такому положению вещей и, вообще говоря, *стимулирующие крепчение хаоса*. Это — «двойное послание» участникам сообщества: латентный отказ от принципа плюрализма/полифонии при его декларировании. Это — новый виток отношений между психотерапиями, теперь уже в процессе создания альтернативных «сквозных структур». А поскольку соблюдение принципа полифонии предполагает *исторический диалог культур*, «сквозные структуры» предстоит искать в результате не общепсихологического, а культурологического анализа. А ведь за психотерапией замечено не только «стремление являть собой феномен культуры» [18. С.55], но и попытки заталкивать культуру в себя. Невротик *все* делает невротически, будем же радоваться тому, что нарциссическая булимия для нас лучше такой же анорексии.

Второе возражение связано с вопиющей непродуктивностью структурного подхода при анализе таких объектов, которые развиваются нелинейно, многовариантно и вероятно, обладают высокой динамичностью, включенностью в индивидуальные и социокультурные контексты. А *работа-с-психикой* — как раз такой объект.

Структура (разложение на составные части и установление системы соответствий между структурными элементами) — это редукция, удобная для описания тривиальных случаев и парциальных факторов. Она не учитывает того, что делает ценным знание о живом и действующем объекте — «за рамки структуры как закона сообразности выходят случай, шанс, событие, свобода» [16]. Структурный подход лучше всего показал себя в лингвистике, при анализе текстов, но и там его побочные результаты, как говорят, оказались ценнее прямых достижений. У структурного анализа, пытающегося *создать модель* реальности в её сложности, *приблизиться* к её динамике и непре-

рывности — недобрая участь. Мы не утверждаем, что его существование невозможно. Но, вырастая за пределы *эскиза*, пробы, лаборатории, он будет погребен под грузом всего того структурного добра, которое будет принужден таскать с собой, с бонусом дополнений, исключений из правил, кросс-уровневых переходов и прочих радостей. Он даже может быть верен в отдельных местах. Взамен этого, как представляется, он будет чудовищно уродлив и столь же чудовищно неудобен.

Собственно, это обоснование того, почему на смену структурализма пришел постструктурализм, почему экспертная система заманчивее реляционной базы данных, почему люди предпочитают ходить не по распланированным дорожкам, а прокладывать свои тропинки, а критерием истинности в науке признан и принцип красоты.

Тема, что такое «психотерапии», разнесенные по ячейкам таблицы, заслуживает отдельного исследования.

Как же в таком случае возможна психотерапевтическая компаративистика?

На наш взгляд, она нуждается в тесном союзе с сестрой своей — герменевтикой. И это тоже тема отдельного исследования. Но и она — только инструмент: есть что-то такое, вне чего и герменевтика превращается в схоластическую экзегетику в худшем её смысле. Есть что-то такое, вне чего *игра в бисер* становится наглостью *умертвлять Автора* и ловкостью *тырить абзацы*, после чего здравому читателю хочется либо кратко выразиться на олбанском наречии, либо пойти и удавиться.

Обещанная сказка. В синем море-окияне (*бессознательного*) есть остров (*сознания*). На острове том — дуб (*уже знаем, философской упорядоченности*), на дубе том прикован цепями сундук (*еще большей методологической упорядоченности*). А в сундуке-то — заяц (*то, что всё равно ускользает-убегает*), а в зайце — утка (*то, что затем и улетает*), а в утке — яйцо (*рождение и весь мир*), а в яйце — игла (*то, что так пронзительно*). И вот, когда *некто* проследует по своему культурному пути *героя*, со всеми остановками по маршруту, и над-

ломит острие иглы — тут и хаосу-Кощю ... сами знаете что.

Наша невротическая психотерапия не зря подбивает клинья к теологии. Н.Кузанский пытался донести до братии, что *Бог* находится в каждой точке брэнного мира, но при этом является собой и бесконечность. Нам — только развернуть и свернуть, умеючи-то ...

Каждый толковый психотерапевт и педагог *делает это* — и разворачивает-сворачивает и достает из рукава и кролика, и *что вынется*. Схемы-структуры — тоже нужны, и как козыри в рукаве, и как повод к культурному путешествию. И респекты тем, кто хочет учить и ужеставляет психотерапевтов в атмосфере творческих мастерских, а не только академических классов, насколько мы понимаем, психотехническая школа и делает это.

Не в книгах хранится учение, а в человеке [13]. На этом Шахерезада прерывает дозволенные речи.

Список литературы

1. *Eisner D.* The Death of Psychotherapy: From Freud to Alien Abductions. Westport, CT: Praeger Publishers, 2000. 235 с.
2. *Аллахвердов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003. 368 с.
3. *Бьюдженталь Д.* Наука быть живым: Диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии/пер. с англ. А.Б. Фенько. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. 336 с.
4. *Васильюк Ф. Е.* Понимающая психотерапия: опыт построения психотехнической системы // Вестник практической психологии образования. 2007. № 4. С. 37–41.
5. *Васильюк Ф. Е.* Психологический университет в Москве: факультет психологического консультирования // Психолог. 2006. № 4.
6. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С.Н.Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
7. История философии: энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. 1376 с.
8. *Калина Н.Ф.* Основы психоанализа. Серия «Образовательная библиотека». М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001. 352 с.
9. *Калмыкова М.А.* Русский прорыв на психотерапевтическом фронте // Ex libris НГ.1999. С.13.

10. *Кальвино И.* Незримые города. Замок скрещенных судеб. Киев: Лабиринт, 1997. 400с.
11. *Меновицков В.Ю.* Онлайн-консультирование как часть постмодернистской культуры (Философско-исторический контекст и методология современной психопрактики)// Психологическое консультирование Онлайн. 2010. №2. С.4-15
12. *Паттерсон С., Уоткинс.* Теории психотерапии. СПб.: Питер, 2004. 544 с.
13. *Перцев А. В.* Русское средство от постмодернизма// Известия Уральского государственного университета. 2006. № 42. С. 6-22.
14. *Погодин И.А.* Особенности психотерапии в эпоху постмодерна: процессуальный характер // Консультативная психология и психотерапия. 2008. №4. С. 179-192.
15. *Решетникова О.В.* Психологическое сообщество выбирает интеграцию // Вестник практической психологии образования. 2007. №4. С. 10-14.
16. *Руднев В. П.* Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.
17. *Сосланд А.И.* Теоретические основы построения психотерапевтического метода : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Психологический ин-т РАО, 2000. 20 с.
18. *Сосланд А.И.* Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать свою школу в психотерапии. М.: Логос, 1999. 368 с.
19. *Цапкин В.Н.* Единство и многообразие психотерапевтического опыта // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 2. С. 5–40.

PSYCHOTHERAPY ESSAY FOR THE METHODOLOGY OF PSYCHOTHERAPY

S. Dinaburg

Perm State Technical University, 614990, Perm, Komsomolsky pr., 29

In the article the self-reflection of psychotherapy regarding to neurotic self-diagnosis is presented. From the cultural and psychotherapeutic positions, the methodological reactions to the condition of chaos in psychotherapy and the ways of its overcoming are analyzed. The opportunity of constructing comparative studies in psychotherapy on the basis of the psychotechnic system, hermeneutical approach, culture of use of semantic space of the symbolic are considered.

Key words: psychotherapy; psychotherapy methodology; chaos in psychotherapy; post-modernism; psychotechnic system; comparative psychotherapy; hermeneutics; symbolic journey.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.955.2

ПСИХОТЕХНОЛОГИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ**Н.Д. Узлов**

Предпринята попытка систематизировать подходы к определению понятия «психотехнология». Обсуждается использование данного термина в качестве объединяющей метафоры, через категории продуктивной деятельности, ориентировочной основы действий, алгоритма решения психологических задач, интегративной модели. Рассмотрены соотношения терминов «психотехника» и «психотехнология». Предлагается рабочее определение «психотехнологии», отвечающее задачам практики.

Ключевые слова: дефиниция; психотехнология; психотехника; метафора; алгоритм решения психологических задач; продуктивная деятельность; ориентировочная основа действий; интегративный подход.

Психотехнология. Иногда употребляется как синоним прикладной психологии. Термин используется довольно свободно, и его значение зависит от теоретической ориентации автора.

Оксфордский толковый словарь по психологии

В последние десятилетия получили распространение многочисленные разработки на стыке психологии и других областей науки и практики (информационные системы, массовые коммуникации, лингвистика, нейрокибернетика, психотроника и др.). Прикладные аспекты этих исследований нашли применение в различных сферах человеческой деятельности. Они «пустили свои корни» в политике и бизнесе, менеджменте и организационном консалтинге; положены в основу разработки и проведения рекламных и избирательных кампаний; взяты на вооружение оборонных ведомств и спецслужб; призваны служить гуманитарным целям сохранения здоровья, развития и воспитания; с их помощью совершаются серьезные преступления; отдельные сограждане добровольно расстаются со своими деньгами или имуществом, становятся последователями религиозных деструктивных культов, добровольно отказываются от своих денег, привычных

жизненных ценностей и т.д. Все эти разработки характеризуются высокой степенью влияния на человеческую психику. Новейшая мировая, особенно отечественная, история изобилует примерами того, как огромные массы людей подвергались и продолжают подвергаться тонкой и изощренной психологической обработке.

Говоря об этих и других разработках, следует отметить, в первую очередь, их высокую технологичность. Она базируется на четком знании, своевременном выявлении и результативном использовании закономерностей и последовательностей проявления психических процессов, поведения человека в различных условиях и жизненных ситуациях; характеризуется высоким уровнем исполнения, мастерства.

Все вышесказанное имеет отношение к термину, который в последнее время получил довольно широкое распространение и столь же широкое толкование — «психотехнологии». Даже самое беглое обращение к поисковым системам Интернета показывает все возрастающий интерес к данной теме. Так, например, на 1 июля 2010 г. в поисковой системе Яндекс обнаружилось 3 170 запросов в месяц и 302 тыс. ответов, а на 22 января 2011 г. уже со-

ответственно 3 995 и 316 тыс. сообщений, имеющих отношение к психотехнологиям.

Большинство психологических словарей и энциклопедий, включая их Интернет-версии, не дают определения понятию «психотехнология». Предпринимается попытка википидировать данное определение: см.: психологическое «совокупность методов и приёмов прикладной психологии, направленная на решение определенной задачи (<http://ru.wiktionary.org/wiki>).

Вместе с тем на прайс-листах многих крупных издательств расположена информация о выпуске целых серий книг: «Психологические технологии», «Современные психотехнологии», «Лучшие психотехнологии мира», рекламирующие издания, главным образом, по НЛП, транзактному анализу и психологическому тренингу. Кроме того, представлены монографии и статьи, касающиеся прикладных аспектов использования психотехнологий в области управления, бизнеса, образования, медицины и спорта и др.

Разработкой и внедрением психотехнологий занимаются как государственные, так и частные организации различного уровня. Приведем список наиболее часто упоминаемых в сети Интернет:

Институты. Самым известным, по видимому, является ООО «НИИ психотехнологий им. И.С.Смирнова» (<http://www.psycor.ru>), см. также его дочерние подразделения, например, ООО НПП «Психотехнологии и безопасность» (<http://www.psihoteh.ru>). В числе других можно назвать Высшую школу психоанализа и психотехнологий (<http://www.psychoschool.ru/>); Институт психотехнологий (<http://www.psychotechnology.ru>); Институт психонетики (<http://www.psychonetica.ru>); Институт современных психологических технологий «Парацельс» (<http://www.paracels.ru>); Институт современных психотехнологий развития, Институт интегративной психологии профессионального развития (<http://www.integratio.ru>) и др.

Лаборатории: Научная творческая лаборатория психотехнологий «МОСТ» (<http://www.psymost.com>); Лаборатория нейрофизиологии когнитивной деятельности Института возрас-

тной психологии РАО (<http://www.neurodev.net.ru>); Лаборатория самоорганизации «Исследование и развитие новых психотехнологий» НПО «Синергия» (<http://www.synergia.ru>) и др.

Агентства: например, Агентство психотехнологий «Конкордия» (<http://www.verkano.ru>), занимающееся полиграфическими исследованиями.

Центры. Таковые имеются почти во всех крупных городах России и республиках бывшего СССР: Международный Центр современных психотехнологий, г. Санкт-Петербург (<http://www.humans.ru>); Центр новых психотехнологий в бизнесе и спорте (<http://www.bscenter.ru/>); ООО «Псибазис» (<http://www.psibasis.ru>), Сибирский Центр НЛП-технологий (<http://www.nlp-sibir.ru>); Центр психотехнологий «ЭМТЭЛ-С» (<http://emtel-s.ru>); Центр информационно-психологической безопасности НИИ ресурсных технологий (<http://www.stressnet.ru>); Центр прогрессивных психотехнологий (<http://kemerovo.samoroznanie.ru>); Центр психологических технологий «ТОТ» (<http://www.tot-all.ru>); Медико-психологический центр индивидуальности (<http://www.mpci.ru>) и др.

Ассоциации: например, Международная ассоциация психотехнологий (<http://kichaev.ru>) и проч.

Эти и другие организации специализируются как в разработке отдельных психотехнологий (ноу-хау), так и их внедрении, при этом их значительная часть, главным образом центры, ориентированы на коммерческую деятельность в сфере обучения психологическим, психотерапевтическим и духовным практикам. Анализ рекламных проспектов, продуктов деятельности, литературных источников, размещенных в Интернете, позволяет говорить о широком контексте применения психотехнологий, используемых в бизнесе, системе продаж, управлении персоналом, ведении переговоров, политике, рекламе, PR, избирательных кампаниях, кадровой работе, образовании, фитнесе, спорте, кризисном консультировании, управлении сознанием, свободном дыхании, личностном развитии, духовном росте, формировании ресурсных

состояний, пикапе, защите от манипуляций и проч.

Современный уровень развития психотехнологий связан с разработкой компьютерных программ. Наиболее известны технологии психозондирования и психокоррекции, разработанные под руководством академика И.В.Смирнова; метод «BIMENTAL» (разработчики — А. И.Кучинов и др., Институт медико-биологических информационных технологий), позволяющий подавать лечебную информацию в подсознание пациента таким образом, что она воздействует непосредственно на глубинный очаг заболевания; программа «Интеллект-форте» для оптимизации психического состояния, развития невербального интеллекта и интуиции (ООО «Псибазис», руководитель д.пс.н. А.Б.Шапиро) и др. С середины 1980-х гг. на Западе, а с недавнего времени и в России, получили распространение т.н. майнд-машины (mind machine) — специальные устройства для аудиовизуальной стимуляции мозга (<http://www.mindmachine.ru>), применение которых позволяет избавиться от депрессии и тревожности, снизить стресс, повысить умственные способности, облегчить боль, усилить иммунитет, решить проблемы с химическими зависимостями, улучшить спортивные достижения и проч.

Прикладные исследования в социальной психологии, направленные на изучение механизмов психологического воздействия, межличностного взаимодействия, стихийного поведения, массовых коммуникаций, разрешения конфликтов и прочего, нашли свое воплощение в технологиях, которые описываются в терминах: «социальное влияние» (social influence): «манипулирование личностью, манипуляция сознанием» (manipulation), «скрытое управление человеком», «тайное принуждение личности», «контроль сознания» (mind control), «промывание мозгов» (brainwashing), «рефлексивное управление», «психоинжиниринг», «психологическое кодирование», «программирование», «зомбирование», «шизофренизация массового сознания», «теневая психология» и др.

Анализ литературы позволяет выделить следующие основания для формулировки понятия «психотехнология».

1. Метафора психотехнологии

Насколько сложным и трудоемким может быть конструирование психологических определений, следует, например, из статьи Е.Л.Доценко (1993), посвященной психологическому определению понятия «манипуляция». Обсуждая эту тему, автор показывает, что феномен манипуляции хорошо известен психологам и специалистам смежных отраслей знания, и у каждого из них есть конкретные примеры и объяснение этого явления. Проблема заключается в поиске и отборе критериев, необходимых и достаточных для конструирования дефиниции, учитывая тот факт, что различные авторы вкладывают в одно и то же понятие разное содержание. Исследуя подходы к изучению феномена манипуляции различных авторов, Е.Л.Доценко делает одно очень интересное замечание: большинство исследователей в решении данной задачи исходят из интуитивного представления о ее сути. Он предлагает в качестве эталона использовать метафору манипуляции, поскольку именно она является «источником того интуитивного понимания, которое исследователи пытаются эксплицировать при попытке определения манипуляции» [14. С.133].

С позиций интуитивизма становится понятным, почему термин «психотехнология» может быть истолкован в различном значении. Для одних «психотехнология» означает тренинговую форму обучения, для других — нейролингвистическое программирование или транзактный анализ, для третьих — разработку и испытание психотронного оружия, четвертые понимают под психотехнологией методы контроля сознания и т.д. Так или иначе каждый из авторов убежден, что говорит о вещах каких-то знакомых и понятных, не требующих особого уточнения. Именно с этим лингвистическим парадоксом столкнулся Е.Л.Доценко, исследуя феномен манипуляции. Разрешить его позволяет метафора, которая наряду с примерами и аналогиями является составной частью модели

мира. Метафора участвует в осуществлении когнитивных операций, предполагающих соотнесение различных понятийных сфер и различных миров [48]. Вот что говорил по этому поводу Э.Ортони, английский философ: «Работа метафоры заключается в том, что она выражает аналогию, но не прямо, а опуская определенные компоненты» [48. С.221].

Метафора психотехнологии позволяет использовать сам термин «психотехнология» как удобный и не требующий дополнительного объяснения конструкт. Так, в работах В.Н.Панкратова термин «психотехнология» приравнивается к значению слова «искусство» (в исконном смысле греческого слова *techne*). Сравним, например, книги «Психотехнология управления собой» [37] и «Искусство управлять собой» [39], из которых последняя представляет собой расширенное и дополненное издание первой книги. В её содержании имеются главы, в заголовках которых указываются: «Психотехнология формирования позитивного мышления», «Психотехнология успешного управления собой» и др. Однако при этом содержание термина «психотехнология» нигде не раскрывается. Другая серия книг автора написана на основе указанного выше принципа и посвящена искусству (психотехнологии) управления людьми [38; 40]. В главе «Психотехнология эффективного воздействия на людей» автор пишет: «Психотехнология воздействия на людей предполагает овладение такими психологическими знаниями, которые способствовали бы эффективному влиянию на окружающих с целью вхождения в доверие, создания особого расположения к ним, позволяющего программировать желание деловых партнёров на постоянное и искреннее сотрудничество с вами» [40. С.21].

Аналогичные примеры можно почерпнуть при анализе работ А.Ю.Панасюка, в которых приводятся «современные психотехнологии убеждающего воздействия» [35] и «психотехнологии проникновения в подсознание собеседника» [36], представляющие собой описание различных способов и приемов речевых манипуляций на основе разрабатываемой автором

концепции «психориторики» и проблемы «психологии подсознательной коммуникации». Термин «психотехнология», как и у В.Н.Панкратова, автором используется метафорически как «искусство убеждать, побеждать в споре».

В этом смысле интересна эволюция взглядов В.П. Шейнова [51-55], который в названии своих книг, посвященных психологии манипуляции, постепенно уходит от понятия «скрытое управление человеком» (2000) к «психологии влияния» (2002) и «психотехнологии влияния» (2006), подразумевая под этим все то же «искусство управлять людьми» (2005). Представленный выше краткий обзор публикаций показывает, что обращение к метафоре как средству уточнения определяемого понятия позволяет в известной мере повысить объективность рассуждений в подразумеваемом (имплицитном) представлении о том, что такое психотехнология. Как видно из приведенных примеров, использование метафоры психотехнологии оказывается весьма предпочтительным с практической точки зрения, вопрос лишь заключается в степени ее отрефлексированности. Иными словами, речь идет о степени соответствия, соотношения метафорического и аналитического определений.

2. Психотехнология как продуктивная деятельность

С классификационной точки зрения психотехнологии относятся к классу социальных технологий, которые по аналогии с промышленными технологиями определяются как совокупность приемов, методов и средств, используемых для достижения конкретных целей. В частности, как способ осуществления деятельности на основе рационального ее расчленения на процедуры и операции с их последующей координацией и синхронизацией и выбора оптимальных средств, методов их выполнения [17. С.345].

Логике аналогии следует, например, М.Ю.Лихобабин, описывая психотехнологию как:

- совокупность и последовательность психических процессов и действий в деятельности человека;
- науку о закономерностях, выявлении и использовании в деятельности наиболее эффективных психических процессов, действий и их последовательностей [30].

Как видно из определения, объединяющим понятием выступает категория деятельности.

Известно, что выделяют, как правило, два уровня использования категории деятельности как объяснительного принципа психики: 1) при изучении различных областей психической реальности — психология познавательных процессов, мотивации, воли, эмоций, личности, внутригрупповых процессов; 2) при построении различных отраслей психологии — общей, возрастной, социальной, педагогической, медицинской, инженерной и др. [46. С. 134].

Оба этих подхода дают возможности для построения психотехнологий. Первому уровню могут соответствовать, например, «психотехнологии внутренних состояний» [7], «психотехнологии общения» [43], «психотехнологии измененных состояний сознания» [24] и др. Можно апеллировать к конкретным направлениям и областям прикладной психологии (второй уровень), приводя в качестве примера «психотехнологии делового общения» [15]; «психотехнологии презентации и успешных продаж» [1; 12; 33 и др.]; «психотехнологии в бизнесе и менеджменте» [27; 43; 57 и др.]; «технологии тренинга» [8; 31; 44 и др.]; технологии «промывания мозгов» в пропаганде [29] и т.д.

Психотехнологию можно рассматривать как особую форму продуктивной деятельности людей в конкретно-прикладном аспекте, основанную на знании закономерностей функционирования психики. Продуктивная деятельность — деятельность рациональная и целесообразная по своей природе. «Если конечный результат (один из результатов) деятельности совпадает (в какой-то мере) с поставленной целью, мы имеем дело с рациональной (продуктивной деятельностью). В противном случае деятельность является непродуктивной. Совпа-

дение результата с целью свидетельствует о том, что действия в самом деле были «целесообразными» [34. С.58].

Таким образом, деятельностный подход в описании психотехнологий также является перспективным, снимая в известной степени размытость изучаемого понятия при его рефлексивно-метафорическом рассмотрении.

3. Психотехнология как ориентировочная основа действий

Сторонники акмеологической теории в своих построениях опираются на классическую схему деятельности, разработанную А.Н.Леонтьевым. В качестве «единицы анализа» принимаются действия. Структурными моментами описания действий при этом выступают: цель, на достижение которой направлены действия, условия, в которых осуществляются действия и операции — особые «единицы» анализа деятельности, непосредственно соотносимые с этими условиями. При этом цельность действия, включающего в себя различные операции, подчеркивается понятием «задача», выражающим единство цели и условий и обозначающим искомый результат, который предстоит достигнуть при наличии определенных условий.

Модель психотехнологий, разработанная А.П.Ситниковым в рамках акмеологического подхода, опирается на теорию формирования умственных навыков П.Я.Гальперина. Она детально изложена в его работе «Акмеологический тренинг: Теория, Методика. Психотехнологии» [44].

П.Я.Гальперин разграничивал две части предметного действия: его понимание и умение его выполнить. Первая часть играет роль ориентировки и названа ориентировочной, вторая — исполнительской. Особую роль П.Я.Гальперин придавал ориентировочной части, считая ее «управляющей инстанцией», своеобразной «штурманской картой». Ориентировочная основа действий (ООД) — система представления человека о его цели, плане и средствах осуществления [10].

В современной психологии профессиональной деятельности под ООД понимаются те кон-

кретные образы, знания и представления, которыми руководствуется субъект при выполнении действий целеполагания, планирования, выполнении отдельных действий, осуществлении контроля и оценки результатов каждого действия и деятельности в целом [41]. З.А.Решетова в содержание ООД включает психологический образ предмета деятельности (его содержание, структуру, функцию) и программу действий («внутренний план деятельности») [42].

А.П.Ситников описывает четыре возможных значения понятия «психотехнология». Исходным понятием выступает «совокупность действий и операций».

Значение I: психотехнология как реально осуществляемая упорядоченная совокупность действий и операций, или «осуществление психотехнологии».

Значение II: психотехнология как способ организации упорядоченной совокупности действий и операций в определенную целенаправленную последовательность или ориентировочная основа действий (ООД) — «первичная форма существования психотехнологии».

Значение III: психотехнология как описание научными средствами целенаправленной последовательности действий, выявление их упорядочивающей основы, изучение закономерностей в способах организации действий с целью использования наиболее эффективных из них. Этому значению может соответствовать «психотехнологическое исследование».

Значение IV: психотехнология как результат описания осуществляемых способов организации действий и операций, нацеленный на его практическое применение, схема ориентировочной основы действий (схема ООД) — совокупность различной предметной информации, ориентиров и указаний по совершению действий. Этому уровню соответствует «реализация психотехнологии».

ООД рассматривается А.П. Ситниковым как первичная форма существования технологии, которая относится к плану реально осуществляемых действий, в то время как схема ООД фиксирует представления о том, как должны

осуществляться указанные действия (идеальный план), и имеет отношение к способности профессионала осуществлять реальные действия в условиях реально существующей конкретной ситуации. Схема ООД является результатом выявления ООД — объективной логики реально осуществляемой профессионалом совокупности действий и операций, направленных на достижение определенной цели. По сути, она представляет собой комплекс предметной информации, в т.ч. указаний и ориентиров для совершения действий и операций. Владение схемой ООД есть владение соответствующей информацией, т.е. знание того, как следует организовывать свои действия, чтобы достичь поставленной цели в имеющихся условиях — выполнить профессиональную задачу. Схема ООД должна быть развернута в реальную последовательность действий, способность человека совершить которую — его профессиональные умения — и определяется А.П.Ситниковым как владение ориентировочной основой действий. «Понимая технологию как ориентировочную основу реально осуществляемого действия, под владением технологией мы будем понимать умение осуществлять соответствующим образом организованные действия» [44. С.43].

Таким образом, в акмеологическом подходе «психотехнология» рассматривается как единица анализа профессиональной деятельности. Психотехнология понимается как целенаправленная и упорядоченная соответствующим освоением предметной ситуации, своей ориентировочной основой, совокупность и последовательность действий [44; 45].

4. Психотехника и психотехнология: соотношение понятий

В психологических словарях психотехника определяется как «ветвь психологии, изучающая проблемы практической деятельности людей в конкретно-прикладном аспекте», «направление и раздел психологии, в котором разрабатывались вопросы применения знаний о психике человека к решению практических задач, главным образом в плане изучения проблем науч-

ной организации труда» [6. С. 448]. В настоящее время в своем первоначальном значении термин «психотехника», как его понимали В.Штерн и Г.Мюнстерберг, практически утратил свое существование. За рубежом понятие психотехники стало идентично понятию прикладной психологии, которая понимается как «практическое использование достижений психологии» [20. С.16].

Анализ литературы позволяет выделить следующие соотношения понятий «психотехника» и «психотехнология»:

Преимственность (то, что раньше называлось психотехникой, стало называться психотехнологией). Идея преимственности понятий прослеживается, главным образом, в исследованиях по проблемам психологии профессиональной деятельности [4; 16; 30; 45 и др.].

Равнозначность (оба термина используются как синонимы для обозначения одних и тех же методов психологической работы). Это касается, главным образом, различного рода интегративных и духовных практик (свободное дыхание, ребефинг, цигун, йога и др.) [13; 24-26; 28 и др.].

Самостоятельность термина «психотехника» (не сводимая к психотехнологии). Психотехника рассматривается как совокупность психологических приемов, методик, игр и упражнений, используемых: при подготовке спортсменов («психотехнические игры») [50]; в боевых искусствах («психотехника война») [9; 47 и др.]; в обучении актерскому мастерству («тренинг творческой техники») [11], «телесно-ориентированная психотехника актера» [3], «психотехнические игры и упражнения» в психологическом тренинге [5; 8; 31 и др.], «психотерапевтические техники» [19; 21; 32; 49; 56 и др.].

Психотехнология как совокупность психотехник. Е.В.Руденский указывает: «Психотехнология — это наука о практическом использовании психологических техник управления людьми» [43. С.4]. «Психотехника представляет собой систему взаимосвязанных операций, направленных на изменение состояний, мотивов, установок и т.д. у личности, на которую

оказывает воздействие менеджер. Он должен рассматривать психотехнологию как систему практических действий, которые опираются на системный анализ общения» [43. С.109]. О.Г. Бахтияров предлагает различать: психотехнический прием — однократное действие, совершаемое оператором для изменения актуального состояния в рамках той или иной психотехники; психотехнику — последовательность психотехнических приемов, ведущую к формированию устойчивого заданного психического состояния; психотехнологию — организованную совокупность психотехник, направленную на решение определенной конструктивно сформулированной задачи. По мнению автора, психотехники состоят из нескольких приемов, а психотехнологии включают в себя несколько психотехник, хотя и бывают случаи, когда психотехника состоит из одного приема, а психотехнология — из одной психотехники [2. С.80-81]. Аналогичный подход можно встретить в книге «Мастер-класс И. Вагина. Лучшие психотехники» [7], в которой «психотехнологии внутренних состояний» включают в себя 19 комплексов психотехник.

5. Психотехнология как алгоритм решения психологических задач

Т.С.Кабаченко в своей книге «Методы психологического воздействия» приводит следующую логическую схему построения психотехнологий:

Оказывать воздействие на человека при решении самого широкого круга профессиональных задач, а также на бытовом уровне; с помощью внешних раздражителей различных модальностей, посредством слова и невербальных стимулов, через регуляцию уровня удовлетворения потребностей человека и вовлечения его в специальным образом организованную деятельность. Перечисленные группы факторов далее мы будем называть средствами воздействия.

Совокупность средств воздействия, объединенных определенным алгоритмом их применения, направленных на решение определен-

ной психологической задачи в конкретных условиях, мы обозначим как прием воздействия.

Способы решения определенной психологической задачи, т.е. множество конкретных приемов, образуют метод психологического воздействия.

Алгоритм решения психологических задач, приводящий к определенному социальному эффекту, образует технологию воздействия [18. С.102-103].

М.Р.Душкина переносит вышеприведенные понятия в контекст «психологии влияния»: говоря о средствах психологического влияния, выделяются группы факторов влияния, обозначаемых далее как средства; алгоритмизированная система средств влияния составляет прием; совокупность приемов влияния образует метод; сочетание, последовательность и ритм применения средств, приемов и методов психологического влияния для решения определенной задачи — суть эффективный алгоритм влияния — представляет собой психотехнологию [15. С.50].

Как видно из приведенной схемы, центральным, связующим звеном в этой системе понятий выступает «алгоритм». Единого определения алгоритма нет. Так, в Интернет-энциклопедии Wikipedia приводится порядка 12 определений. В соответствии с определением американского математика и программиста Д.Кнута, автора известной серии книг, посвящённой основным алгоритмам и программированию, алгоритм — это конечный набор правил, который определяет последовательность операций для решения конкретного множества задач [22. С. 31].

Таким образом, психологические технологии (психотехнология, психотехника) можно рассматривать как алгоритм воздействия на психику человека, методы создания определенных переживаний (ощущений, эмоций, воспоминаний), побуждающих субъекта к желаемому действию. В реальности практически все из используемых гуманитарных технологий (рекламных, избирательных, PR-технологий) построены на особенностях человеческой психо-

логии и предполагают воздействие на нее, т.е. содержат в себе элементы психотехнологий.

6. Интегративная модель психотехнологий

В.В.Козловым предпринята попытка провести систематизацию различных подходов к психотехнологиям и требованиям, которые выдвигаются к ним с психоэкологической точки зрения. Автор описывает психотехнологию как «систему категорий, принципов и моделей, описывающих психическую реальность, человеческое существо или социальную группу как развивающуюся целостность, сориентированную на практическую работу с индивидуальной психикой или групповой психологией и включающую в себя конкретные методы, приемы, умения и навыки по целенаправленному преобразованию личности и группы». Понятие психотехнологии может быть эксплицировано только всеми контекстами, в которых психотехнологии описываются и исследуются, только в этом смысле, подчеркивает В.В.Козлов, можно говорить о полном, исчерпывающем объяснении психотехнологии. Другой важный тезис, который развивает автор, касается уровня рефлексии оснований и уровня методологического обоснования психотехнологий, иными словами, их мировоззренческое обоснование, которое в конечном итоге сводится к проблеме происхождения личности и мира. В этом смысле есть психотехнологии «от мира», или социальные психотехнологии, и выходящие за его пределы — трансцендентные психотехнологии. С позиций системного подхода и с точки зрения решаемых задач предлагается выделить три основных группы психотехнологий: 1) интегративные психотехнологии, оказывающие комплексное, интегральное воздействие; 2) целевые психотехнологии, решающие определенные узкие задачи или формирующие конкретные качества; 3) метапсихотехнологии (психотехнологии применения психотехнологий), обучающие овладению ими. Автором предпринята попытка классификации психотехнологий на основе развиваемой им парадигмы интегративной психологии, исходя из представлений о пятиуровневой модели человеческого существ-

ва, в котором выделяются телесный (физический, соматический), энергетический (витальный), эмоциональный (чувственный), ментальный (интеллектуальный) и духовный уровни. При этом считается возможным осуществлять интервенцию с каждого из этих уровней на любой другой или объединять их. В.В.Козловым также поднимается такой важный вопрос, как требования к психотехнологиям при работе с личностью и социумом, их экологичности и психологической безопасности [23].

Завершая обзор существующих в настоящее время подходов к пониманию сущности психотехнологии, следует отметить, что большинство авторов солидаризуются в том, что она содержит в себе две стороны: то, что заложено и может быть обнаружено в психике человека, и исполнительный, операциональный компонент. Психотехнология должна включать в себя сведения о механизмах, понимаемых как внутренний процесс формирования и проявления некоторого свойства психики в сочетании со способствующими тому условиями. Сведения о механизмах (закономерностях, алгоритмах функционирования индивидуальной и коллективной психики, общения, деятельности) заложены в фундаменте психотехнологий и предшествуют любым конкретным методам или приемам. Технология и механизмы образуют то общее, что есть в каждом человеке, а технические приемы действуют по-разному. В этом смысле психотехнология представляет собой целостную систему, в единстве сторон которой выступают теоретические построения и их практическое воплощение, основанное не только на строго научных знаниях, но и житейском опыте, учитывающем все многообразие вариантов, ситуаций, возможных контекстов. Поэтому знание одной техники и даже виртуозное владение ею мало что дают в конечном итоге для достижения желаемого результата. Таким образом, владение технологией в практическом плане представляется более надежным подходом, чем владение одной только техникой. Кроме того, понимание сути психотехнологии и ее механизмов позволяет создавать бесчис-

ленное количество новых методик, приемов, упражнений и техник.

Подводя итог вышесказанному, следует еще раз отметить, что в настоящее время термин «психотехнология» широко используется и употребляется в различных значениях. В практическом плане, по нашему мнению, смысл данного понятия наиболее полно отражает определение, данное Т.С.Кабаченко для объяснения механизмов психологического воздействия (влияния) как «алгоритма решения психологических задач, приводящего к определенному социальному эффекту». Вместе с тем привлечение категории деятельности в качестве объяснительного принципа дает возможность рассматривать психотехнологию как: 1) интрапсихическое образование, априорно существующее и работающее внутри нас и организующее психические функции (уровни ООД-I и ООД-II); 2) исполнительный компонент — практическое (алгоритмизированное рациональное и целесообразное) использование выявленных закономерностей психической деятельности (ООД-III и ООД-IV).

Представляется возможным дать следующее рабочее определение «психотехнологии», отвечающее задачам практики:

Психотехнология — это организованная и продуктивная деятельность людей в различных сферах социальной практики, ориентированная на эффективное решение психологических задач с заранее определенным социальным эффектом и представляющая собой совокупность приемов, средств и методов психологического воздействия и влияния, объединенных определенным алгоритмом их применения.

Список литературы

1. Адлер Г. Маркетинг будущего: диалог сознаний. Общение с потребителями в XXI веке. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. 448 с.
2. Бахтияров О.Г. Деконцентрация. Киев: Ника-Центр, 2004. 128 с.
3. Березкина-Орлова В. Актерские телесно-ориентированные психотехники // Свободное тело: хрестоматия по телесно-ориентированной психотерапии и психотехнике / ред.-сост. В. Ю. Баскаков. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2001.

4. *Бодров В.А.* Психология профессиональной деятельности // Психология XXI века: учебник для вузов /под ред. В.Н.Дружинина. М.: ПЕР СЭ, 2003. С.801-845.
5. *Большаков В.Ю.* Психотренинг: социодинамика, упражнения, игры. СПб.: Социально- психологический центр. 380 с.
6. Большой психологический словарь /сост. и общ. ред. Б.Г.Мещерякова, В.П.Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 670 с.
7. *Вагин И.* Мастер-класс Игоря Вагина. Лучшие психотехники. СПб.: Питер, 2005. 224 с.
8. *Вачков И.* Основные технологии группового тренинга. Психотехники: учебное пособие. М.: Изд-во «Ось-89», 2003. 176 с.
9. *Воронов И.* Психотехника война // Кэмпо. 1996. № 2. С.11-12.
10. *Гальперин П.Я.* Формирование умственных действий //Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления /под ред. Ю.Б.Гиппенрейтер, В.В.Петухова. М.: Изд-во МГУ, 1981. С.78-86.
11. *Гиппиус С.В.* Гимнастика чувств. Секреты развития психики. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 352 с.
12. *Деревицкий А.* Охота на покупателя: самоучитель менеджера по продажам. СПб.: Питер, 2006. 226 с.
13. *Доулинг К.* Введение в ребефинг: психотехнология работы с дыханием. М.: Центр психол. культуры, 2001. 167 с.
14. *Доценко Е.Л.* Манипуляция: психологическое определение понятия //Психологический журнал. 1993. № 4. С.132-138.
15. *Душкина М.Р.* Психология влияния. СПб.: Питер, 2004. 224 с.
16. *Иванова Е.М.* Психотехнология изучения человека в трудовой деятельности. М.: Изд-во МГУ, 1992. 199 с.
17. *Ивонин Л.Г.* Технология социальная // Современная западная социология: словарь. М.: Политиздат, 1990. С.345.
18. *Кабаченко Т.С.* Методы психологического воздействия. М.: Педагогическое общество России, 2000. 544 с.
19. *Кандыба В.М.* Триста техник глубокого гипноза: в 2 т. СПб.: Лань, 2001. Т.1. 400 с.; Т.2. 464 с.
20. *Квинн В.* Прикладная психология. СПб.: Питер, 2000. 896 с.
21. *Китпер Д.* Клинические ролевые игры и психодрама. М.: Класс, 1993. 224 с.
22. *Кнут Д.* Искусство программирования Т.1. Основные алгоритмы. М.: Владос, 2001. 720 с.
23. *Козлов В.В.* Использование психотехнологий как проблема психоэкологии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.integratio.ru/article/018.htm>
24. *Козлов В.В.* Психотехнологии измененных состояний сознания. Методы и техники. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2001. 537 с.
25. *Колета С.* За пределами НЛП. Психотехнологии на постсоветском пространстве. М., 2000. 195 с.
26. *Колянц Н.М.* Введение в психотехнику свободного дыхания: Теория. Практика. Наблюдения СПб., 1992. 28 с.
27. *Кузьмин И.А., Ситников А.П.* Современная технология эффективных коммуникаций //Психотехнологии и эффективный менеджмент /под ред. И.А.Кузьмина. М.: Технологическая школа бизнеса, 1992. С.97-122.
28. *Леонард Д., Лаут Ф.* Ребефинг или как познать и использовать всю полноту жизни. СПб.: ТФ «ИКАМ», 1993. 168 с.
29. *Лифтон Р.Дж.* Технология «промывания мозгов» СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 576 с.
30. *Лихобабин М.Ю.* Технологии манипулирования в рекламе. Способы зомбирования. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 144 с.
31. *Марасанов Г.И.* Социально-психологический тренинг: методы моделирования и анализа ситуации в социально-психологическом тренинге. М.: Совершенство, 1998. 207 с.
32. *Минухин С., Фишман Ч.* Техники семейной терапии М.: Класс, 1998. 304 с.
33. *Морган Р.* Искусство продавать: как стать профессионалом. М.: КОНСЭКО, 1994. 146 с.
34. *Никифоров А.Л.* Деятельность, поведение, творчество //Деятельность: теории, методология, проблемы. М.: Политиздат, 1990. С.52-69.
35. *Панасюк А.Ю.* Как убеждать в своей правоте// Современные психотехнологии убеждающего воздействия. М.: Дело, 2002. 312 с.
36. *Панасюк А.Ю.* А что у него в подсознании? Двенадцать уроков по психотехнологии проникновения в подсознание собеседника. М.: Дело, 2003. 272 с.
37. *Панкратов В.Н.* Психотехнология управления собой. М.: ТЦ «Сфера», 1998. 128с.
38. *Панкратов В.Н.* Искусство управлять людьми: практические рекомендации. М.: Ин-т психотерапии, 1999. 144 с.
39. *Панкратов В.Н.* Искусство управлять собой: практическое руководство. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2000. 247 с.
40. *Панкратов В.Н.* Психотехнология управления людьми. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2001. 324 с.
41. *Решетников П.Е., Акапьев В.Л.* Формирование ориентационной основы профессиональной деятельности //Прикладная психология и психоана-

- лиз. 2006. № 4. С.104-114.
42. Решетова З.А. Структура ориентационной основы деятельности и ее особенности при формировании теоретического мышления //Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1998. № 2. С.14-21.
 43. Руденский Е.В. Основы психотехнологии общения менеджера. М.; Новосибирск: Инфра-М., 1998. 180 с.
 44. Ситников А.П. Акмеологический тренинг: Теория, Методика. Психотехнологии. М.: Технологическая школа бизнеса, 1996. 428 с.
 45. Ситников А.П. Современные прикладные психотехнологии. Процесс и язык коммуникации. М.: РАУ. Политологический центр, 1992. 276 с.
 46. Словарь практического психолога /сост. С.Ю.Головин. Мн.: Харвест, 1997. 800 с.
 47. Тарас А.Е. Боевая машина: руководство по самозащите. Мн.: Харвест, 1997. 592 с.
 48. Теория метафоры: сборник. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
 49. Уилкс Дж.Р., Л'Абат Л. Психотехника парадокса: практическое руководство по использованию парадоксов в психотерапии М.: Центр психологической культуры; Маркетинг, 2002. 278 с.
 50. Цзен Н.В., Пахомов Ю.В. Психотренинг: Игры и упражнения. М.: Физкультура и спорт, 1988. 274 с.
 51. Шейнов В.П. Психология влияния: Скрытое управление. Манипулирование и защита от них. М.: Ось-89, 2002. 718 с.
 52. Шейнов В.П. Скрытое управление человеком (Психология манипуляции). Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. 848 с.
 53. Шейнов В.П. Искусство управлять людьми. Мн.: Харвест, 2005. 512с.
 54. Шейнов В.П. Искусство убеждать: технология скрытого управления людьми. Мн.: Харвест, 2006. 464 с.
 55. Шейнов В.П. Психотехнологии влияния. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. 448 с.
 56. Шерман Р., Фредман Н. Структурированные техники семейной и супружеской терапии. М.: Класс,1997. 336 с.
 57. Эйхер Дж. НЛП в бизнесе и менеджменте: Новейшие американские психотехнологии. М.: Ин-т общегуманит. исслед., 2001. 160 с.
 58. Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. М.: АСТ; Вече, 2002.

PSYCHOTECHNOLOGY: TO THE PROBLEM OF DEFINITION OF THE CONCEPT

N. Uzlov

Berezniki Branch of the Perm State University, 99 Yubileynaya str., Berezniki, Perm Kray, 618400

An attempt has been undertaken to systematize approaches to definition of the concept of psychotechnology. The given concept is considered as a unifying metaphor, through the categories of productive activity, a tentative basis of actions, an algorithm of psychological problems decisions, an integrative model. The relations between the "psychotechnics" and "psychotechnology concepts are considered. The working definition of "psychotechnology" is offered responsive to the challenges of practice.

Keywords: definition; psychotechnology; psychotechnics; metaphor; algorithm of psychological problems decision; productive activity; a tentative basis of actions; integrative approach.

УДК 159.9:502(091)

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Е.А. Стерлигова

В статье рассматривается история становления и развития экологической психологии. Экологическая психология — это междисциплинарная область знаний о психологических аспектах взаимоотношения, взаимодействия человека и окружающей среды (пространственно-географической, социальной, культурной).

Ключевые слова: экологическая психология; инвайронментализм; экология человека; социальная экология; психологической экологии; социальная география; поведенческая география; система «человек — среда».

Экологическая психология — это междисциплинарная область знаний о психологических аспектах взаимоотношения, взаимодействия человека и окружающей среды (пространственно-географической, социальной, культурной). Экологическая психология появилась и находится на стыке психологии, социальной экологии, экологии человека, поведенческой географии как особой дисциплины, изучающей широкий круг социально-гуманитарных проблем взаимоотношения человека и окружающей среды.

История экологических представлений людей уходит корнями в древность. Знания об окружающей среде и характере взаимоотношений с ней приобрели практическое значение еще на заре развития человеческого вида. Современные ученые подчеркивают, что первые попытки упорядочить процесс познания и взаимодействие человека с природой стали предприниматься в эпоху ранних цивилизаций Междуречья, Египта, Китая. На данном этапе изучение природы имело четко выраженную утилитарную направленность [3].

Первые попытки научного описания и обоснования процесса развития взаимоотношений между природой и человеком были предприняты в эпоху античности **Анаксимандром**, **Эмпедоклом**, **Лукрецием** (VIII в. до н.э. — V в. н.э.). Однако эти попытки отличались умозрительностью. Было написано много ра-

бот, основная идея которых — влияние среды на человека. Величайший философ ученый-энциклопедист **Аристотель** (384-322 гг. до н.э.) отстаивал идею единства природы, утверждая, что все более совершенные виды животных и растений произошли от менее совершенных, а те, в свою очередь, ведут свою родословную от самых примитивных организмов, возникших некогда путем самозарождения. Усложнение организмов Аристотель считал следствием их внутреннего стремления к самосовершенствованию.

Изучение различных аспектов взаимодействия природы и человека составило предмет научных интересов древнегреческих исследователей: **Геродота**, **Гиппократ**, **Платона**, **Эратосфена**. Древнегреческий историк **Геродот** (484-425 гг. до н.э.) связывал процесс формирования у людей черт характера и установление того или иного политического строя с действием природных факторов (климата, особенностей ландшафта и др.). В V в. до н. э. в трактате древнегреческого врача **Гиппократ** «О воздухе, водах и местностях» утверждалось, что существует сильная зависимость между заболеваниями и климатическими характеристиками разных мест [1]. Гиппократ считал, что факторы внешней среды (климат, состояние воды и почвы, образ жизни людей, законы страны и т.д.) оказывают определяющее влияние на формирование телесных (консти-

туция) и душевных (темперамент) свойств человека. Климат, по мнению Гиппократ, во многом определяет также и особенности национального характера.

Знаменитый философ-идеалист **Платон** (428-348 гг. до н.э.) обращал внимание на изменения (преимущественно негативного характера), происходящие с течением времени в окружающей человека среде, и на влияния, оказываемые этими изменениями на образ жизни людей. Платон не связывал факты деградации жизненной среды человека с осуществляемой им хозяйственной деятельностью, считая их признаками естественного упадка, перерождения вещей и явлений материального мира.

Древнегреческий ученый-географ **Эратосфен** (ок. 276-194 гг. до н. э.) дал строгое описание современной ему Ойкумены — части Вселенной, населенной людьми. Эратосфена считают автором подхода к изучению Земли, согласно которому она рассматривается как «дом» человека [3].

Начавшийся во второй половине II в. упадок древнеримской цивилизации, ее последующее крушение под напором варваров и установление практически на всей территории Европы господства догматического христианства привели к тому, что науки о природе и человеке, в течение многих веков переживавшие состояние глубокой стагнации, практически не развивались. Положение изменилось с наступлением эпохи Возрождения, о приближении которой возвестили труды выдающихся средневековых ученых.

Английский философ и естествоиспытатель **Роджер Бэкон** (1214-1294) отмечал, что человек в не меньшей степени, чем все остальные организмы, подвержен влиянию климата — его изменения способны приводить к изменениям в телесной организации и характерах людей. Наступление эпохи Возрождения неразрывно связано с именем знаменитого итальянского живописца, скульптора, архитектора, ученого и инженера **Леонардо да Винчи** (1452-1519). Он считал основной задачей науки установление закономерностей явлений природы, исходя из принципа их причинной, необходимой связи. В 1543 г. был опубликован

труд **Николая Коперника** (1473-1543) «Об обращениях небесных сфер», в котором излагалась гелиоцентрическая система мира, отражающая истинную картину мироздания. Открытие Коперника произвело переворот в представлениях людей о мире и понимании ими своего места в нем.

Обращал внимание на особую роль, которую призвано играть научное знание в развитии взаимоотношений общества и природы **Ф.Бэкон** (1561 — 1626). Он считал, что знание законов природы позволит людям удовлетворить свои насущные потребности и интересы. При этом он считал, что увеличение могущества человека невозможно без подчинения этим естественным законам.

Значительным вкладом в дело формирования истинного представления о месте человека в природе стало составление шведским естествоиспытателем **Карлом Линнеем** (1707-1778) системы классификации растительного и животного мира, по которой человек включался в систему животного царства и относился к классу млекопитающих, отряду приматов, в результате человеческого вид получил название *Homo sapiens*.

Настоящий «прорыв» произошел во второй половине XIX — начале XX вв., когда выдающиеся археологические открытия **Г.Шаафгаузена, Л.Ларте, Э.Дюбуа, Р.Дарта, Дж.Э.Льюиса** и других ученых позволили существенно расширить и уточнить научные представления о происхождении и развитии человеческого рода, а накопление эмпирического материала заложило основы эволюционной (**Т.Гексли, Ч.Дарвин, Э. Геккель** и др.) и историко-культурной (**Л.Морган, Э.Б.Тайлор, Дж.Дж.Фрэнгер, Л.Леви-Брюль** и др.) антропологии.

В XIX в. появилось новое направление, взявшее за основу работы французских философов, **инвайронментализм** — совокупность взглядов, согласно которым первостепенное значение придается влиянию на человека природной среды, а также подчеркивается, что природное окружение жестко регламентирует условия жизни людей. Человеческое поведение виделось строго ориентированным на приспособление к обстоятельствам, формируемым

природной средой. Поведение представлялось совокупностью реакций на раздражители, источником которых выступали климат, почвы, рельеф, растительность. В любой ситуации характеристики природной среды должны были рассматриваться как независимая переменная в отличие от зависимой величины — поведения человека.

На рубеже XX в. в научных школах **Ратцеля** (1882, 1891, 1898), **Семпла** (1911), в середине XX в. в работах **Хантингтона** (1915, 1945), **Тейлора** (1937, 1940) географы рассматривали среду как заранее данный факт, по существу игнорируя деятельность человека по изменению этой среды. Период до 60-х можно назвать подготовительным этапом, включающим «различные эмпирические исследования, связанные с изучением влияния на человека тех мест, где он живёт, работает, отдыхает, и оформление новых теоретических направлений в данной области» [2. С. 51-52]. В 1916 г. **Р. Парк** впервые пишет, что психологи начинают употреблять средовые понятия и категории в качестве системообразующих для исследования влияния среды на поведение человека.

Одновременно с В.И. Вернадским разработкой проблемы ноосферогенеза занимался видный французский палеонтолог, философ и богослов **П. Тейяр де Шарден** (1881-1955). Результаты своих изысканий он обобщил в работе «Феномен человека», опубликованной в 1956 г. уже после смерти автора. Он считал, что первоначально ноосфера формируется как тонкий, обособленный от всех земных оболочек слой мыслящей материи («покров сознания»). Однако по мере все более глубокого проникновения мысли в суть процессов, происходящих во всех земных сферах, ноосфера переходит в свое высшее состояние, перерастая в Дух Земли. Как и В.И.Вернадский, Тейяр де Шарден особо отмечает роль науки в решении этой задачи. Она, по его мнению, должна не только выступить действенным инструментом познания мира, но и стать средством единения, синтеза мысли.

Одним из основоположников психологии взаимодействия с окружающей средой был немецкий психолог **Курт Левин** (1890 — 1947). Важнейшей методологической идеей

К.Левина была идея сдвига акцента с «природы объекта» на анализ его взаимосвязей и взаимоотношений с другими объектами, с его окружением.

В 1943 г. **Э.Брунsvик** одним из первых использовал понятие «environmental psychology» [5]. Теория Э.Брунсвика 1949 г. касалась процессов восприятия, с помощью которых человек узнает свое окружение. Он, как и К.Левин, подчеркивал важность субъективного (или воспринимаемого) окружения как детерминанты поведения и считал, что физическое окружение может влиять на людей без их осведомленности об этом. Э. Брунsvик был одним из первых психологов, попытавшихся рассмотреть и учесть то обстоятельство, что мы живем в среде, являющейся в значительной степени непредсказуемой.

В середине 50-х гг. **Э.Брунsvик** и **Дж. Гибсон** сформулировали экологический подход в психологии. Э.Брунsvик ввел термин «экологическая валидность», выдвинув положение, что главной операцией восприятия является приобретение способности оценивать истинный (физический) дистальный стимул на основе изменения проксимальных стимулов, которые действуют на рецепторы. Гибсон Дж. использовал это понятие в концепции непосредственного зрительного восприятия [5].

В 1951 г. английский географ **Уильям Кирк** предложил одну из первых моделей поведения. Основные положения касались интерпретации ландшафта как отражения общественных норм и вкусов [6. Р. 152-160], [6. Р. 357-371]. Он полагал, что поступки людей зависят от особенностей восприятия ими своего окружения. По мнению У.Кирка, окружающая среда не просто «данная реальность», а, скорее всего, синтез ее с «формой», связями и особым значением, которое определяется тем, как человек ее воспринимает. Взгляд на мир при этом может серьезно исказить реальность в рамках той или иной культуры. Как только устанавливается общепринятый стереотип восприятия ландшафта, появляется тенденция его сохранения у следующих поколений. Таким образом, У.Кирк ввел в свои географические исследования положения гештальтпсихологии. Он признает две отдельные, но не независи-

мые друг от друга среды: феноменальную среду как совокупность явлений и процессов земной поверхности и поведенческую среду как часть феноменальной среды, воспринимаемую и интерпретируемую людьми.

Одной из первых попыток в индуктивном изучении поведения людей, в накоплении информации для будущего моделирования явилась серия исследований реакции людей на стихийные бедствия, в частности наводнения. Они были осуществлены в Чикагском университете в конце 50-х — начале 60-х гг. Результаты исследования поведения людей при наводнении были опубликованы в 1945 г. Руководил ими **Гилберт Уайт**. Его сотрудники разработали поведенческий подход, базирующийся на теории принятия решений **Герберта Саймона** (1957). **Родер** (1961), изучая реакцию жителей г. Топика в период наводнения, сделал следующие выводы: ожидание наводнения — лишь одна из переменных, влияющих на решения жителя долины; многие соображения заставляют его не покидать местность даже тогда, когда он знает, что все рядом уже затоплено. Такое поведение нелегко согласовать с принципом максимизации выгоды при принятии решения, на котором строились географические теории этой эпохи.

Среди сотрудников Г. Уайта выделяется **Кейтс** (1962, 1972), открывший свою работу об оптимизации режима и мелиорации пойменных земель утверждением, что оценка людьми риска и выгоды в условиях неустойчивой окружающей среды играет значительную роль в их решениях по использованию ресурсов. Кейтс разработал логическую схему, основанную на четырех исходных посылах, учитывающую многие аспекты и объясняющую поведение людей: в принятии решений люди рациональны (т. е. их действия должны опираться на рациональную основу); люди делают выбор; выбор делается на основе знания. Кейтс (1962) считал, что такая теория должна интересоваться не только случаями, когда различаются знания людей, но и случаями, когда люди различаются по усвоению одной и той же информации; информация оценивается исходя из определенных критериев [5].

С 60-е гг. начинается *этап становления* психологии взаимодействия с окружающей средой в США, Канаде, странах Европы. Большинство исследователей считают, что возникновение психологии взаимодействия с окружающей средой связано с ограниченными возможностями классической психологии по изучению взаимодействия с окружающей средой в лабораторных условиях и социальным запросом от различных сфер общественной практики, обусловленных пониманием необходимости использования достижений психологии [4].

Системное изучение взаимодействия человека и окружающей среды начинается именно в рамках психологической науки. В периодических изданиях появляется много статей, посвященных пространственным представлениям, образам и восприятию окружающего мира и поведению человека. В 1968 г. **Р. Баркер** ввел термин «психологическая экология», который он затем заменил на «экологическую психологию» [5].

В 1968 г. основан Римский клуб как международная неправительственная организация, объединяющая ученых, общественных деятелей, бизнесменов более чем из 30 стран мира, обеспокоенных перспективами развития человечества. Цели Римского клуба — содействие осознанию людьми затруднений человечества, стимулирование установления новых отношений, политических курсов и институтов, которые способствовали исправлению нынешней ситуации.

В 1971 г. ЮНЕСКО утверждает программу МАВ (Человек и Биосфера) для проведения международных исследований взаимодействия человека и окружающей среды. В программе указывается необходимость сотрудничества или обмена опытом в области теории и практики по окружающей среде ученых, работающих в области естественных и социальных исследований, проектировщиков, менеджеров и местного населения.

Обеспокоенные существующим положением многие видные экологи, социологи, экономисты, политики, психологи, начиная со второй половины 70-х гг. XX столетия, объединили свои усилия с целью выработки нового

подхода к построению взаимоотношений между человеком и средой его обитания. Результатом проделанной работы стала формулировка **концепции устойчивого развития**. Согласно определению Международной комиссии по окружающей среде и развитию под устойчивым понимается такое развитие, при котором удовлетворение потребностей современного человечества не ставит под угрозу благополучие последующих поколений и их способность удовлетворять собственные насущные потребности. Это подразумевает, что некоторые параметры, такие как ключевые физические константы (состав воздуха, воды, почвы, механические свойства земной поверхности, гравитация и др.), генофонд, участки основных экосистем, в их первозданном виде, здоровье населения, должны с течением времени сохранять постоянное значение.

Концепция устойчивого развития получила мощную поддержку со стороны специалистов и руководителей государств большинства стран мира, что нашло свое выражение в ре-

шениях Конференции ООН по окружающей среде и развитию, состоявшейся в 1992 г. в Рио-де-Жанейро. В документах конференции говорилось о необходимости перехода всего мирового сообщества на рельсы устойчивого развития.

Список литературы

1. *Абрамова Ю.Г.* Психология среды: источники и направления развития // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 130-136.
2. *Голд Дж.* Психология и география: Основы поведенческой географии / пер. с англ. М.: Прогресс, 1990.
3. *Ситаров В.А., Пустовойтов В.В.* Социальная экология. М.: Издательский центр «Академия», 2000.
4. *Шмелева И.А.* Психология экологического сознания. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.
5. *Gifford R.* Environmental psychology: principles and practice. Canada: Optimal books, 2002.
6. *Kirk W.* Historical geography and the concept of the behavioural environment // Indian Geographical Journal 25. 1951. P. 152-160.

HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF ENVIRONMENTAL PSYCHOLOGY

E. Sterligova

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990

The article reviews the history of formation and development of environmental psychology. Environmental psychology is an interdisciplinary field of knowledge about the psychological aspects of the relationship between man and environment (spatial-geographical, social, or cultural).

Key words: environmental psychology; environmentalism; environmental energy rights; social ecology; psychological; environmental; social geography; behavioral geography; the “man — environment” system.

УДК 159.955:159.923

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МАТЕРЕЙ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЗДОРОВОГО И ЧАСТО БОЛЕЮЩЕГО РЕБЕНКА

С.Ю. Жданова, Л.А. Коротовских

Исследуются представления матерей об индивидуальности ребенка. Выявлены общее поле представлений матерей об индивидуальности детей, а также специфические различия в представлениях в связи с состоянием здоровья ребенка. Обнаружено, что здоровый ребенок предстает для матери как более активный, успешный, достигающий высоких результатов в обучении, спорте, в сравнении с часто болеющим ребенком. При описании здорового ребенка матери чаще используют характеристики, отражающие широкие возможности развития индивидуальности здорового ребенка, отмечают широту интересов, увлечений детей, разнообразие видов деятельности. В процессе познания индивидуальности часто болеющих детей матери отмечают наличие ограничений, например в еде, социальных контактах, видах деятельности; количество характеристик негативной валентности преобладает при описании ребенка с нарушениями здоровья в сравнении с описанием здорового ребенка.

Ключевые слова: познание индивидуальности, представления матери об индивидуальности ребенка, представления об индивидуальности детей в связи с состоянием здоровья.

В психологической науке в настоящее время материнство чаще всего изучается в рамках самостоятельного направления (Д.В.Винникотт, Г.Г. Филиппова, С.Ю. Мещерякова, А.А. Петрова и др.). Данный психосоциальный феномен рассматривается исследователями с двух основных позиций: материнство как часть личностной сферы женщины и материнство как обеспечение условий для развития ребенка. Ученые изучают поведение матери и опыт актуального материнства; установки, формирующиеся в связи с соответствием пола ребенка ожиданиям матери; стили воспитания с учетом социальных аспектов и т.д. Особое внимание авторы уделяют вопросу влияния матери на развитие ребенка, в том числе на формирование его индивидуальности [9; 11; 13].

Проблема и актуальность

Вопрос изучения своеобразия представлений матери об индивидуальности ребенка в аспекте познания его индивидуальности остается на се-

годняшний день неизученным, что определяет актуальность и новизну нашего исследования. Дефицит как теоретических, так и прикладных работ в данной области явился основанием для проведения в 2007 г. эмпирического пилотажного исследования, в ходе которого на основе анализа самоотчетов матерей выявлена недостаточная сформированность, дифференцированность, осознанность представлений современной матери об индивидуальности своего ребенка.

Это требует более детального изучения особенностей познания индивидуальности ребенка с позиции матери как субъекта познания и определения форм, методов, средств повышения компетентности матерей в вопросах формирования индивидуальности ребенка, что может быть признано важной социально-психологической задачей.

Актуальными, но недостаточно изученными с точки зрения обозначенной проблемы являются следующие вопросы:

Жданова Светлана Юрьевна — доктор психологических наук, зав. кафедрой психологии развития, Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: svitlana@perm.raid.ru
Коротовских Любовь Анатольевна — заместитель зав. кафедрой психологии, Уральский гуманитарный институт; соискатель кафедры психологии развития, Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15.

- является ли феномен здоровья значимым в структуре представлений матери об индивидуальности ребенка?
- детерминирует ли он специфику познания матерью индивидуальности ребенка?
- является ли ребенок носителем болезни с позиции матери как познающего субъекта?

Здоровье населения в последние годы является проблемой, активно обсуждаемой на всех уровнях, и рассматривается как социально-экономический потенциал и основа национальной безопасности России. Приоритетным с данной точки зрения является сохранение здоровья детей, подростков, молодежи. Несмотря на комплексные мероприятия, проводимые на государственном уровне, статистические данные и результаты научных исследований показывают, что контингент болеющих детей все возрастает.

По данным различных авторов, часто болеющие дети составляют в общей популяции детского населения до 75% (В.Ю. Альбицкий, А.А. Баранов, И.А. Камаев, Т.Н. Ключева, Л.И. Моногарова, С.М. Поддубная).

В настоящее время под понятием «часто болеющие дети» рассматривается категория детей с частыми (более 4 раз в год) респираторными и другими хроническими заболеваниями, возникающими из-за временных, обратимых нарушений в системе защитных сил организма, не связанных со стойкими врожденными и наследственными патологическими состояниями. Заболеваемость часто болеющих детей обусловлена (до 80%) острыми респираторными вирусными инфекциями (В.А. Ковалевский, М.Л. Земляникина-Огнева, Д.Н. Исаев).

Результаты современных исследований показывают, что ситуация болезни ребенка в дошкольном и младшем школьном возрасте затрагивает все сферы развития личности ребенка, затрудняет его социальную адаптацию и является прогностически неблагоприятным фактором развития в последующих возрастах (Е.Ю. Дубовик, Г.В. Залевский, О.В. Груздева, Е.О. Волкова). Например, изменение взаимоотношений в диаде «мать-болеющий ребенок» может привести к изменениям в личной сфере

ребенка, и болезнь для него становится привычным способом защиты и адаптации (А.И. Захаров, В.И. Гарбузов, Г.Г. Вылегжанина, Ж.Г. Дусказиева). Именно поэтому проблема изучения факторов, детерминирующих процесс психического развития ребенка в ситуации болезни, заслуживает углубленного, системного подхода.

Актуальность изучения рассматриваемого вопроса в прикладном аспекте состоит в том, что полученные результаты позволят, на наш взгляд, более успешно обосновать направления и методы психологического сопровождения часто болеющих детей, будут способствовать процессу адаптации и социализации в социуме не только рассматриваемой группы детей, но и диады «мать — ребенок», находящейся в тесной симбиотической связи.

В настоящем исследовании представления матери изучались как один из уровней познания индивидуальности ребенка.

Цель исследования заключается в выявлении универсальности и специфичности представлений матери об индивидуальности здорового и часто болеющего ребенка, изучении их содержания и структуры.

Задачи исследования:

1. Подвергнуть эмпирическому тестированию социальные представления матери об индивидуальности ребенка в связи с состоянием его здоровья и определить общее поле (содержание) представлений.
2. Выяснить, имеются ли различия в содержании и структуре вербальных представлений матери об индивидуальности здорового и часто болеющего ребенка. Изучить их категориальную представленность.
4. Изучить специфику образных (невербальных) представлений матери об индивидуальности ребенка (на примере здорового и часто болеющего ребенка).

Объект: индивидуальность здорового и часто болеющего ребенка.

Предмет: особенности представлений матери об индивидуальности ребенка в связи с состоянием его здоровья.

Исследовательские гипотезы:

1. При схожести содержания структура представлений матери об индивидуальности здорового и часто болеющего ребенка включает как общие черты, так и особенности, но их соотношение различно.

2. Дифференциация представлений отмечается в количественном и качественном своеобразии категорий контент-анализа, ассоциативных полей, лексических средств и эмоциональной окрашенности вербальных и образных представлений.

3. Определяются различия в выраженности факторов «активность», «сила» и «оценка» «Личностного дифференциала» в представлениях об индивидуальности ребенка с разным состоянием здоровья.

Теоретико-методологической основой исследования являются: концепция целостного познания человека (Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн, В.С. Мерлин, К.А. Абульханова-Славская, Б.А. Вяткин, Л.Я. Дорфман); концепция социальных представлений (С. Московичи); идеи об изучении индивидуальности как субъекте познания (С.Ю. Жданова); биопсихосоциальный подход к проблеме здоровья человека (Г.В. Залевский).

В исследовании приняли участие женщины, имеющие ребенка в возрасте от 3 до 11 лет (дошкольный и младший школьный возраст) с различным состоянием здоровья. Возрастной диапазон детей обоснован тем, что именно дошкольники и младшие школьники составляют основную группу часто болеющих детей. Выборка составила 180 чел., из них 97 — матери здоровых детей и 83 — матери часто болеющих детей.

Методы исследования

Исследовательская стратегия проявилась в сочетании качественных и количественных методов изучения представлений испытуемых, что позволило преодолеть ограниченность каждого из них [2;12]. С целью изучения представлений матери об индивидуальности здорового и часто болеющего ребенка в данном исследовании применены: метод свободного описания ребенка (модифицированный вариант методики

Lalljee M.); метод «Личностный дифференциал» (вариант, разработанный в НИИ им. Бехтерева); «Ассоциативный тест»; анкета (разработана авторами с учетом целей и задач исследования), включающая в том числе вопросы, направленные на выявление состояния здоровья ребенка. В соответствии с концепцией социальных представлений поле представления, помимо понятий, содержит образы (С. Московичи, Д. Жоделе, В. Дуаз). Поэтому мы считаем правомерным включение в качестве исследовательского инструментария проективной рисуночной методики «Мой ребенок» (Г.Г. Филиппова).

Полученные результаты подвергнуты частотному анализу и контент — анализу, что позволило сопоставить результаты двух групп выборки; среди методов математической обработки данных применен критерий Фишера.

Организация и процедура исследования. Исследование проведено на базе детских садов и школ городов Перми и Добрянка Пермского края, а так же детской поликлиники № 15 г. Перми. Испытуемым после подробной инструкции предлагалось заполнить материалы комплекта методик самостоятельно, в произвольном порядке, что явилось более эффективным, поскольку рефлексивный анализ предполагал свободу от влияния исследователя и не ограничивал временных параметров.

В ходе контент — анализа выделены категории, подкатегории и эмпирические индикаторы, характеризующие вербальные представления матери о ребенке, полученные посредством метода свободного описания, результатом которого явились тексты испытуемых и невербальные (образные) представления, переданные в рисунках на тему «Мой ребенок».

При определении категориального аппарата при анализе текстов-описаний мы опирались на методологию интегральной индивидуальности В.С. Мерлина о пяти уровневой иерархической организации в структуре индивидуальности, подход к изучению индивидуальности человека Б.Г. Ананьева, подход к изучению личности К.К. Платонова. При анализе и интерпретации результатов проективной методики учитыва-

лись критерии, изложенные в работах Е.Е. Ромицыной, Е.С. Романовой, А.Л. Венгера, Л.Д. Столяренко, К. Маховер. Для проверки надежности методического инструментария использована процедура экспертной оценки.

Результаты и обсуждение

Проведенное исследование показало, что представления матери об индивидуальности ребенка, изучаемые в связи с состоянием его здоровья, имеют как типичные, универсальные характеристики, так и особенности. Мы соглашались с мнением Л.В. Алексеевой о том, что «...индивидуальное невозможно рассматривать без типичного». Типичное в психике характеризуется посредством часто встречающегося, общего психологического признака [1].

Общим содержанием вербальных представлений является описание внешнего вида ребенка, отражены половозрастные характеристики, перечислены виды деятельности ребенка, его увлечения, достижения, особенности характера, качества личности, социальные роли. Тем самым индивидуальность ребенка вне связи с состоянием его здоровья представлена как целостное образование. Тексты-описания ребенка являются развернутыми, детализированными, эмоционально окрашенными. Это может быть подтверждением активной позиции матери как субъекта познания своего ребенка. Важным положением, высказанным Г. Сарвари, является то, что понимание зависит от активности познающего субъекта (G. Sarvari, 1999). Понимание матерью особенностей характера, личностных свойств ребенка, других аспектов индивидуальности в связи с состоянием его здоровья, приобретенное в ходе рефлексивного анализа, важно для гармонизации отношений между матерью и ребенком, выбора эффективных воспитательных стратегий, формирования индивидуальности ребенка, прогнозирования его будущего.

Лексические единицы, используемые в текстах, вариативны, включают глаголы, существительные, прилагательные, местоимения, значительно реже — числительные, наречия. На уровне тенденций отмечено, что глаголы чаще

используются при описании здорового ребенка, что свидетельствует о его более высокой активности, потенциальных возможностях развития индивидуальности. Общее количество прилагательных доминирует при описании характерологических особенностей и личностных черт ребенка. Существительные чаще используются при передаче представлений об индивидуальных характеристиках ребенка и его социальных ролей.

В процессе анализа не выявлено частотных различий в связи с состоянием здоровья в описании таких индивидуальных характеристик индивидуальности ребенка, как пол, возраст, внешний вид (цвет глаз, волос, описание одежды), и метафорических характеристик.

Различия в представлениях об индивидуальности ребенка между группами испытуемых проявляются в следующем.

Установлено, что здоровый ребенок в описаниях матери предстает как более активный, успешный, достигающий высоких результатов в обучении, спорте, в сравнении с часто болеющим ребенком. При описании здорового ребенка матери чаще используют характеристики, отражающие внеучебные занятия (изучение языков, игра в шахматы, занятия спортом, музыкой, ручной труд и др.). Следовательно, материнские представления отражают более широкие возможности развития индивидуальности здорового ребенка, широту его интересов, увлечений, разнообразие видов деятельности.

При описании часто болеющих детей матери отмечают наличие ограничений в еде, социальных контактах, видах деятельности. В ряде случаев испытуемые прогнозируют, что им «будет трудно учиться в школе», «не сможет заниматься спортом, играть, как здоровые дети», «никуда не может выйти из-за болезни». Количество характеристик негативной валентности преобладает при описании ребенка с нарушениями здоровья в сравнении с описанием здорового ребенка ($F = 4,09$, $p < 0,05$). Очевидно, на представления матери оказывают влияние как объективное состояние здоровья ребенка, так и ее психологическая напряженность,

сниженный эмоциональный фон вследствие достаточно длительного воздействия стрессогенного фактора в виде заболевания ребенка.

Анализ текстов — описаний индивидуальности ребенка показал незначительные расхождения в количестве упоминаний страхов у здоровых и часто болеющих детей. Наши данные не находят подтверждения результатов исследований, проведенных А.И.Захаровым, отмечающим повышенное количество страхов и описывающим их специфику у детей дошкольного и младшего школьного возраста с нарушениями здоровья. Данный факт может быть объяснен тем, что выборка испытуемых в исследовании А.И. Захарова состояла из детей, страдающих неврозами [6]. В нашем исследовании респонденты описывали индивидуальность ребенка, имеющего более 4 случаев ОРВИ в год.

Отмечается тенденция использования психологических защит в группе испытуемых с часто болеющим ребенком. Это проявляется в следующем: после описания ряда характеристик негативной валентности (нарушений эмоционально-волевой сферы, поведения, имеющих ограничения в отношении ребенка) матери возвращаются к повторному описанию ранее перечисленных индивидуальных особенностей ребенка. При этом усиление внимания касается чаще характеристик интеллектуальной сферы ребенка.

Следующим этапом явился анализ словаря понятий — вербальных ассоциаций к словосочетаниям, выступившим в качестве стимулов: «здоровый ребенок», «часто болеющий ребенок». Каждому дескриптору, характеризующему представления о ребенке в связи с состоянием его здоровья, определялось значение по параметрам: «позитивный», «нейтральный», «негативный». Оценивание проводилось по 3-балльной шкале. Выявлено, что большее количество характеристик негативной валентности в ассоциативных полях отмечается у испытуемых с часто болеющим ребенком в сравнении с матерями здоровых детей.

Сравнение структуры представлений, полученных в ходе «Ассоциативного теста», прове-

дено в русле подхода, предложенного Ж.-К. Абриком и примененного в работах И.Бовиной [14;3]. В соответствии с данным методом первоначально анализу подлежат понятия, встречающиеся в общем объеме слов-реакций не менее 10 раз. Анализу последовательно подвергнуты элементы представлений: «здоровый ребенок», «часто болеющий ребенок». Первоначально проведен сравнительный анализ ядер представлений, выявивший несовпадение их элементов, что означает наличие различий между ними.

Обнаружено, что материнские представления о здоровом ребенке в подавляющем большинстве случаев выражаются позитивными характеристиками в метафорической форме. Например, «здоровый ребенок» — это: «удача», «подарок для родителей», «счастье», «крепкош». Часть испытуемых (14%) предъявили к словосочетанию — стимулу «здоровый ребенок» такие ассоциации, как «мечта». Передавая представления о здоровом ребенке, матери чаще обращаются к описанию характеристик эмоционально-волевой сферы и поведения: «веселый», «радостный», «спокойный» (последнее может интерпретироваться как уравновешенность, равновесие гомеостаза). В ядро представлений матери о здоровом ребенке, наряду с вышеперечисленными метафорами, вошли понятия «активный» (как субъект деятельности) и «дружелюбный» (как свойство личности).

Периферическая часть представлена следующими индивидуальными характеристиками: «крепкий», «спортивный», «улыбчивый», «румянец на щеках» и др. Представления о здоровом ребенке соотносятся с положительной оценкой и выражаются наречиями: «хорошо», «здорово», «радостно». Ряд испытуемых выражает сомнение в факте наличия здоровых детей в современном обществе: «здоровый ребенок — редкость, таких мало», что, к сожалению, подтверждается статистикой Минздрава РФ.

Ядро представлений о часто болеющем ребенке составляют эмоционально-волевые характеристики, выраженные в форме прилагательных: «грустный», «капризный», «нерв-

ный», «плаксивый». Периферические элементы представлены ассоциациями нейтрального характера: «часто болеющий ребенок — таких много», «почти все дети болеют» и оценкой негативной валентности «часто болеющий ребенок — это плохо». Наряду с этим встречаются высказывания о том, что «часто болеющий ребенок» — «еще не повод для беспокойства», «в детстве все болеют», «вырастет — болеть перестанет».

Нам представляется, что различия в содержании и структуре материнских представлений о ребенке в связи с состоянием его здоровья

могут быть детерминированы различиями в социальном статусе матери, состоянием собственного здоровья матери, ее образовательным уровнем, особенностями личности и рядом других факторов, но в задачи нашего исследования изучение данных аспектов не входило. Завершая данный аналитический этап, можно сделать вывод о том, что состояние здоровья ребенка является для матери особо значимой, эмоционально переживаемой категорией в структуре представлений о его индивидуальности.

Результаты сравнительного анализа представлений матерей об индивидуальности здоровых и часто болеющих детей, полученные на основе метода «Личностного дифференциала»

Показатели (факторы) по шкале	Представления матерей об индивидуальности здоровых детей, %	Представления матерей об индивидуальности часто болеющих детей, %	F	p
«Сила»	13,038	9,077	2,063	0,000
«Активность»	8,456	7,981	1,122	0,583
«Оценка»	8,162	6,895	1,401	0,117

Выявлены различия в выраженности значений факторов «Личностного дифференциала» в представлениях испытуемых о здоровых и часто болеющих детях. Сравнивались средние значения, применялся критерий углового преобразования Фишера. Данные представлены в таблице.

Обнаружены достоверные различия между двумя группами, сравниваемыми по фактору С (сила), $F = 2,063$. Данный фактор отражает взаимоотношения доминирования — подчинения между объектом представления и субъектом, его познающим. В группе испытуемых со здоровым ребенком отмечается факт наличия партнерских, равноправных отношений матери и ребенка. Более низкие значения фактора силы во второй группе испытуемых позволяют предположить имеющуюся в диаде мать — ребенок ситуацию по типу доминирования — подчинения.

Фактор активности (А), имеющий высокие положительные веса при характеристике здорового ребенка, говорит о его высокой активности, общительности. И наоборот, более низ-

кие показатели по данному фактору свидетельствуют о том, что в содержании представлений об индивидуальности часто болеющего ребенка отражаются такие черты, как пассивность, ограниченность, интровертированность.

По шкале О «оценка» средние значения также выше в отношении здоровых детей, нежели в сравниваемой группе. Это означает принятие, позитивное отношение матери к здоровому ребенку. Более низкие значения фактора оценки во второй группе свидетельствуют о недостаточном уровне принятия ребенка, наличии критического отношения к некоторым личностным характеристикам, неудовлетворенности поведением ребенка, уровнем его достижений [8]. Данные, полученные посредством метода «Личностного дифференциала», по ряду показателей соотносятся с результатами других методик, что повышает достоверность выводов по исследованию в целом.

Далее проводился анализ результатов, полученных посредством методики «Рисунок «Мой ребенок»». Основные особенности следующие. Здоровый ребенок чаще изображен в

полный рост, в центре листа, в динамике, в момент совершения каких-либо действий (игры, занятий спортом), что можно объяснить как личностно значимое для матери включение здорового ребенка в разнообразную деятельность, проявление его активности. Руки у здоровых детей чаще разведены в стороны, что отражает активное взаимодействие с внешним миром, коммуникабельность (К. Тейлор, Л.М. Костина, Н. Самоукина).

Часть рисунков, отражающих представления о часто болеющем ребенке, выполнена испытуемыми в одном цвете — черном или использован простой карандаш, что в работах Г.Клара и Л.Буша объясняется потребностью в покое, интровертированностью индивида. Доминирующий выбор красного цвета и его оттенков (чаще в области органов дыхания и ЖКТ) на основе научной литературы (Дж. Келлог, А.И. Захаров, И.А. Романова) может быть интерпретирован как неосознаваемое отражение воспалительных процессов, хронических очагов инфекции, имеющих у ребенка.

Некоторые части тела прорисованы с большим нажимом, объяснением этого может служить высокий уровень тревожности ребенка (или его матери), находящейся в ситуации рефлексивного анализа при выполнении рисуночного теста. Более слабый нажим линий в изображениях часто болеющих детей может быть интерпретирован как астеничность.

Специфичным следует признать тот факт, что в образах детей с нарушениями здоровья не достаточно четко прорисованы руки. Изображение хрупких, слабых рук может интерпретироваться как потребность в опеке, зависимость, а так же символизировать тенденцию к имеющимся у ребенка проблемам в коммуникации. Данные факты соотносятся с результатами научных исследований таких авторов, как Д.Я. Райгородский, А.Л. Венгер, И.А. Романова, А.И. Копытин, К. Маховер [7].

Общие выводы

1. Имеется общее поле (содержание) представлений матери об индивидуальности ребенка с разным состоянием здоровья.

2. Выявлено количественное и качественное своеобразие категорий контент-анализа, ассоциативных полей, лексических средств как маркеров, дифференцирующих представления об индивидуальности здорового и часто болеющего ребенка.

3. Различна эмоциональная окрашенность вербальных и невербальных (образных) представлений об индивидуальности здорового и часто болеющего ребенка. Частотность характеристик негативной валентности выше в представлениях об индивидуальности часто болеющего ребенка в сравнении со здоровым.

4. Ядро и периферическую часть в структуре вербальных представлений испытуемых об индивидуальности здорового и часто болеющего ребенка составляют разные по лексическому составу понятия, что свидетельствует о достоверности различий в представлениях исследуемых групп выборки.

Список литературы

1. *Алексеева Л.В.* Уровни индивидуальности человека // Психология индивидуальности. М., 2010. С. 44.
2. *Антонов А.В.* О неопределенности понятий «количественные и качественные методы» в психологии // Вестник Перм. ун-та. Серия. Психология. 2009. Вып. 2 (28). С. 87 — 96.
3. *Бовина И.Б.* Социальные представления о здоровье и болезни: структура, динамика, механизмы: автореф. дис...д-ра психол. наук. М: Изд-во МГУ, 2009. 48 с.
4. *Венгер А.Л.* Психологические рисуночные тесты: иллюстрированное руководство. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. 160 с.
5. *Жданова С.Ю.* Психология познания индивидуальности человека. Пермь, 2005. 190 с.
6. *Захаров А.И.* Происхождение детских неврозов и психотерапия. СПб., 2000.
7. *Лебедева Л.Д., Никонорова Ю.В., Тараканова Н.А.* Энциклопедия признаков и интерпретаций в проективном рисовании и арт-терапии. СПб., 2010. 332 с.
8. Методика личностного дифференциала (вариант, адаптированный в НИИ им. В.М. Бехтерева) // Социально — психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002. С. 20-21.
9. *Петрова А.А.* Взаимосвязь факторов рассогласованности материнских представлений о ребенке с реальными особенностями ребенка и

- материнским отношением к нему //Тез. Всерос. научн. конф. «Психологические проблемы современной российской семьи» Ч. 2. / под ред. В.К.Шабельникова, А.Г. Лидерс. М., 2005.
10. *Ромицына Е.Е.* Здоровье глазами детей: опыт психологического анализа детских рисунков // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 39-47.
 11. *Смирнова Е.О., Быкова М.В.* Опыт исследования структуры и динамики родительского отношения // Вопросы психологии. 2000. №3. С.3-14.
 12. *Улановский А.М.* Качественные исследования: подходы, стратегии, методы // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 2. С. 18 — 28.
 13. *Филиппова Г.Г.* Материнство и основные аспекты его исследования в психологии //Вопросы психологии. 2001. № 2 . С. 22-37.
 14. *Abrie J.-Cl.* Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations // Papes on social representations. 1993. Vol. 2, № 2. P. 75 -78.
-

FEATURES OF MATERNAL REPRESENTATIONS REGARDING THE INDIVIDUALITY OF A HEALTHY AND FREQUENTLY ILL CHILD

S. Zhdanova, & L. Korotovskih

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990

The representations of mothers about the individuality of a child are studied. A common field of mothers' representations of child's individuality is revealed as well as specific differences in representations in relation to the health of the child. It was found that a healthy child is viewed by the mother as being more active, successful, reaching higher results in education, sports, compared with an frequently ill child. In the description of a healthy child, mothers often use the features reflecting the opportunities in the development of individuality of a healthy baby, the interests and hobbies of children, a variety of activities. In the process of individuality's learning of frequently ill children, mothers note such restrictions as eating, social contacts, activities, that number of negative characteristics prevails when describing a child with disabilities compared with the description of a healthy child.

Key words: cognition of the individuality, mother's representation of a child's identity, representations of children individuality depending on level of health.

УДК 159.953-053.4-026.15

ОБЪЕМ ПАМЯТИ КАК ФАКТОР КРЕАТИВНОСТИ ДОШКОЛЬНИКОВ

Е.В. Дудорова

Особенности кратковременной и долговременной образной памяти дошкольников анализируются в связи с параметрами креативности. В исследовании приняли участие 52 ребенка. Обнаружены корреляции показателей объема кратковременной памяти и параметров креативности (беглости и гибкости), по данным эксплораторного факторного анализа определена их совместная структура. По итогам применения дисперсионного анализа выявлены значимые эффекты кратковременной памяти на беглость и гибкость.

Ключевые слова: образная память; креативность.

*Выражаю благодарность Е.В. Емельяновой
за помощь в сборе эмпирических данных*

Проблема

Основной линией исследований когнитивных контекстов креативности является, прежде всего, изучение отношений мышления и интеллекта, с одной стороны, и креативности, с другой [2; 3; 4; 14; 17; 20; 22] (см. также обзоры Г.В. Ковалевой [8] и А.В. Челноковой [13]). Исследования отношений креативности и других когнитивных процессов [5; 6; 8; 16] встречаются значительно реже.

Проблема отношений памяти и креативности на сегодняшний день недостаточно прояснена. Во-первых, существует некоторое несоответствие позиций относительно не только отношений памяти, но и особенностей креативности или творчества (например, В. Келер, [7], С.А. Медник [8]). Во-вторых, память зачастую неявно (например, в связи с базами знаний) присутствует в исследованиях разных аспектов креативности, например одаренности [10] и творческого решения задачи [12; 15; 18; 19], однако при этом не является специальным предметом исследования. Поэтому можно предположить существование взаимоотношений особенностей памяти и креативности, однако их специфика остается утерянной или неясной.

В. Келер [7] отмечал мешающее влияние прошлого опыта (знаний, хранящихся в памяти) на возникновение инсайта, который можно понимать как творческое озарение. Он считал, что сложившиеся знания загоняют мысль в колею «известного» и препятствуют возникновению инсайта. В противовес этой позиции С.А. Медник [8], наверное, один из первых, связал особенности памяти (в терминах ассоциативных явлений) и креативность в контексте творчества. Согласно С. А. Меднику индивидуальные различия в креативности связаны с характером распределения ассоциаций: более отдаленные ассоциации характеризуют более креативных субъектов по сравнению с менее креативными.

В исследовании А. Грушки и Е. Нечки [16] обнаружены связи между креативностью и ассоциативными процессами памяти. В частности, более креативные испытуемые в сравнении с менее креативными характеризовались большей склонностью к близким и отдаленным ассоциациям, а также большей длительностью ассоциирования. При этом исследователи считают, что индивидуальные различия в креативности определяются сложностью семантической сети, т.е. количеством связей, соединяющих узлы.

В настоящем исследовании, вслед за Э.П. Торренсом [21], креативность понимается как естественный процесс, который порождается

потребностью человека в снятии напряжения, возникающего в ситуации неопределенности или незавершенности. Э.П. Торранс соотносит креативность с чувствительностью к проблемам, дефициту знаний или их несообразности; определением этих проблем; поиском их решений, через выдвижение гипотез; проверкой гипотез; формулированием и сообщением результата решения. Основными показателями креативности при этом являются: 1) скорость или беглость, как способность к порождению большого числа идей, выраженных в словесных формулировках или в виде рисунков; 2) пластичность или гибкость — способность выдвигать разнообразные идеи, переходить от одного аспекта проблемы к другому, использовать разнообразные стратегии решения проблем; 3) оригинальность — способность к выдвижению идей, отличающихся от очевидных, банальных или твердо установленных; 4) тщательность разработки идей или их детализация.

Было сформулировано два исследовательских вопроса. 1. Образная память связана с креативностью дошкольников? 2. Образная память оказывает эффекты на креативность дошкольников? Для тестирования этих исследовательских вопросов были сформулированы пять исследовательских гипотез.

Исследовательская гипотеза # 1. Показатели объема кратковременной памяти и креативности (беглости, гибкости, оригинальности, разработанности) дошкольников коррелируют.

Исследовательская гипотеза # 2. Показатели объема долговременной памяти и креативности (беглости, гибкости, оригинальности, разработанности) дошкольников коррелируют.

Исследовательская гипотеза # 3. Показатели объема образной памяти (кратковременной и долговременной) и креативности (беглости, гибкости, оригинальности, разработанности) дошкольников могут образовывать совместные структуры.

Исследовательская гипотеза # 4. Объем кратковременной образной памяти оказывает эффекты на параметры креативности дошкольников (беглость, гибкость, оригинальность, разработанность).

Исследовательская гипотеза # 5. Объем долговременной образной памяти оказывает эффекты на параметры креативности дошкольников (беглость, гибкость, оригинальность, разработанность).

Метод

В исследовании приняли участие 52 ребенка (26 — мальчиков, 26 — девочек), посещающих детские сады № 103 и 369 г. Перми. Их возраст был в диапазоне 6 — 7 лет ($M=6.5$, $SD=0.5$).

Вопросники. Образная память измерялась методикой «10 предметов» [11]. У каждого участника исследования измерялись объемы кратковременной и долговременной памяти.

Креативность измерялась с помощью фигурной батареи теста креативности Э.П. Торренса «Закончи рисунок», в адаптации И.С. Авериной и Е.И. Щеплановой [16]. У каждого участника исследования измерялись показатели беглости, гибкости, оригинальности и разработанности.

Анализ данных. Гипотезы # 1–2 тестировались посредством корреляционного анализа по Пирсону, гипотеза # 3 — посредством эксплораторного факторного анализа (метод главных компонент, Варимакс-вращение факторов с нормализацией по Кайзеру).

Для тестирования гипотез # 4–5 применялся однофакторный дисперсионный анализ (фиксированные эффекты, регрессионный подход, тип III SS). Показатели объема кратковременной и долговременной памяти (по отдельности) выступали как межгрупповой 3 - уровневый (верхняя, средняя и нижняя части соответствующих распределений) фактор. Зависимой переменной были следующие показатели креативности: беглость, гибкость, оригинальность, разработанность (по отдельности). Полиномиальный контраст был применен для тестирования различий между уровнями межгрупповых факторов.

Результаты

По итогам применения корреляционного анализа показатели объема кратковременной памяти положительно коррелировали с показателя-

ми беглости, $r = .56$, $p < .001$ и гибкости, $r = .40$, $p < .003$.

По итогам применения эксплораторного факторного анализа были выделены две компоненты. Они охватили 70.60% доли объяснимой дисперсии. В 1-ю компоненту (40.3%) вошли со значимыми нагрузками показатели беглости (.90), гибкости (.87) и кратковременной образной памяти (.73). Эту компоненту можно обозначить «Параметры креативности и кратковременная память». Во 2-ю компоненту (30.3%) вошли со значимыми нагрузками такие параметры креативности, как разработанность (-.90) и оригинальность (-.80). Мы обозначили эту компоненту как «Разработанность и оригинальность».

По итогам применения дисперсионного анализа был обнаружен главный значимый эффект кратковременной памяти на беглость, $F(2,49) = 14.00$, $p < .001$. Post hoc сравнения (здесь и далее LSD статистика) свидетельствовали о том, что у детей беглость была выше при высоком ($p < .001$) и среднем ($p < .001$), чем при низком уровне кратковременной памяти. Также был обнаружен главный значимый эффект кратковременной памяти на гибкость, $F(2,49) = 6.35$, $p < .003$. Post hoc сравнения свидетельствовали о том, что у детей гибкость была выше при высоком ($p < .001$) и среднем ($p < .01$), чем при низком уровне кратковременной памяти.

Обсуждение

Гипотеза # 1 о связях показателей объема кратковременной памяти и креативности (беглости, гибкости, оригинальности, разработанности) получила поддержку в части связей показателей объема кратковременной памяти с показателями беглости и гибкости, но не с показателями оригинальности и разработанности. Эти данные свидетельствуют о том, что объем кратковременной памяти дошкольников связан с беглостью и гибкостью, но не оригинальностью и разработанностью. Гипотеза # 2 о связях показателей объема долговременной памяти и креативности (беглости, гибкости, оригинальности, разработанности) не получила эмпирической поддержки.

Данные корреляционного анализа были поддержаны средствами эксплораторного факторного анализа. Так, по итогам его применения была обнаружена совместная факторная структура параметров беглости, гибкости и кратковременной образной памяти. Однако не выявлена совместная структура параметров кратковременной памяти и оригинальности и разработанности. Кроме того, по итогам эксплораторного факторного анализа не была обнаружена и совместная структура параметров долговременной памяти дошкольников и креативности. Следовательно, гипотеза # 3 о совместных структурах объема образной памяти и креативности дошкольников поддержана только в части параметров беглости, гибкости и кратковременной образной памяти.

Итоги применения дисперсионного анализа подтвердили данные корреляционного и эксплораторного факторного анализов в части фактов обнаружения эффекта кратковременной памяти на беглость и гибкость. Гипотеза # 4 об эффектах кратковременной памяти на параметры креативности получила эмпирическую поддержку в части обнаружения эффектов объема кратковременной памяти на беглость и гибкость. При этом высокий и средний уровни объема кратковременной памяти способствовали росту таких показателей креативности дошкольников, как беглость и гибкость. Однако значимых эффектов объема кратковременной памяти на оригинальность и разработанность не было обнаружено, и в этой части гипотеза # 4 не получила эмпирической поддержки.

Гипотеза # 5 об эффектах объема долговременной памяти на параметры креативности не получила эмпирической поддержки. Следовательно, гипотеза # 5 отвергнута.

Настоящие данные поддерживают и расширяют идеи связанности особенностей памяти и творческого мышления [16] в части существования подобных отношений у детей дошкольного возраста, но накладывают ограничения в части объема долговременной памяти.

Как объяснить данные об отсутствии связей между показателями объема памяти и показателями оригинальности и разработанности?

Возможно, этот факт объясняется недостаточностью объема настоящей выборки. Так, авторы адаптации теста Э.П. Торренса [1] отмечают, что оригинальными считаются ответы, встречающиеся примерно в 2 % случаев. Разработанность в соотношении параметров креативности вступает в противоречие выраженностью ее другого параметра — «беглости» [1]. Поэтому для исследования оригинальности и разработанности параметров требуется сбор данных на значительно больших объемах выборки. Возможно, что объяснения отсутствия связей долговременной памяти и креативности дошкольников связаны с тем, что долговременная память еще не является достаточно сформировавшимся процессом, так как пополняется знаниями в течение жизни. Учитывая, что при этом знания могут использоваться при запоминании нового [9], можно предположить, что запасы знаний старших дошкольников еще не значимы для проявлений креативности. Кратковременная же память меньше связана с опытом.

Список литературы

1. *Аверина И. С.* Вербальный тест творческого мышления «Необычное использование». М.: Соборь, 1996. 60 с.
2. *Богоявленская Д. Б.* О предмете и методе исследования творческих способностей // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 5. С. 49–58.
3. *Валуева Е. А.* Интеллект, креативность и процессы распространения активации // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3, № 3. С. 130–142.
4. *Гасимова В. А.* Факторные структуры креативного мышления, интеллекта, личности и темперамента // Метаиндивидуальный мир и полимодальное Я: креативность, искусство, этнос / под ред. Л. Я. Дорфмана, Е. А. Малянова, Е. М. Березиной. Пермь, 2004. С. 30–39.
5. *Дорфман Л. Я.* Внимание как опосредующий фактор креативного мышления в процессе переработки информации // Сибирский психологический журнал. 2008. № 28. С. 11–15.
6. *Дунчев В., Палей И. М.* Когнитивный стиль и дивергентное мышление // Когнитивные стили / отв. ред. В. Колга. Таллинн, 1986. С. 86–91.
7. *Келер В.* Некоторые задачи гештальтпсихологии // Хрестоматия по истории психологии. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 102–120.
8. *Ковалева Г. В.* Взаимосвязи когнитивных, личностных и нейродинамических характеристик креативности: дис... канд. психол. наук / Перм. гос. ин-т искусства и культуры. Пермь, 2002. 171 с.
9. *Крайг Г., Бокум Д.* Психология развития. СПб.: Питер, 2008. 940 с.
10. *Лейтес Н.С.* Умственные способности и возраст. М.: Педагогика, 1971. 277 с.
11. *Марциновская Т.В.* Методика «10 предметов»: Энциклопедия психодиагностики. Т.1. Психодиагностика детей. Бахрах-М, 2008. 624 с.
12. *Пономарев Я. А.* Психология творчества: перспективы развития // Психологический журнал. 1994. № 6. С. 38 — 50.
13. *Челнокова А.В.* Личностно-мотивационные факторы и пол как детерминанты креативности: дис... канд. психол. наук / Перм. гос. ин-т искусства и культуры. Пермь, 2009. 175 с.
14. *Щебланова Е. И.* Особенности когнитивного и мотивационно-личностного развития одаренных старшеклассников // Вопросы психологии. 1999. № 6. С. 36–47.
15. *Ericsson K. A., Krampe R. T., & Tesch-Römer C.* The role of deliberate practice in the acquisition of expert performance // Psychological Review. 1993. Vol. 100. P. 363–406.
16. *Gruszka A., Necka E.* Priming and Acceptance of Close and Remote Associations by Creative and Less Creative People // *Creativity Research Journal*. Vol. 14, No. 2. P. 193–205
17. *Guilford J. P.* The nature of human intelligence. New York: McGraw–Hill, 1967. 412 p.
18. *Glaser R.* Education and thinking: The role of knowledge // *American Psychologist*. 1984. Vol. 39 (2). P. 93–104.
19. *Simon H. A., & Gilmarin K.* A simulation of memory for chess positions // *Cognitive Psychology*. 1973. Vol. 8. P. 165–190.
20. *Sternberg Luburt, Sternberg R. J.* The concept of creativity: Prospects and paradigms *Handbook of creativity* / ed. in R. J. Sternberg. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 3–15.
21. *Torrance E. P.* Torrance tests of creative thinking: Norms — technical manual. Princeton: Personnel Press/Ginn, 1974.
22. *Renzulli J.* The Enrichment Traid Model: A Guide for Developing Programs for the Gifted and Talented – Westersfield CT: Creative Learning Press, 1977.

MEMORY CAPACITY AS A FACTOR OF PRESCHOOLERS' CREATIVITY

E. Dudorova

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990

Features of short-term and long-term image memory of preschool children are analyzed in connection in parameters of creativity. Participants were 52 children. The correlations of indicators of short-term memory capacity with creativity parameters (fluency and flexibility) were obtained. Their joint structure was found by factor analysis. Also, significant effects of short-term memory on fluency and flexibility were found.

Keywords: image memory, creativity.

УДК 159.9

КОНЦЕПТ «ЭМОЦИЯ» И ЕГО СУБКОНЦЕПТЫ В НАУЧНЫХ ТЕОРИЯХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

С.С. Федосина

В статье анализируется содержание субконцептов понятийного и прототипического компонентов концепта «эмоция» в научных теориях эмоциональных явлений. Проведенный анализ позволяет говорить о существовании процессуального субъектно-объектного, биологического, процессуально - поведенческого и физиологического субконцептов концепта «эмоция».

Ключевые слова: концепт; субконцепт; понятие; прототип; научная теория эмоций.

Введение

Уже в начале XX в. философия приходит к пониманию того, что как научные термины, так и теоретические системы по большей части субъективны по своей природе: ученый не только произвольно расчленяет действительность, но и постоянно работает с понятиями, порожденными его интеллектом. Что же касается теорий, то они в конечном итоге — лишь удобные инструменты для упорядочения опытных данных [1]. Внимание философии к проблемам взаимосвязи научного и обыденного знания подчеркивает важность рефлексии по отношению к науке в целом. Особенно актуально обращение к самоанализу в психологии как науке о наиболее сложном в человеке — его внутреннем мире.

Обсуждающийся в последнее время плюрализм психологического знания [8] особенно заметен в такой области, как психология эмоциональных явлений. С нашей точки зрения, научная теория имеет концептуальное основание, исходный набор идей, который может быть выявлен путем эмпирического анализа. Единицей такого анализа в нашем исследовании выступал концепт. Данный термин трактуется как единица концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания [4]. Как и термин «когнитивные науки», объединяющий дисциплины, изучающие «язык мысли», термин «концепт» является зонтиковым, он функционирует в предметных областях нескольких научных

направлений: прежде всего когнитивной психологии и когнитивной лингвистики, занимающихся проблемами мышления и познания, хранения и переработки информации. В этом плане он выступает как единица анализа обыденного или научного сознания [2]. Распространенным способом описания структуры концепта является его представление в виде структуры, имеющей дефиниционную и прототипическую часть [10]. Дефиниционная часть представляет собой определение через набор свойств, необходимых и достаточных для отнесения объекта к какому-либо классу [9]. Прототип представляет собой абстрактную репрезентацию набора стимулов, образованных множеством сходных форм одного и того же паттерна [11]. Содержательно каждый концепт включает в себя ряд субконцептов, представляющих различные варианты его смыслового наполнения [6].

Организация исследования

Целью нашего исследования являлось изучение субконцептов концепта «эмоция» в научных теориях эмоций. Для того чтобы выявить теории эмоций, в наибольшей степени повлиявшие на становление психологии эмоций, и составить впечатление о представленности проблемы в литературе, мы проанализировали ряд литературных источников [7]. Для анализа психологических теорий эмоций нами были отображены фамилии авторов, характеризующиеся часто-

Федосина Светлана Сергеевна — старший преподаватель кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: zireal@mail.ru

той встречаемости 3 и более (П.К. Анохин, Аристотель, М. Арнольд, Ф. Бард, Н.Я. Батова, Н.П. Бехтерева, Л.М. Веккер, В.К. Вилюнас, В. Вундт, Л.С. Выготский, Ч. Дарвин, Э. Даффи, Р. Декарт, У.Джемс, Б.И. Додонов, Дж. Дьюи, П. Жане, Р. Зайонц, Х. Левенталь, А.В. Запорожец, К. Изард, У. Кеннон, Э. Клапаред, Р. Лазарус, К. Ланге, К. Левин, А.Н. Леонтьев, Д. Линдслей, Р. Липер, Дж. Локк, А.Р. Лурия, У. МакДугалл, Д. Миллер, Дж. Морущи, Ж. Нюттен, Дж. Олдс, А.Е. Ольшанникова, И.П. Павлов, Дж. Пейпец, Р. Плутчик, Д. Рапапорт, Дж. Расселл, Дж. Рейковский, С.Л. Рубинштейн, Ж.-П. Сартр, Г. Селье, П.В. Симонов, Дж. Сингер, Г. Спенсер, Б. Спиноза, С. Томкинс, Дж. Уотсон, Л. Фестингер, З. Фрейд, П. Фресс, Н. Фрийда, Д. Хебб, Е.Д. Хомская, С. Шехтер, Х. Шлосберг, Ч. Шеррингтон, Дж. Эверилл, П. Экман, А.М. Эткин, К. Юнг, С.Г. Якобсон).

Понятийный компонент концепта «эмоция» в научных теориях перечисленных авторов изучался путем контент-анализа определений понятия «эмоция»: «определение через род и видовое отличие состоит из двух понятий: определяемого и определяющего, а сама операция включает в себя два приема: 1) подведение определяемого понятия под более широкое по объему родовое понятие (род) и 2) указание видового отличия, т.е. признака, отличающего определяемый предмет (вид этого рода) от других видов, входящих в данный род» [3. С. 48]. Изучение прототипического компонента концепта «эмоция» происходило посредством частотного анализа классификации конкретных видов эмоциональных явлений в научных теориях эмоций. Критерием прототипичности выступала продуктивная частотность [5].

Результаты

При контент-анализе родовых понятий и указаний на видовые отличия определений были выявлены следующие категории (см. табл. 1):

Таблица 1. Частота встречаемости категорий контент-анализа понятийного компонента концепта «эмоция» в научных теориях эмоций

Понятийный компонент	Частота
----------------------	---------

(категории контент-анализа определений) научного концепта «эмоция»	встречаемости, %
1. Указание на род	
1.1.Процесс	19,69
1.2.Переживание	15,15
1.3.Реакция	12,12
1.4.Состояние	13,63
1.5.Чувство	7,57
1.6.Отражение	7,57
1.7.Отношение	4,54
2. Указание на видовое отличие	
2.1. Носитель эмоционального явления	
2.1.1.Субъект	12,12
2.1.2.Человек	7,57
2.1.3.Организм	9,09
2.2. Объективная действительность	
2.2.1.Объект	12,12
2.2.2.Событие	9,09
2.2.3.Ситуация	6,06
2.2.4.Мир	6,06
2.2.5.Стимул	4,54
2.2.6.Среда	3,03
2.3. Поведение и деятельность	
2.3.1.Поведение	13,63
2.3.2.Действие	9,09
2.3.3.Деятельность	7,57
2.3.4.Выражение	4,54
2.3.5.Ответ	4,54
2.4. Мозг	6,06
2.5. Функции эмоций	
2.5.1.Оценка	9,09
2.5.2.Значимость	7,57
2.5.3.Регуляция	6,06
2.5.4.Смысл	3,03
2.6. Указание на конкретные эмоциональные явления	
2.6.1.Возбуждение	6,06
2.6.2.Радость	4,54

1) указание на род: («процесс», «переживание», «реакция», «состояние», «чувство», «отражение», «отношение»;

2) указание на вид («объективная действительность (объект, ситуация, событие, стимул, мир)», «носитель эмоции (субъект, человек, организм)», «поведение и деятельность», «мозг», «функции (оценка, значимость, смысл, регуляция)», «указание на конкретные эмоциональные явления»).

В число прототипических эмоций (с частотой встречаемости больше 3) вошли: страх

(13,33%), гнев (9,09%), отвращение (7,27%), радость (6,66%), любовь (6,06%), удивление (5,45%), удовольствие (4,24%), печаль (4,24%), ярость (3,63%), горе (3,63%), счастье (3,63%), возбуждение (2,42%), напряжение (2,42%), неудовольствие (2,42%), ненависть (2,42%), тревога (2,42%), стыд (1,8%), нежность (1,8%), надежда (1,8%), интерес (1,8%), испуг (1,8%), уныние, (1,8%), грусть (1,8%), гордость (1,8%), вина (1,8%).

Субконцепты концепта «эмоция» выявлялись путем иерархического кластерного анализа понятийного и прототипического компонентов концепта «эмоция». В результате анализа авторы научных теорий эмоций были объединены в четыре группы:

1. Для первой группы (П.К. Анохин, Л.М. Веккер, В. Вундт, Б.И. Додонов, А.В. Запорожец, К. Левин, А.Н. Леонтьев, Д. Линдсли, Дж. Нюттен, Д. Рапапорт, Дж. Рассел, Л. Фестингер, Н. Фрийд, К. Юнг, С.Г. Якобсон) характерно преимущественное использование в качестве родового понятия слова «процесс» (60%). Указание на видовые отличия осуществляется в первую очередь через такие признаки, как «объект» (46,66%), «субъект» (33,33%), «событие» (20%), «ответ» (20%), «деятельность» (20%), «значимость» (20%), «регуляция» (20%). К прототипической части относятся следующие эмоциональные явления: «напряжение» (26,66%), «грусть» (20%), «счастье» (20%), «возбуждение» (13,33%), «неудовольствие» (13,33%), «удивление» (13,33%), а также «гордость» (6,66%), «желание» (6,66%), «интерес» (6,66%), «нежность» (6,66%), «радость» (6,66%), «решимость» (6,66%), «удовольствие» (6,66%), «уныние» (6,66%).

2. Вторая группа (Аристотель, М. Арнольд, Ф. Бард, В.К. Вилюнас, Р. Декарт, У. Джемс, У. Кеннон, Б. Лазарус, Р. Липер, А.Е. Ольшанникова, Дж. Пейпец, П.В. Симонов, Дж. Сингер, Б. Спиноза, Дж. Уотсон, З. Фрейд, П. Фресс, Д. Хебб, С. Шехтер, Дж. Эверилл) чаще предлагает определять понятие «эмоция» через «состояние» (23,8%) и в меньшей степени — «чувство» (14,28%) и «переживание» (14,28%). При этом указание на видовые отличия представлено от-

ветами с малой частотностью — наиболее частыми из них являются: «организм» (14,28%), «деятельность» (9,52%), «действие» (9,52%), упоминание конкретного эмоционального явления «радость» (9,52%), реже встречаются ответы «отражение» (4,76%), «объект» (3,76%), «мир» (4,76%), «субъект» (4,76%), «поведение» (4,76%), «оценка» (4,76%), «возбуждение» (4,76%). Диапазон прототипических эмоций включает такие виды, как «страх» (76,19%), «гнев» (47,61%), «радость» (42,85%), «любовь» (38,09%), «печаль» (28,57%), «ярость» (28,57%), «горе» (23,8%), «отвращение» (19,04%), «ненависть» (14,28%), «желание» (14,28%), «возбуждение» (9,52%), «испуг» (9,52%), «надежда» (9,52%), «счастье» (9,52%), «тревога» (9,52%), «вина» (4,76%), «гордость» (4,76%), «стыд» (4,76%), «удивление» (4,76%), «удовольствие» (4,76%), «уныние» (4,76%).

3. В третьей группе (Н.Я. Батова, Ч. Дарвин, К. Изард, У. Мак-Дугалл, Р. Плутчик, Дж. Рейковский, С. Томкинс, Е.Д. Хомская, Х. Щлосберг, П. Экман) родовыми понятиями «эмоции» являются «процесс» (30%) и «переживание» (20%), а к видовым отличиям относятся: «человек» (30%), «субъект» (20%) и «поведение» (20%), «мир» (10%), «организм» (10%), «выражение» (10%), «действие» (10%), «значимость» (10%), «возбуждение» (10%). Прототипическая часть концепта представлена рядом эмоциональных явлений, из которых чаще всего упоминаются: «гнев» (100%), «отвращение» (100%), «страх» (100%), «удивление» (70%), «радость» (50%); кроме того, приводятся такие виды эмоциональных явлений, как «интерес» (40%), «печаль» (30%), «презрение» (30%), «страдание» (30%), «удовольствие» (30%), «решимость» (20%), «стыд» (20%), «вина» (20%), «горе» (20%), «любовь» (20%), «нежность» (20%), «гордость» (10%), «испуг» (10%), «надежда» (10%), «ненависть» (10%), «неудовольствие» (10%), «счастье» (10%), «тревога» (10%), «уныние» (10%).

4. К четвертой группе (Н.П. Бехтерева, Л.С. Выготский, Э. Даффи, Дж. Дьюи, П. Жане, Р. Зайонц, Э. Клапаред, К. Ланге, Х. Левенталь, Дж. Локк, А.Р. Лурия, Д. Миллер, Дж. Моруц-

ци, Дж. Олдс, И.П. Павлов, С.Л. Рубинштейн, Ж.-П. Сартр, Г. Селье, Г. Спенсер, Ч. Шеррингтон, А.М. Эткинд) относятся определения понятия «эмоция» через родовое понятие «реакция» (23,8%); при указании на видовые отличия встречаются такие ответы, как «поведение» (19,04%), и с меньшей частотой встречаемости — «стимул» (9,52%), «событие» (9,52%), «ситуация» (9,52%), «мозг» (9,52%), «регуляция» (9,52%), «состояние» (4,76%), «отражение» (4,76%), «отношение» (4,76%), «среда» (4,76%), «организм» (4,76%), «выражение» (4,76%),

«действие» (4,76%), «значимость» (4,76%), «смысл» (4,76%). Прототипическая часть представлена тремя эмоциями: «удовольствие» (14,28%), «неудовольствие» (4,76%), «тревога» (4,76%).

Частотный анализ позволяет говорить о том, что авторы научных теорий эмоций в выявленных группах характеризуются различной частотностью ответов при обозначении родовидовых характеристик понятия «эмоция» и перечислении конкретных эмоций.

Таблица 2. Частотный анализ содержательного наполнения концепта «эмоция» в научных теориях эмоций

Группа авторов теории эмоций по результатам кластерного анализа	Средняя частота встречаемости в категориях контент-анализа понятийного компонента концепта «эмоция», %	Количество наименований эмоций, характеризующихся высокой частотой встречаемости
1	29,9	1,5
2	9,52	4,0
3	15,0	3,3
4	7,14	1,6

На основании количественных показателей были выделены субконцепты концепта «эмоция», содержащие наиболее часто встречающиеся элементы (с частотой равной или вышеприведенной в табл. 2):

1) «процессуальный субъектно-объектный»: эмоция (напряжение) как процесс, возникающий при взаимодействии субъекта и объекта;

2) «биологический»: эмоция (страх, гнев, радость, любовь) как состояние (чувство, переживание) организма в деятельности;

3) «процессуально-поведенческий»: эмоция (гнев, отвращение, страх) как процесс переживания человека, выражающийся в поведении;

4) «физиологический»: эмоция (удовольствие, неудовольствие, тревога) как реакция мозга на событие, ситуацию, стимул, регулирующая поведение.

Список литературы

1. Бохенский Ю.М. Современная европейская философия. М.: Научный мир, 2000. 256 с.
2. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. М., 2003. Вып. 24. С. 5-12.

3. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. М.: Юристъ, 2001. 256 с.
4. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
5. Люсин Д.В. Эмпирический анализ категоризации эмоций // Вопросы психологии. 1999. №2. С.50-61.
6. Минченков А.Г. Мысль как основа сопоставления языков при переводе и интенция мыслывления // Вестник Челябин. гос. ун-та. Серия. Филология. Искусствоведение. 2008. Вып.23. № 21 (122). С.114-120.
7. Федосина С.С. Особенности значения понятия «эмоция» в научных теориях эмоциональных явлений // Материалы научно-практической заочной конференции «Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей». СПб.: Изд-во НИИРР, 2011. С. 33-39.
8. Юревич А. В. Методологический плюрализм в психологии // Вопросы психологии. 2001 . № 5. С. 5-18.
9. Horsey R.S. The content and acquisition of lexical concepts. London: University College London, 2006. 260 pp.
10. Margolis E., Laurence S. Concepts // The Blackwell Guide to Philosophy of Mind. Ed. by Stich S.P., Warfield T.A. 2002. P. 190-213.
11. Rosch E., Mervis C.B., Gray W.D., Johnson D.M.,

CONCEPT OF “EMOTION” AND ITS SUBCONCEPTS IN SCIENTIFIC THEORIES OF EMOTIONAL PHENOMENA

S. Fedosina

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990

The article describes the content of definitional and prototypical components of concept of “emotion” in scientific theories of emotional phenomena. The given analysis shows the existence of process-subject-object, biological, process-behavioral and physiological subconcepts of concept the “emotion”

Key words: concept; subconcept; notion; prototype; scientific theory of emotions.

УДК 159.923.2

СТИЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕГО МЕТАЭФФЕКТ В АСПЕКТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «УЧИТЕЛЬ — МЛАДШИЙ ШКОЛЬНИК»

И.В. Долгополова

В статье рассматриваются структура и особенности стиля педагогической деятельности учителей начальных классов, а также структура стиля учебной деятельности их учащихся. На примере начальной школы обсуждается новый подход в исследовании стиля деятельности — влияние стиля деятельности учителя на особенности стиля деятельности и индивидуальности его учащихся. Доказано присутствие двух аспектов метаэффекта стиля деятельности учителей: первый касается непосредственно стилевых характеристик деятельности учащихся, второй — характеристик их индивидуальности.

Ключевые слова: субъекты образовательного пространства; стиль педагогической деятельности; стиль учебной деятельности; индивидуальные особенности; метаэффекты.

Две центральные фигуры в школе — учитель и ученик. Их взаимодействие на уроках, во внеучебной деятельности считается важнейшим средством развития личности ребенка. К.Д.Ушинский поставил вопрос о необходимости разработки такой педагогической системы, которая «оживляла бы как учителя, так и ученика». Важнейшим ее условием он считал «образ преподавания». Это система обучения, которая заставляет учеников пустить в ход мышление так, что «они в одно и то же время будут и слушать, и думать» [4].

В современном образовательном пространстве мысли К.Д.Ушинского нашли отражение в том, что все большее внимание уделяется роли учителя не только как носителя знаний, но и как личности, которая формирует другую личность. Но чем чаще звучит эта идея, тем в большей степени она рассматривается только как аксиома, а не как руководство к действию по совершенствованию процессов взаимодействия в системе «учитель-ученик». Например, несмотря на все достижения современной педагогики (это технологизация, индустриализация и стандартизация), открытым остается вопрос о том, что является пусковым механизмом в процессе однозначно признаваемого влияния учителя на обучаемого ребенка.

Очевидно, что детерминантой является не только система педагогических воздействий учителя, но и особенности его личности и деятельности. В исследованиях Д.С.Андерсона сравниваются две философии обучения, в рамках которых можно оценивать педагогическое мастерство и деятельность учителя, определяющие особенности индивидуальности учащихся. Они отличаются функциями педагога в образовательном пространстве [1].

«Научная» философия обучения доводит до догматизма приверженность к традиционной педагогике и традиционным учебным программам, культивирует требовательность и высокое качество преподавания, отвергает практику выбора учащимися. Эта философия ориентируется, прежде всего, на учителя и определяет его функции как оценивающие и контролирующие деятельность учащихся. В приоритете — достижение высоких результатов школьниками, что необходимо им для дальнейшей жизни в обществе в условиях конкуренции.

Другая философия названа Д. Андерсеном «гуманистической». Она ориентирована в большей степени на учащегося. Учитель же видит свои функции в том, чтобы обеспечить более полное развитие каждого ученика с точки зрения не только усвоения теоретических

дисциплин, но и познания ребенком самого себя и общества, в котором он будет жить.

Учителя «научной» и «гуманистической» ориентации по-разному смотрят на школьное обучение. Первые видят призвание школы в подготовке учащихся к жизни в обществе, где доминирует соперничество в человеческих отношениях, вторые отдают предпочтение сотрудничеству.

Интересно, что и те, и другие могут демонстрировать высокий уровень педагогического мастерства и эффективности деятельности. Поэтому встает вопрос о том, как оценить этот уровень. Ведь зачастую характер взаимодействия учителя и учеников бывает опосредован особенностями именно педагога. При этом наиболее отчетливо выделяется вопрос об оценке и критериях результативности педагогической деятельности.

Данная проблема, с высокой долей вероятности, может быть успешно решена с позиций теории стиля деятельности, в рамках которой педагогическое мастерство рассматривается как отражение стиля деятельности учителя.

Понятие стиля сегодня довольно широко употребляется для описания индивидуального своеобразия человека, его личности, деятельности, поведения. Именно поэтому идеи о стиле деятельности стали популярными, прежде всего в системе образования, где пропагандируются вопросы гуманизации учебно-воспитательного процесса.

Стиль деятельности в самом широком смысле слова — устойчивая система способов, приемов, проявляющаяся в разных условиях ее существования. Он обуславливается спецификой самой деятельности, индивидуально-психологическими особенностями ее субъекта (И.В.Страхов, Н.Д.Левитов, Е.А.Климов и др).

По мнению Е.А.Климова, индивидуальный стиль деятельности можно рассматривать разносторонне. В узком смысле — это обусловленная типологическими особенностями устойчивая система способов, которая складывается у человека, стремящегося к наилучшему осуществлению данной деятельности», а в широком смысле — «индивидуально — своеобразная система психологических средств, к которым сознательно или стихийно прибегает человек в целях наилучшего уравнивания своей (типологически обусловленной) индиви-

дуальности с предметными внешними условиями деятельности» [2]. Подчеркивается, что это «индивидуальное своеобразное наилучшее выполнение деятельности» (В.С.Мерлин). Стиль деятельности включает ее операциональный состав умения и навыки (В.Э.Чудновский), выявляя способности самого субъекта и обуславливаясь его индивидуально-психологическими и личностными особенностями. В.Д.Шадриков определяет стиль деятельности как способ деятельности, учитывающий индивидуальные качества субъекта и характеризующийся устойчивостью, обусловленный личностными качествами. Это также есть средство эффективного приспособления к объективным требованиям [4]. Все авторы сходятся во мнении, что стиль деятельности следует рассматривать как систему наиболее эффективных приемов и способов организации собственной работы отдельным человеком.

В отечественной педагогике и психологии накоплен значительный теоретический и экспериментальный материал по проблемам профессиональной деятельности педагогов через призму их стиля деятельности. Так, много внимания уделено вопросам стиля педагогического общения (Е.А.Климов, А.К.Маркова, А.Г. Исмаилова и др.), установлены некоторые связи индивидуального стиля педагогической деятельности со свойствами темперамента (С.В.Субботин). Доказано, что в педагогической деятельности высокой результативности могут добиться учителя, обладающие принципиально разными типологическими особенностями нервной системы, за счет выработки индивидуальной системы приемов и способов работы (Н.Д.Бобырев, З.Н.Вяткина, Н.И.Петрова, С.В.Сергеева).

Обзор имеющихся данных по заявленной проблеме позволяет выделить ряд направлений, в которых сегодня ведутся исследования. Во-первых, это изучение профессионального развития в связи с особенностями индивидуальности у учителей различных ступеней образования, а также в свете особенностей их стиля деятельности (Т.С.Рожок, Н.Е.Андреева). Во-вторых, это комплексное изучение особенностей учебной деятельности школьников, в том числе связанных с разноуровневыми свойствами индивидуальности и внешними требованиями деятельности (И.В.Ермакова,

Г.А.Цукерман, С.В.Зайцев, Н.В.Литвиненко, А.А.Плигин). В третьих, обозначились первые исследования по вопросам связи некоторых личностных особенностей педагогов и характеристик индивидуальности их учащихся (М.Н.Швецова).

Но вопросы особенностей деятельности учителей начальных классов остаются, как правило, вне поля зрения исследователей. Так, не раскрыты структурные компоненты, образующие стиль деятельности учителя начальных классов, не описана специфика их деятельности, характеризующаяся необходимостью преподавания различных предметов. Эти проблемы методологического характера связаны с диагностическими трудностями. Например, при анализе литературы нами не обнаружено методик, позволяющих в полной мере оценить стилевые характеристики деятельности учителя начальных классов.

Между тем педагогическая деятельность такого учителя является специфической. Так, этот педагог представляется в некотором роде «универсалом», вынужденным преподавать учащимся множество предметов — от гуманитарных до технических. Естественно, что такая «универсальная» деятельность предъявляет к учителю начальных классов многообразные требования: не только требования к знаниям, умениям и навыкам педагога, но и к его способностям, личностным особенностям, сказывающимся на развитии его воспитанников. В связи с этим проблема стиля деятельности учителя начальных классов становится более чем актуальной, и она должна рассматриваться через призму ее влияния на формирование стиля учебной деятельности и личностных особенностей детей.

Такое влияние в начальном звене школьного образования особенно выражено, так как именно в этот период жизни школьника начинают формироваться отношения в системе «учитель-ученик» и закладывается фундамент учебной деятельности ребенка.

К сожалению, сегодня стиль учителя изучается, как правило, вне связи с формированием определенного стиля деятельности его учеников. Доказано влияние стиля деятельности педагога на различные стороны личности учащихся, но не раскрыты всесторонние связи

в системе «Стиль деятельности учителя — Стиль деятельности учеников».

Это усугубляется проблемой диагностических показателей, интегрирующих представления о стиле педагогической и стиле учебной деятельности, которая не может быть сведена к поиску одной единственной характеристики. Необходимо системное исследование индивидуальности в этом направлении.

С целью снять имеющиеся противоречия и обосновать связи деятельности «учитель-ученик» нами проведено комплексное исследование особенностей стиля деятельности учителей начальных классов и их учащихся. В нем приняли участие 72 педагога и 226 школьников. В ходе данного исследования был разработан психодиагностический инструментарий, который позволяет оценить стиль деятельности учителя начальных классов и как показатель педагогического мастерства, и как фактор, влияющий на развитие стиля учебной деятельности и индивидуальности детей. Опросник «Особенности стиля деятельности учителей начальных классов» отражает стиль педагогической деятельности в традиционном понимании и учитывает ее характеристику, как направленной на личностное, интеллектуальное и деятельностное развитие ребенка.

Данная методика стала результатом разработки конструкта «стиль педагогической деятельности», который включил в себя 4 компонента (рис. 1).

Реализация коммуникативных действий включает стремление избегать избирательности в контактах, угроз в их адрес при проявлении должной строгости и требовательности. Действия, активизирующие интеллект учащихся, характеризуют умение педагога организовать интеллектуальную деятельность детей, что особенно важно в первые годы обучения в школе. При этом учитель умеет разнообразить формы и методы работы с учащимися, старается подбирать учебные задания, имеющие несколько вариантов решения, а также умеет наметить в ходе урока перспективу дальнейшего роста ученика и дать ему необходимые советы.

Третий и четвертый компоненты структуры стиля деятельности учителя — это, соответственно, организационные и самоорганизационные действия. Необходимость их выделе-

ния обусловлена важностью вопросов совершенствования педагогического процесса и формирования учебной деятельности. Организационная сторона стиля проявляется в стремлении учителя четко и лаконично формулировать вопросы к учащимся, в стимулировании их вдумчиво выслушивать ответы товарищей и задавать им вопросы и пр. Что касается самоорганизации деятельности, то в начальной школе именно эффект самоорганизации в ра-

боте педагога приобретает особое значение, так как преподавание в младших классах является специфичным. Во-первых, учитель в одном лице преподает несколько предметов, устанавливая сложные планы действий. Во-вторых, самоорганизация деятельности педагога может отражаться в самоорганизации и организации деятельности учащихся, только начинающейся складываться в первые годы обучения в школе.

Рис. 1. Структура стиля педагогической деятельности учителей начальных классов

Рис. 2. Представленность компонентов стиля деятельности учителей начальных классов

Особенности стиля педагогической деятельности учителей начальных классов

Анализ особенностей деятельности учителей начальных классов показал, что компоненты стиля представлены у педагогов в разной степени (рис. 2).

Как видно, в структуре стиля наиболее представлены коммуникативные действия (ис-

пользование грамотной речи, вовлечение каждого учащегося в общение и пр.) и действия, активизирующие интеллект учащихся (например, подбор разновариантных учебных заданий, активизация внимания учащихся и пр.). Организационная сторона деятельности учителей начальных классов сформирована в меньшей степени. Следует отметить недостаточную сформированность организационных действий

(все, что связано с умениями четко и конкретно ставить вопросы перед детьми, вовлекать каждого из них в учебный процесс, ставить цели в начале занятия и озвучивать требования и т.д.).

Важно помнить о том, что стиль деятельности учителя претерпевает изменения с годами. Поэтому его следует оценивать дифференцировано, в зависимости от стажа работы. Поэтому одно из направлений исследования посвящено анализу особенностей стиля деятельности учителей с различным стажем работы. В качестве испытуемых выступали учителя начального звена, работающие по традиционной программе и имеющие стаж педагогической деятельности в начальном звене от 5 до 9 и от 10 до 15 лет (табл. 1).

Принципиальные различия связаны лишь с двумя компонентами. Если у профессионально зрелых учителей (стаж от 5 до 9 лет) больше выражена ориентация на формирование интеллектуальных характеристик учащихся, то у педагогов-стажистов (стаж от 10 до 15 лет) более сформированы организационные действия.

Интересно, что в общей группе педагогов начального звена кластерный анализ позволил однозначно выделить две группы. Малочисленная группа — это учителя с преобладанием самоорганизационных действий и демократическими чертами в общении, многочисленная группа — это учителя, стремящиеся активизировать интеллектуальную деятельность учащихся и проявляющие авторитарные тенденции.

Таблица 1. Сравнительные данные проявления компонентов стиля деятельности учителей начальных классов с разным стажем работы, %

Стаж работы	Коммуникативные действия	Действия, активизирующие интеллект учащихся	Организационные действия	Самоорганизационные действия
5-9 лет	78,2	83,1	67,6	75,6
10-15 лет	76,7	78,9	71,3	75,2
p	—	**	**	—

Примечание: здесь и далее $p < 0,001$ — ***, $p < 0,01$ — **, $p < 0,05$ — *

Особенности стиля учебной деятельности младших школьников

Исследование стиля деятельности учащихся стало продолжением изучения стилевых особенностей деятельности субъектов образовательного пространства в начальном звене. Выявлено, что их стиль учебной деятельности является сложным многокомпонентным образованием. Структура стиля учебной деятельности младших школьников является значительно более сложным образованием, чем структура стиля учителей, и включает в себя 12 компонентов, объединенных в несколько блоков:

- интеллектуальная активность и стремление к ней,
- саморегуляция деятельности и организованность,
- работоспособность и позитивная коммуникативная активность,
- скоростные характеристики и ориентировочные компоненты деятельности,

- предпочтение спокойных либо усложненных ситуаций деятельности,
- недостаточная учебная активность и негативная коммуникативная активность.

Наиболее развитыми оказались следующие показатели (в порядке уменьшения средних значений): организованность и саморегуляция деятельности, стремление к интеллектуальной активности и предпочтение спокойных ситуаций деятельности. Подобный фактический материал вполне объясним. Например, высокие показатели организованности и саморегуляции деятельности учащихся связаны с дисциплинарными и организационными моментами учебной деятельности. Для школьников 2-3-х классов является типичным приспособление к условиям новой учебной деятельности, особенно в отношении внешних, поведенческих аспектов. Стремление к интеллектуальной активности для детей младшего школьного возраста является характерным, так как в силу возрастных особенностей они демонстрируют высокий познавательный интерес, который яв-

ляется фундаментом интеллектуальной активности. Наши данные в этом отношении согласуются с результатами исследований Н.С. Лейтеса и В.С. Юркевич.

Наименее развитые показатели стиля учащихся — это позитивная и негативная коммуникативная активность. Данные свидетельствуют о том, что младшие школьники не стремятся выступать с дополнительными сообщениями на уроках, редко обращаются к педагогу и сверстникам с целью углубления знаний, не проявляют речевую активность на занятиях и редко испытывают неудовлетворенность при ограничении возможностей общения.

В структуре стиля успех деятельности обеспечивают, прежде всего, работоспособность, интеллектуальная активность и стремление к ней (как самые выраженные показатели). В нем представлена негативная коммуникативная активность, которая, возможно, подавляется учителем. В реализации стиля существенную роль играют интеллектуальные компоненты. Они образуют его ядро, выступая в числе ведущих показателей.

Метаэффекты стиля учителей, отраженные в деятельности учащихся

Именно метаиндивидуальная функция интегральной индивидуальности педагога в свете самых последних исследований становится в центр внимания ученых и практиков. С одной стороны, учитель, как любой человек, представляет собой интегральную индивидуальность в выражении всех ее характеристик. С другой стороны, он является носителем ценностей, которые в силу профессиональной деятельности он передает детям, реализуя в первую очередь именно метаиндивидуальную функцию.

Исследование интегральной индивидуальности учителя в ее метаиндивидуальном аспекте следует считать актуальной задачей, так как основной характеристикой педагогического труда является интенсивное взаимодействие в системе «учитель-ученик». Особенно значимыми становятся такие исследования в системе начального школьного обучения. Именно учитель начальных классов в значительной степени наделен референтностью, властью и симпатией со стороны учащихся, а также име-

ет и является объектом обратной связи «учитель-ученик» [3].

Проведенное исследование обнаружило два аспекта метаэффекта стиля деятельности учителей начальных классов. Первый касается непосредственно стилевых характеристик деятельности учащихся, а второй — их характеристик индивидуальности.

Особенности стиля деятельности учащихся проявляются при анализе его специфики в связи с обучением у педагогов с разными стилями (табл. 2).

Данные таблицы показывают, что существуют разноаспектные различия в СУД у школьников, обучающихся у разных учителей. Согласно статистически подтвержденным различиям, школьники 1-й группы опережают своих сверстников из 2-й группы по многим показателям, как позитивным, так и негативным. Возможно, их стиль в отличие от сверстников другой группы является более отчетливым, ярко выраженным.

Относительно метаэффекта стиля деятельности и индивидуальности учителей следует пояснить ряд важных моментов.

Прежде всего, более развитый стиль учебной деятельности демонстрируют школьники от педагогов с высокой самоорганизацией деятельности. Педагоги с преобладанием действий, активизирующих интеллектуальную деятельность учащихся, проявляя авторитарные тенденции, «навязывают» детям определенный стиль деятельности. В результате у школьников формируется некий промежуточный стиль как результат совмещения требований деятельности учителя и собственных индивидуальных особенностей. Если сравнить детей более детально, то обучающиеся у педагогов первой группы, в отличие от своих сверстников, в большей степени стремятся к интеллектуальной активности (предпочитают выполнять трудные учебные задания, получают удовольствие от напряженной умственной работы и т.д.), демонстрируют более высокую позитивную коммуникативную активность (обращаются к педагогу за дополнительными знаниями, любят отвечать по собственному желанию и т.д.). Вероятно, их большее стремление к данным видам активности является следствием примера педагога как образца са-

моорганизации и его демократических прояв-

лений в деятельности.

Таблица 2. Индивидуальные различия в стиле учебной деятельности младших школьников, обучающихся у педагогов с разными стилями

Показатели (n=226)	Обучающиеся у педагога с преобладанием самоорганизационных действий	Обучающиеся у педагога с преобладанием действий по активизации интеллекта учащихся	T-критерий Стьюдента	p
Интеллектуальная активность	29,71	28,50	0,91	0,368
Стремление к интеллектуальной активности	33,86	30,37	2,65**	0,007
Саморегуляция деятельности	32,43	32,77	-0,28	0,764
Организованность	37,16	34,67	1,33	0,194
Работоспособность	29,46	30,42	-0,65	0,484
Позитивная коммуникативная активность	27,82	24,96	2,3*	0,022
Скоростные характеристики	30,77	29,17	1,25	0,194
Оrientировочные компоненты деятельности	31,68	27,04	4,42***	0,000
Предпочтение спокойных ситуаций деятельности	33,84	30,02	4,70***	0,000
Предпочтение усложненных ситуаций деятельности	30,34	29,08	1,6	0,109
Недостаточная учебная активность	26,32	24,96	1,02	0,317
Негативная коммуникативная активность	24,27	21,88	2,56*	0,009

Таблица 3. Значимые различия в индивидуальных характеристиках младших школьников, обучающихся у педагогов с разными стилями

Показатели (n=216)	Обучающиеся у педагога с преобладанием самоорганизационных действий	Обучающиеся у педагога с преобладанием действий по активизации интеллекта учащихся	T-критерий Стьюдента	p
Фактор В Конкретность/абстрактность мышления	4,27	5,10	-2,378*	0,016
Фактор G Слабость/сила сверх-Я	5,66	6,27	-2,210*	0,028
Фактор Q ₄ Расслабленность/напряженность	5,68	6,81	-3,122**	0,002
Школьная мотивация	18,16	20,42	-3,02**	0,002
Познавательная потребность	4,50	6,80	-3,55***	0,0003
Сила процессов возбуждения	26,86	31,29	-2,77**	0,005
Подвижность нервных процессов	31,43	33,75	-1,96*	0,045

Второй аспект метаэффекта стиля деятельности учителей начальных классов связан с индивидуальностью их учащихся. Учащиеся педагогов с разными стилями демонстрируют разные личностные черты, показатели успешности в обучении, особенности мышления и нервной системы, значимые различия в отношении которых представлены в табл. 3.

Данные таблицы подтверждают, что существует ряд различий в проявлении личностных черт у школьников, обучающихся у учителей с различными стилями. Заслуживает внимания анализ по параметру «Конкретность/ абстрактность мышления» (фактор В). Учащиеся 1-й группы демонстрируют менее высокие показатели абстрактного мышления, чем учащиеся 2-й группы. Первые имеют меньший объем зна-

ний, при выполнении заданий чаще используют конкретно-ситуативные признаки, примитивно подходят к решению своих проблем. Вторые показывают более высокий уровень развития вербального интеллекта, умеют выделять частное из общего, владеют логическими и математическими операциями, легко усваивают новые знания. Возможно, это связано с тем, что ученики педагога с самоорганизационными стилевыми характеристиками чаще получают достоверную, полную информацию, но, как правило, в готовом виде. Направленность такого учителя на активизацию интеллекта учащихся недостаточно высокая.

Ученики педагога со 2-м стилем (имеющего, как правило, средний уровень интеллекта) в большей степени вынуждены добывать интересующую их информацию самостоятельно, ограниченно пользуясь помощью учителя. В результате они демонстрируют более высокие результаты по фактору В. Возможно, это является итогом специально организованных действий учителя с направленностью на активизацию интеллектуальной деятельности учащихся.

Выявлены статистически значимые различия по показателям «Слабость/сила сверх-Я» ($p < 0,05$) и «Расслабленность / напряженность» ($p < 0,01$). Их интерпретация позволяет предположить, что школьники 1-й группы менее добросовестные, они могут пренебрегать своими обязанностями. Им в большей степени присущи непостоянство, отсутствие стойкой мотивации. При этом они спокойны и невозмутимы. Видимо, это является следствием демократических тенденций педагога с самоорганизационной направленностью.

Дети, обучающиеся у учителя со 2-м стилем, более ответственные, целеустремленные, добросовестные, аккуратны. Эти школьники в сравнении со сверстниками из другой группы чаще испытывают нервное напряжение, фрустрацию, могут быть повышено раздражительными. Предполагаем, что это является следствием авторитарных тенденций деятельности педагога со 2-м стилем. По остальным личностным показателям статистически значимых различий не обнаружено.

Сравнительный анализ индивидуальных различий в успешности в обучении, мышлении и нейродинамических показателях школьни-

ков, обучающихся у учителей с разными стилями педагогической деятельности, свидетельствует о взаимосвязи того или иного стиля с индивидуальными особенностями учащихся. Кроме того, во всех случаях исследуемые показатели выше у учащихся 2-й группы. Статистически значимые различия обнаружены по двум показателям успешности в обучении, по двум свойствам нервной системы. В отношении показателей мышления статистически значимых различий не обнаружено, хотя наблюдается устойчивая тенденция к более высокому мышлению у учащихся 2-й группы.

У учащихся 2-й группы обнаружены более высокие показатели школьной мотивации ($p < 0,01$) (она характеризуется в целом как хорошая: т.е. эти дети идут в школу не только в связи с внеучебными мотивами, но и желанием получить новую информацию). В отличие от 1-й группы они демонстрируют средний уровень познавательной потребности (ближе к высокому) ($p < 0,001$).

Дети, обучающиеся у педагогов с 1-м стилем, ходят в школу, руководствуясь внеучебными мотивами (например общением с друзьями), их познавательная потребность недостаточно высока (демонстрируют средний уровень познавательной потребности, ближе к низкому).

Обнаружены некоторые различия в нейродинамических показателях: сила процессов «возбуждения» ($p < 0,01$) и подвижность нервных процессов ($p < 0,05$). Оба показателя говорят в пользу учеников педагога со 2-м стилем. Эти дети обладают большей силой процессов возбуждения и высокой подвижностью нервных процессов.

Представленные различия обнаруживают метаэффект стиля деятельности учителя младших классов в отношении стиля учебной деятельности и свойств интегральной индивидуальности его учеников. Таким образом, обучающиеся у педагога со 2-м стилем в сравнении со своими сверстниками обладают более развитым интеллектом, познавательной потребностью, школьной мотивацией, большей ответственностью, аккуратностью, но в то же время фрустрированностью и напряженностью.

В структуре педагогического явления мы выделяем целенаправленное взаимодействие

педагога и ученика, средства образования и образовательную среду, между которыми существуют различные связи и отношения, но центральным при любых обстоятельствах выступает отношение между педагогом и учащимся. Поэтому в первом приближении стиль педагогической деятельности есть не что иное, как стиль взаимодействия учителя с учащимися, осуществляемого с помощью определенных педагогических средств в конкретной образовательной среде. Поскольку учащиеся как субъекты являются носителями ценного и уникального опыта педагогического взаимодействия, первоочередной исследовательской задачей должно стать продолжение изучения метаэффектов стиля деятельности учителей начальных классов, а также расширение сферы внимания до среднего и старшего звеньев образовательной цепочки.

Список литературы

1. *Аминов Н.А.* Диагностика педагогических способностей. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. 80с.
2. *Климов Е.А.* Психология профессионала. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 400с.
3. *Сорокина Т.М.* Развитие профессиональной компетентности будущего учителя средствами интегрированного учебного содержания// Начальная школа. 2004. № 2. С. 110 — 114.
4. *Ушинский К.Д.* Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Т.2. М., 1974. 1374с.
5. *Шадриков В.Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982. 185с.

STYLE OF PEDAGOGICAL ACTIVITY AND ITS METAEFFECT IN THE ASPECT OF INTERACTION BETWEEN A TEACHER-AND A PRIMARY SCHOOLBOY

I. Dolgopolova

Berezniki Branch of the Perm State University, 99 Yubileynaya str., Berezniki, Perm Kray, 618400

The structure and features of style of pedagogical activity of teachers of initial classes are considered in the article, as well as the structure of style of educational activity of their pupils. By example of elementary school the new approach to research of style of activity — influence of style of activity of the teacher on features of style of activity and individuality of his pupils — is considered. Presence of two aspects of metaeffect of style of activity of teachers is proved. The first aspect concerns directly the characteristics of activity of pupils style, the second relates to their individualities characteristics.

Key words: subjects of educational space; style of pedagogical activity; style of educational activity; specific features; metaeffects.

УДК 159.9

ПОТРЕБЛЕНИЕ НЕГЭНТРОПИИ И УСПЕВАЕМОСТЬ

В.Л. Чечулин

На основании теоремы Алесковского о связи мер информации и энтропии, указывающей, что для копирования информации необходима негэнтропия (отрицательная энтропия), экспериментально на выборке данных исследована связь относительной доли потребления негэнтропии (с растительной пищей) и качества когнитивных процессов, требующих копирования информации, измеримого по средней успеваемости студента за сессию; установлено, при применении устойчивых методов оценивания (усечения выделяющихся наблюдений), наличие корреляционной связи между высоким потреблением негэнтропии и высокой успеваемостью, определено, что показатель доли потребления негэнтропии более значим для высокой успеваемости, нежели калорийность рациона. Наличие такой связи позволяет рекомендовать корректирующие воздействия.

Ключевые слова: теорема Алесковского; информация; энтропия; негэнтропия; успеваемость; потребление негэнтропии.

1. Предисловие

Описание нормальных условий и возможных отклонений от них для когнитивных процессов имеет прикладное значение не только для системы образования. Ранее указывалось на связь общей калорийности дневного рациона и качества когнитивных процессов, проявляющуюся в низкой успеваемости при низкой калорийности дневного рациона. Этот очевидный с точки зрения биохимии факт подтверждён экспериментально [9]. С другой стороны, эти данные имели значительный разброс относительно регрессионной прямой, что позволяет говорить о наличии ещё, по крайней мере, одного фактора, кроме общей калорийности рациона, влияющего на успеваемость. Из материальных факторов, связанных с питанием, таким фактором, очевидно, является относительная доля потребляемой негэнтропии в рационе (негэнтропия поставляется растениями).

Влияние доли потребления негэнтропии на процессы воспроизводства описывалось ранее в работах [6;8]. Распространение влияния этой модели на когнитивные процессы также следует из теоремы Алесковского. Ниже описано теоретическое обоснование этого влияния, а

также наблюдение этой зависимости на выборке экспериментальных данных.

2. Теоретическое обоснование

В начале XX в. российский химик Алесковский предложил и обосновал [1] следующее утверждение о связи информации I и энтропии S :

$$I + S = \text{const}, \quad (1)$$

где в системе сумма информации и энтропии постоянна. Если же говорить о вероятностных мерах этих величин [1], то получается следующее утверждение:

$$I + S = 1, \quad (2)$$

вытекающее, как известно, из теоремы Алесковского о связи мер информации и энтропии.

Из этой теоремы следует, что для того, чтобы информация была скопирована ($I > 1$), необходима отрицательная энтропия (негэнтропия, $S < 1$). В мире отрицательная энтропия производится растениями, а затем потребляется остальными живыми существами (в том числе человеком). Таким образом, для получения возможности копирования информации (сопровождающего большинство когнитивных процессов) доля потребляемой человеком негэнтропии должна превышать 0,5 (следует учесть, что закономерность эта статистическая).

В работах, посвященных описанию взаимосвязи потребления негэнтропии и процессов воспроизводства населения по статистическим данным о выборке стран, было установлено, что коэффициент воспроизводства населения в стране является больше 1, при доле потребления негэнтропии большей 0,5 [6]¹, это обусловлено тем, что процессы воспроизводства и процессы функционирования социальной системы государства связаны с обращением информации, требующем её копирования (т.е. потребления, в конечном итоге, негэнтропии).

Что касается когнитивных процессов, то эта же закономерность (обусловленная теоремой Алесковского) относится к отдельному человеку. То есть наблюдаемое в предыдущих работах в масштабе целых стран являлось статистическим обобщением происходящих индивидуально процессов.

Мерой качества когнитивных процессов в этом случае является, например, успеваемость (процесс образования обычно связан с копированием и усвоением массы информации). Таким образом, основное теоретическое положение, следующее в исследуемой предметной области из теоремы Алесковского, подлежащее экспериментальному обнаружению, таково: высокая успеваемость связана с высокой долей потребляемой негэнтропии (фактор общей калорийности питания также влияет на успеваемость, при недостаточной калорийности успеваемость низкая).

3. Сбор данных

Для выявления на экспериментальных данных теоретически обоснованной закономерности необходимы данные:

- а) об успеваемости (средней за сессию),
- б) калорийности дневного рациона (относительно рекомендуемой нормы калорийности на единицу веса испытуемого),

в) составе рациона и доле в калорийности растительной пищи.

При таких известных данных легко вычислить коэффициент корреляции между долей негэнтропии в рационе и успеваемостью.

Для сбора данных рацион был детализирован по 6 группам потребляемых продуктов² (см. табл. 1):

- 1) мясо скота и молочные продукты,
- 2) птица и яйцо,
- 3) рыба, рыбопродукты,
- 4) грибы, фрукты и т. п. многолетние растения,
- 5) зернобобовые, хлеб,
- б) овощи, 1-2-летние.

Данные о потреблении собирались ежедневно в течение недели, для каждого продукта указывался потреблённый за день вес. Затем по известной величине калорийности продуктов вычислялась калорийность дневного рациона, а также доля негэнтропии в рационе (доля калорийности растительных продуктов). Причём этот расчёт производился двумя вариантами:

- 1) группы потребляемых продуктов делились на две (1-2-3) и (4-5-6);
- 2) группы потребляемых продуктов — (1-2-3) и (5-6), 4-я группа, как нейтральная, исключалась³ (обозначена далее как «негэнтропия» (4)).

Калорийность дневного рациона сравнивалась с нормой [2], равной 3000 ккал в день на 70 кг веса человека, вычислялась относительная величина исполнения этой нормы. Пример таблицы сбора данных см. в табл. 1.

¹ Россия, как и Украина и Белоруссия, в 1990-е гг. и нач. XX в. являются исключением из этого правила в связи с низкой общей калорийностью дневного рациона, недостаточной для обеспечения воспроизводственных процессов даже для сохранения количества населения (см. подробнее [8]).

² Это деление на группы имеет давнюю историю (см. например [7]).

³ Это исключение имеет основание при учёте аскетического опыта традиционных конфессий, чуть подробнее о разнице между овощами и фруктами в плане их влияния на когнитивные процессы (см. [10]).

Таблица 1. Пример таблицы сбора данных о дневном рационе питания

№	Вид пищи	Дни сбора данных:							калорий на 100 г	Общая калорийность		
		пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс				
		15	16	17	18	19	20	21				
6	овощи, зелень, 1-2 летние	400	250	150	200	250	400	400	20	410,00		
6	картофель								60	0,00		
6	сахар	50	50	50	50	100	50	50	400	1600,00		
5	арахис									0,00		
5	злаки (крупы)	100	150	150	150	100	150	100	350	3150,00		
5	хлеб	100	100	150	150	150	100	100	437	3714,50		
5	макаронные изделия (мука)	100	50	50	50	70	90	100	350	1785,00		
5	масло растительное								850	0,00		
5	маргарин растительный									0,00		
4	фрукты, многолетние	300	80	150	1000	200	500	500	45	1228,50	доля негэнтропии	
4	орехи									0,00	Сумма	
4	грибы	150	100						41	102,50	11990,5	0,814
4	алкоголь, в пересчёте на спирт									0,00	10659,5	0,796
3	рыба, рыбопродукты		50	50		100	100		120	360,00		
3	икра (рыбная)									0,00		
3	рыбий жир									0,00		
2	яйцо	5	5	5	5	5	5	5	65	22,75		
2	птица	150	150						135	405,00		
1	молоко (йогурт)			200		120	120		51	224,40		
1	сыр	50	50				50	50	357	714,00		
1	масло сливочное	10	0	0	10	10	10	10		0,00		
1	жир животн. (маргарин жвт.)									0,00	Сумма	
1	мясо			100	100	80	100	80	220	1012,00	2738,15	0,186
0	вода	1800	1800	1800	1800	1800	1800	1800		0,00		
	рост, см	160							доля калорийности		за день	
	вес, кг	50				2143		0,98			14728,7	2104,093
	средний балл за предыдущую сессию	5							норма для моего веса		за неделю	

4. Обработка данных

Данные собраны для 23 студентов последнего (5-го) курса. При этом данные студентов, пропустивших более 20% занятий, исключены ввиду того, что на их успеваемость, очевидно, влияет больше их нерадение, нежели материальные факторы, связанные с питанием. Полученная при этом однородная выборка данных для студентов, посещавших занятия, из соображений достижения устойчивости (робастности) статистических оценок [5], подвергнута усечению, исключены наблюдения с максимальным и минимальным значением как относительной калорийности, так и доли потребления негэнтропии.

Полученные данные представлены в табл. 2. Строки, отмеченные цветом,— отсекаемые для робастности статистических оценок данные.

По усечённым данным определены также ранги наблюдений для вычисления коэффициентов ранговой корреляции.

Полученные коэффициенты корреляции, по усечённым данным, таковы:

- corr (успеваемость, калорийность) = 0,118,
- corr (успеваемость, негэнтропия) = 0,697,
- corr (успеваемость, негэнтропия (4-)) = 0,845.

Ранговые коэффициенты корреляции, по усечённым данным, таковы:

- rank_corr (успеваемость, калорийность) = 0,
- rank_corr (успеваемость, негэнтропия (4-)) = 0,562.

Ранговая корреляция по Спирмену [3] вычислена по формуле, где A_k, B_k — ранги величин A и B в выборке мощностью n.

Такие значения коэффициентов корреляции показывают высокий уровень статистической связи между долей потребления негэнтропии и успеваемостью студентов, что экспериментально подтверждают описанные в параграфе 2 теоретические положения, вытекающие из теоремы Алесковского.

5. Визуализация данных

Ранее говорилось о зависимости успеваемости от среднедневной траты на питание (см. [9]). В имеющейся выборке недостаточно данных о сумме трат на питание для полного анализа, но тенденция, сравнимая с данными [9], сохраняется (рис. 1).

Связь калорийности рациона и успеваемости показана на рис. 2, где заметны общая тенденция и отдельные отклоняющиеся случаи (требуется применение более устойчивых, нежели усечение выборки, методов регрессионного анализа).

Таблица 2. Данные однородной выборки (успеваемость — средний балл за сессию)

№ п/п	Траты на питание в день	Калорийность	Энтропия	Неэнтропия	Энтропия(4-)	Неэнтропия(4-)	Успеваемость	Ранги		
								Калорийность	Неэнтропия (4)	Успеваемость
1	-	0,831	0,265	0,735	0,274	0,726	5,00	8	7	1
2	-	0,772	0,460	0,540	0,529	0,471	4,21	9	12	14
3	-	0,905	0,108	0,892	0,113	0,887	5,00	4	1	1
4	-	0,368	0,195	0,805	0,208	0,792	4,30	-	-	-
5	-	1,012	0,184	0,816	0,192	0,808	5,00	1	2	1
6	-	0,900	0,320	0,680	0,340	0,660	5,00	5	9	1
7	-	0,719	0,175	0,825	0,261	0,739	4,70	11	6	9
8	-	0,540	0,229	0,771	0,246	0,754	5,00	14	5	1
9	-	0,441	0,599	0,401	0,520	0,480	5,00	-	-	-
10	-	0,858	0,230	0,770	0,234	0,766	5,00	7	4	1
11	-	0,683	0,405	0,595	0,458	0,542	4,70	13	11	9
12	-	1,100	0,290	0,710	0,502	0,498	4,30	-	-	-
13	-	0,982	0,186	0,814	0,204	0,796	5,00	2	3	1
14	134,9	0,690	0,404	0,596	0,411	0,589	4,67	12	10	11
15	-	0,738	0,106	0,894	0,084	0,916	4,00	-	-	-
16	135,7	0,743	0,470	0,530	0,536	0,464	4,67	10	13	12
17	-	0,943	0,381	0,619	0,629	0,371	4,30	3	14	13
18	170,3	0,888	0,292	0,708	0,307	0,693	5,00	6	8	1

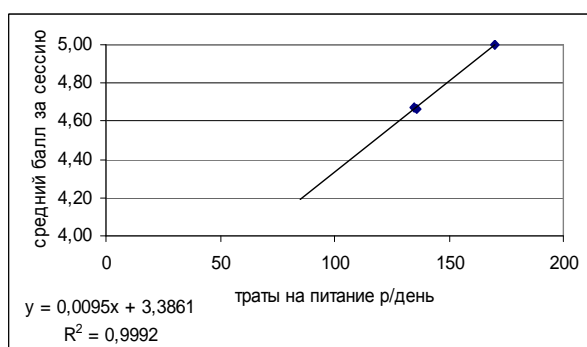

Рис. 1. Тенденция связи успеваемости и трат на питание (по табл. 2)

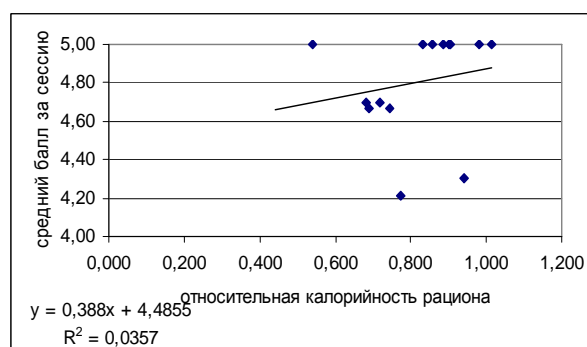

Рис. 2. Связь успеваемости и калорийности рациона (по табл. 2)

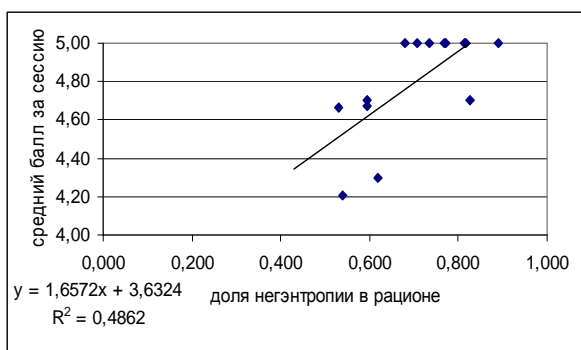

Рис. 3. Связь доли негэнтропии в рационе и успеваемости (по табл. 2)

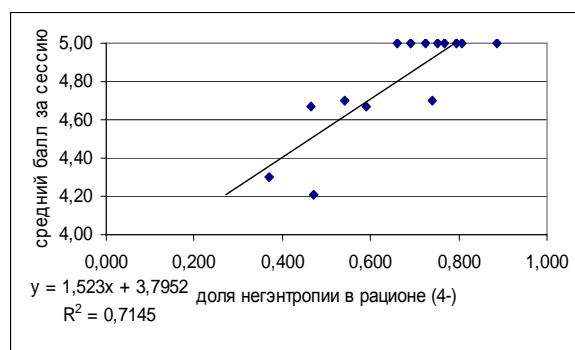

Рис. 4. Связь доли негэнтропии (4-) в рационе и успеваемости (по табл. 2)

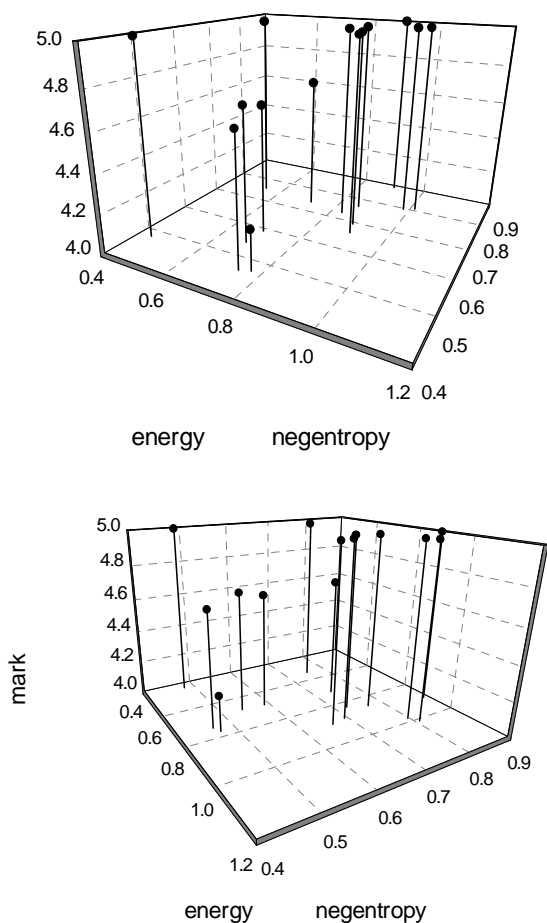

Рис. 5. Влияние параметров питания на успеваемость (по табл. 2): mark — успеваемость, energy — относительная калорийность, negentropy — доля негэнтропии в рационе (негэнтропия(4-))

С другой стороны, наглядно видна связь доли потребляемой негэнтропии в рационе и успеваемости (см. рис. 3, 4). Значения R^2 для обоих случаев высоки и не позволяют «отбросить» статистическую гипотезу о наличии такой связи. Причём, в случае исключения 4-го

пункта питания, связь выражена более сильно (см. рис. 4).

В целом же заметно влияние на успеваемость как всей доли негэнтропии в рационе, так и калорийности питания; наличие этих связей отражено на 3-мерной диаграмме (см. рис. 5). Отдельные единичные исключения лишь оттеняют общее правило зависимости: наиболее высокая успеваемость - у сытых, потребляющих большее количество растительной пищи.

Визуализация позволила наглядно представить зависимость, обусловленную теоремой Алесковского. Естественно, что эта общая зависимость наблюдается на фоне посторонних факторов, но даже среди вносимого ими шума в однородной выборке видна как наглядно, так и по соответствующим коэффициентам корреляции.

6. Заключение

Как показывают опытные данные, основное влияние на успеваемость связано с долей потребления негэнтропии в рационе. Это позволяет естественнонаучным путём объяснить материальную причину слабой успеваемости (с учётом влияния низкой калорийности дневного рациона). Таким образом, объяснение причин неуспеваемости и конструктивные влияния для повышения успеваемости, обоснованные с фундаментальной стороны теоремой Алесковского, представляются достаточно ясными.

Вместе с тем, отмечается, что у некоторых испытуемых с преобладанием потребления энтропии в рационе (с долей негэнтропии меньшей 0,5) возникали проблемы со словесным выражением усвоенного знания, проблемы с

воспроизведением (копированием во вне) накопленной информации. Это теоретически описуемо посредством теоремы Алесковского и для детального подтверждения требует проверки на более масштабных выборках данных.

Список литературы

1. *Алесковский В.Б.* Путь разработки технологии, не вредящей природе // Журнал прикладной химии. 2002. Т. 75, вып. 5. С. 706-713.
2. Большая советская энциклопедия. М.: СЭ, 1975.
3. *Корн Г., Корн Т.* Справочник по математике (для научных работников и инженеров) / пер. с англ. М.: Наука, 1977. 832 с.
4. *Менчинская Н.А.* Психологические проблемы неуспеваемости школьников. М.: Педагогика, 1971. 272 с.
5. *Хьюбер П.*, Робастность в статистике / пер. с англ. М.: Мир, 1984. 304 с.
6. *Чечулин В.Л.* О статистически наблюдаемой связи рождаемости и состава питания: материалы региональной научно-практической конференции. Пермь, 2007. 3 с. <http://human.perm.ru/detstvo/>
7. *Чечулин В.Л.* К анализу материальных обстоятельств исторического формирования религиозной части общественного сознания православной конфессии в России // Мир человека и его измерения: материалы региональной научно-практической конференции. Березники, 2007. С. 178-181.
8. *Чечулин В.Л.* Дифференциация доходов и демографический кризис // Университетские исследования, Пермь, 2009 (раздел: социология). http://www.uresearch.psu.ru/files/articles/16_62117.doc
9. *Чечулин В.Л.* О питании как физиологическом условии когнитивных процессов // Университетские исследования. Пермь, 2010 (раздел: психология) http://www.uresearch.psu.ru/files/articles/69_20270.doc
10. *Чечулин В.Л.* О переводе слова «овощи» с древнерусского на русский язык // Университетские исследования. Пермь, 2010 (раздел: филология) http://www.uresearch.psu.ru/files/articles/190_54506.doc

NEGENTROPY CONSUMPTION AND SCHOOL PERFORMANCE

V. Chechulin

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990

Based on the Aleskovskii theorem about the connection measures of information and entropy, indicating that the copying of the information needed negentropy (negative entropy), was have experimentally investigated on a sample of the data communication of the relative share of consumption of negative entropy (from plant foods) and the quality of cognitive processes, that required copying of the information, that was measurable by average student achievement in the session; established in the application of sustainable methods of estimation (truncation evolved observations) the presence of a correlation between high consumption of negative entropy and high-achievers, the percentage of consumption negentropy more significant for high-performance, rather than caloric intake. Such a connection allows us to recommend corrective action.

Keywords: Aleskovskii theorem; information; entropy; negentropy; school performance; negative entropy.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 364 (075.8)

**РЕСУРСНО-ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД В УСЛОВИЯХ
МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ
ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ****З.П. Замаева**

В статье рассматриваются концептуальные основы ресурсно-потенциального подхода в рамках современной российской модели социальной защиты населения. Отмечаются основные особенности данного подхода, формы и условия его реализации.

Ключевые слова: социальная защита населения; ресурсный потенциал; объект социальной защиты; социальная деятельность; ресурсные технологии.

В связи со сложившейся в современном российском обществе реальной ситуацией возникает острая необходимость в целенаправленном поиске новых подходов к формированию системы социальной защиты населения, которая могла бы направить деятельность всех учреждений и служб на ликвидацию возникающих социальных проблем. Необходимо отметить, что многие науки в настоящее время активно развивают проблематику социальной защиты населения. Однако следует признать, что до сих пор в нашей стране не сложилась целостная, теоретически обоснованная и ресурсобеспеченная *система социальной защиты* населения, органично сочетающая в себе принцип социальной справедливости с рыночной конкуренцией и борьбой за выживание каждого социального субъекта. Не проявилась еще в полной мере и роль государства как надёжного гаранта социальной защиты населения.

Вместе с тем устойчивое цивилизационное развитие общества, его способность надёжно гарантировать высокую социальную защищённость населения страны являются фундаментальным критерием оценки научных доктрин и общественной практики. Данные об-

стоятельства обостряют и актуализируют необходимость оптимизации системы социальной защиты, конкретизации цели, норм, принципов, регулирующих отношения между отдельными людьми и членами общества, включенными в орбиту действий формирующейся системы на основе теоретических и эмпирических исследований в рамках социологического подхода.

Таким образом, актуальность представленного в статье материала обусловлена: сложностью и противоречивостью процесса становления системы социальной защиты в условиях трансформирующегося общества, которые усугубляются существенными преобразованиями в социальном обустройстве людей, не отвечающими современным потребностям общественного развития и интересам конкретной личности, группы; недостаточностью специальных технологий, средств и механизмов, способствующих оптимизации системы социальной защиты, прогнозирующих участие в нем человеческих ресурсных потенциалов, повышающих степень индивидуальной ответственности за свое социально-экономическое обеспечение и самозащиту.

Замаева Зинаида Петровна — доктор социологических наук, зав. кафедрой социальной работы, Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: zinaidazamaraeva@mail.ru

В процессе работы над статьей использовались многие научные направления, включая исследования социальной деятельности М. Вебера, У. Бакли, Э. Гидденса, социального взаимодействия Дж. Хоманса, Т. Парсонса, Дж. Мида, социальных отношений И. Гоффмана, Ч. Кули, Ф. Тенниса, социологии социальных изменений П. Штомпки.

Вместе с тем при конкретизации материала статьи обозначились иные ключевые методологические положения, в основе которых находились идеи ресурсного подхода в социологии (П. Бурдьё, М. Кастельс, У. Бек, Д. Граски, Э. Соренсон и др.). При этом в явной или неявной форме отправной точкой практически всех этих концепций выступали ресурсы (активы, капиталы).

И все же данные теоретические концепции показывают некоторую ограниченность при исследовании современной социальной проблематики.

Актуальность проблемы, обусловленная неэффективной деятельностью современной системы социальной защиты населения, а также ее недостаточная научная проработанность в социологии предопределили выбор темы и цель оформления статьи.

В рамках данного материала описывается содержание авторской концепции ресурсно-потенциального подхода, через призму которого система социальной защиты населения рассматривается как относительно устойчивая форма совместной организации социальной жизни и деятельности людей, социальных организаций и государственных учреждений, лиц, наделенных необходимыми полномочиями и ресурсами для осуществления равным образом функций как социального вспомоществования, так и социального страхования, удовлетворения индивидуальной и общественной потребности в повышении жизненного уровня объектов социальной защиты на условиях активизации их ресурсного потенциала.

Сущность ресурсно-потенциального подхода выражена через совокупность применения специалистами организаций, служб социальной защиты технологий деятельности, ко-

торые определяют уровень и характер ресурсных потенциалов личности с целью их активизации и преобразования в ресурсы самообеспечения, саморазвития, самоактуализации с использованием институционального и общественного потенциалов.

Целью ресурсно-потенциального подхода является формирование ценностно-нормативного, организационно-структурного, функционального и других механизмов деятельности, направленных на повышение или изменение уровня ресурсного потенциала у объекта социальной защиты (индивида, социальной группы), следовательно, изменение его социального статуса, а также роли в обществе путем освоения новых ценностей, норм, требований, моделей поведения как основы социализации (интернализации).

Данный подход основан на принципах, учитывающих личностный аспект при создании условий организации социальной защиты индивида, обеспечивающих баланс интересов и потребностей, ценностных ориентаций; единство сознания и деятельности, способствующее правильному оцениванию сущности того или иного вида деятельности, в которую вовлечен объект социальной защиты, влияние уровня сознания на развитие данной деятельности, своеобразие ее формы и результата и т.д.

Мы полагаем, что государственная сфера социальной защиты в основе своей имеет дело с людьми *ресурсозависимыми*. Чтобы изменить данную тенденцию и активизировать собственные ресурсы населения в процессе самообеспечения, необходимо не только провести реструктуризацию клиентов социальной защиты по критерию, оценивающему уровень (низкий, средний, низкий) ресурсных потенциалов личности, но и предложить метод, позволяющий одновременно подобрать адекватные виды социальной защиты и технологии социальной деятельности.

Итак, граждане с низким уровнем ресурсных потенциалов (возрастной ресурсный потенциал, ресурсный потенциал здоровья, ресурсный потенциал способности к самообслу-

живанию и самообеспечению, трудовой и профессиональные ресурсы потенциалы, ресурсный потенциал мотивации на самообеспечение, материальный потенциал и др.) получают государственную социальную помощь в виде *ресурсообеспечивающих форм* — денежных и неденежных.

Это, главным образом, такие формы, как социальные пособия, компенсации, услуги посреднического характера, обучение навыкам самообслуживания, самообеспечения.

Структура оценки ресурсного потенциала как неактивизированного резерва индивида может складываться из разницы между задействованными и незадействованными личностью ресурсными потенциалами. В основу оценки определения ресурсного потенциала индивида могут быть включены следующие показатели:

- уровень трудоспособности (трудоспособность существенно не ограничена);
- уровень образования (образование высшее, незаконченное высшее, среднее специальное и др.);
- уровень материального обеспечения (низкий, средний, высокий);
- степень стремления приобретать новые знания и навыки;
- уровень мотивации на самообеспечение;
- степень мотивации на занятость;
- степень мотивации на оказание помощи другим людям;
- возможность в трудных жизненных ситуациях получить помощь от друзей, родственников, детей, соседей;
- возможность в трудных жизненных ситуациях получить помощь от социальных служб и других организаций социального профиля;
- уровень доступности в трудной жизненной ситуации помощи от общественных организаций и др.

Установление ресурсно-потенциального состояния как неактуализированного резерва индивида можно определить с помощью сле-

дующей формулы (за основу взята методика оценки, разработанная В.Г. Доброхлеб)[1]:

$$Pr = 1/6 (Ph + Peg + Pm + Pmtr + Pc + Pin),$$

где Pr — ресурсный потенциал, Ph — ресурсный потенциал здоровья, Peg — возрастной потенциал, Pm — мотивационный потенциал, Pmtr — материальный потенциал, Pc — общественный потенциал, Pin — институциональный потенциал.

Рассмотрение личностного ресурсного потенциала возможно с учетом состояния институционального и общественного ресурсных потенциалов, как условий обеспечивающих реализацию потенциала индивида (группы).

Исследование *институционального ресурсного потенциала* представляется значимым в случае, когда функционирование социальных институтов вступает в противоречие с социальной реальностью и становится препятствием для адекватного выполнения им функциональных обязанностей, направленных на удовлетворение потребностей населения.

Ресурсный потенциал института активизируется в ситуации, когда социальные поля выходят из равновесия и нормы, составляющие институт, приходят в несоответствие с нормами других институтов, находящимися в том же поле. Отсюда ресурсный потенциал института социальной защиты может обладать следующими характеристиками: напряженность (т.е. степень легитимизации института в обществе); направленность (возрастание влияния данного института в обществе или снижение этого влияния); силовое воздействие (степень важности ценностей, социальных норм и социальных ролей, составляющих данный институт для населения, которые включены в степень его влияния); устойчивость и стабильность (учет факторов и ресурсов, благодаря которым институт может стабильно функционировать и развиваться).

При исследовании сущности ресурсно-потенциального подхода в институциональном аспекте выделены несколько уровней его анализа. В зависимости от степени локализации ресурсных потенциалов обозначены мегауро-

вень, макроуровень, мезоуровень, микроуровень.

На мегауровне отражаются параметры исторического времени, которые включает в себя уровни духовной сферы, культуры и ментальности нации. На макроуровне — исследуется направленность государственной социальной политики в области социальной защиты, учитывающая создание условий для самообеспечения населения. На мезоуровне проводится анализ причин, закономерностей, последствий осуществления ресурсно-потенциального подхода в рамках системы социальной защиты на уровне субъектов Российской Федерации. На микроуровне осуществляется реализация ресурсно-потенциального подхода через конкретные практики по месту жительства.

Общественный ресурсный потенциал в рамках ресурсно-потенциального подхода представлен, с одной стороны, как следствие изменений социальной среды, снижение реальной возможности оказания помощи со стороны государственных структур, стремление индивидов к объединению с другими себе равными. С другой стороны, как метод повышения возможностей индивида (группы) в самообеспечении населения через деятельность групп само- и взаимопомощи, актуализацию «сетевых ресурсов», которые образуют общественную модель социальной защиты по месту жительства, возможности общественного (некоммерческого) сектора [2].

В качестве примера может служить модель ресурсного центра независимого проживания «Оттава-Карлетон» (Канада), где основной миссией центра стало оказание помощи людям с различной формой инвалидности и предоставление средств, необходимых для налаживания их полноценного участия в жизни общества, а главной целью — создание условий для повышения ресурсного потенциала индивида [6].

Данная организация была создана и управлялась людьми с инвалидностью и для людей с инвалидностью. Повышение ресурсного потенциала рассматривалось как возможность развития навыков, которые помогут им сде-

лать лучший выбор и принять обоснованные решения.

Ведущими принципами стали:

- *контроль потребителей* — центром руководит совет директоров; работники центра и волонтеры — также люди с инвалидностью;
- *участие членов организации* — центр поощряет участие своих членов в развитии положений, программ, при планировании и предоставлении услуг в процессе работы;
- *многопрофильная инвалидность* — центр работает с людьми с любой формой инвалидности;
- *самоопределение инвалидности* — центр оставляет право за людьми выбрать формулировку своей инвалидности;
- *гибкость* — персонал и добровольцы обеспечивают поддержку инвалидам при любых специфических обстоятельствах.

Основные направления деятельности центра — получение информации, формы самоподдержки, исследовательские функции и др.

Людям с инвалидностью предлагается *информация*, в которой они нуждаются: обучающие семинары, доступ к Интернету, ресурсные библиотеки, информационные бюллетени, а также консультации по телефону.

Самоподдержка помогает людям с инвалидностью установить контакты с людьми, находящимися в такой же ситуации, как они, для уменьшения изоляции, обучения навыкам, получения информации и поддержки.

Исследования и развитие обслуживания способствуют центру определять потребности людей с инвалидностью. Примерами недавних инициатив могут быть: местное выполнение национальной программы трудоустройства, созданной для людей, сталкивающихся со многими барьерами; местное администрирование прямо финансируемой программы самоуправления по предоставлению обслуживания на дому; местное партнерство, направленное на развитие стратегий предотвращения преступности.

Развитие навыков повышения потенциала помогает людям с инвалидностью развить

личные способности для определения барьеров, изучить методы развития навыков и принятия решений, что приводит к большей самостоятельности в жизни. Часто встречающиеся барьеры включают в себя отказ в предоставлении необходимого обслуживания, дискриминацию при распределении жилья, недостаток внимания и жесткость со стороны обслуживающего персонала, проблемы поддержания уровня дохода и проблемы транспортировки. Стратегии по осуществлению этой программы различны и основываются на индивидуальных запросах. Они включают в себя поддержку во время кризиса и установление контактов с другими людьми, индивидуальное решение проблем и проведение семинаров по развитию навыков.

Таким образом, ресурсно-потенциальный подход конкретизирует деятельность институционального и общественного секторов, направляя ее на обеспечение индивидуальной стратегии объекта социальной защиты. При этом важными процедурами выступают: социологическое наблюдение, диагностика, прогнозирование, профессиональное сопровождение индивидуальной стратегии самообеспечения; легитимизация новых форм деятельности; социальный контроль и т.д.

Система эмпирических показателей, оценивающих результат активизации личностного ресурсного потенциала с помощью институционального и общественного ресурсных потенциалов, включает группы показателей, отражающих следующие блоки социологостатистических исследований: социальные потребности и ожидания объектов социальной защиты в сфере социальной защищенности и самообеспечения; социальная адаптированность и снижение уровня зависимости от государственного патронажа в области социальной защиты; качество предоставления социальных услуг населению, их социально-экономическая эффективность; оценка социальной идентификации объекта социальной защиты (мера отождествления индивида с группой, коллективом по существенным признакам и критериям); его интернализация (степень освоения индивидом

выработанных обществом, группой норм, ценностей, установок, стереотипов).

С целью оптимального использования возможностей ресурсно-потенциального подхода в системе социальной защиты в качестве механизмов реализации использованы конкретные ресурсные технологии.

Технологии ресурсно-потенциального подхода представляют совокупность средств и приемов, направленных на активизацию собственных возможностей объектов социальной защиты, имеющих разный уровень ресурсных потенциалов, с целью преобразования их в активные ресурсы, способствуя тем самым интеграции институционального и социализационного аспектов системы социальной защиты.

Новый подход использует *ресурсосберегающие, ресурсоактивизирующие и ресурсоразвивающие* технологии.

Использование ресурсосберегающих и ресурсоактивизирующих технологий в работе с людьми, имеющими низкий уровень ресурсных потенциалов, предполагает активизацию способностей людей и связанных с этим ограничений жизнедеятельности. При этом имеется в виду, что подобное возможно в случае, если потенциал представляет собой существенную величину.

Проявляя заботу о людях с низким уровнем ресурсных потенциалов, важно идти не по линии усиления роли патернализма государства, а по линии обеспечения независимости личности, ее автономности от государства. Следует предоставить лицам пожилого возраста и инвалидам возможность полноценного участия во всех сферах жизни на их собственных условиях [4].

Применение *ресурсоактивизирующих и ресурсоразвивающих технологий* среди индивидов, имеющих средний уровень ресурсных потенциалов, можно рассмотреть на примере программы «Самообеспечение семей, проживающих в сельской местности», реализуемой в настоящее время в Пермском крае.

Данная технология основана на принципе индивидуальной и коллективной ответственности за повышение уровня социально-

экономического обеспечения индивида и самообеспечения семьи на условиях заключения социального контракта с органом социальной защиты и разработки семейного плана, направленного на реализацию условий, оговоренных договором.

С одной стороны, данный подход создает возможность повышения уровня ответственности государственных структур социальной защиты за создание необходимых условий экономического, организационно-технологического, социального характера, среди которых: финансовая помощь, консультация специалистов, обучение членов семьи, лечение, оздоровление и реабилитация детей, контроль за использованием средств, выделенных на реализацию семейного плана, регулярное отслеживание результатов выполнения индивидуальных программ. С другой стороны, наблюдается повышение степени индивидуальной ответственности за реальное изменение материального и социального статуса индивида и его семьи.

К числу *ресурсоактивизирующих и ресурсоразвивающих* технологий следует отнести программу *«От пособия к зарплате»*, первоначально разработанную и реализуемую администрацией г. Перми при консультативно-методическом сопровождении Фонда «Институт экономики города» (г. Москва) и Urban Institute (США) в рамках проекта «Совершенствование системы социального обслуживания в Российской Федерации» (1999-2001 гг.), который осуществлялся при поддержке Агентства США по международному развитию [3].

Данная программа от многих других технологий социальной защиты отличается тем, что она не только помогает семьям удовлетворить свои насущные нужды, содействуя им материально, но и предоставляет помощь путем трудоустройства безработных трудоспособных членов семьи. Первоначально программа была реализована в 2001 году в качестве пилотного проекта в трех районах г. Перми. В настоящее время технология *«От пособия к зарплате»* успешно осуществляется во всех

районах краевого центра и большинстве территориях Пермского края.

В основе ее деятельности реализуется цель — повышение уровня благосостояния малообеспеченных безработных семей путем оказания им содействия в трудоустройстве. Для осуществления цели в рамках ресурсной технологии исполнителями проекта были заложены следующие инновационные подходы:

- договорные отношения между семьей и органами социальной защиты населения;
- дифференциация и индивидуализация комплексной помощи семьям посредством определения величины пособия в зависимости от совокупного дохода семьи;
- отслеживание процесса реабилитации семей в период нахождения в программе и оценка изменений, происходящих в семье после выхода из программы;
- обеспечение стабильности перехода семей на самообеспечение — помощь семьям после трудоустройства безработного члена семьи продолжает оказываться еще три месяца;
- стимулирование занятости путем материального поощрения и наложения материальной ответственности (штрафные санкции) за нарушение договора [7].

Определенные ресурсной технологией действия формируют единую точку зрения на адресную социальную помощь населению, позволяют безошибочно определить бедного «адресата», предоставить ему индивидуально подобранный пакет социальной помощи, принять совместные решения, направленные на реализацию создавшейся трудной жизненной ситуации. Ресурсная технология *«От пособия к зарплате»* состоит из трех этапов, каждая из которых имеет строго функциональное назначение:

1-й этап — диагностический, изучается содержание трудной жизненной ситуации (проверка нуждаемости, определение объема помощи, оформление документов);

2-й этап — организационный (оказание непосредственной помощи — проведение расчета семейного пособия, заключение договора,

разработка семейного плана и согласование его со всеми заинтересованными ведомствами);

3-й этап — контрольный (отслеживание результата выполнения семейного плана в режиме мониторинга).

В течение 2002-2003 гг. специалистами Фонда «Институт экономики города» и Urban Institute (США) была проведена оценка результатов реализации программы. На момент ее проведения доля трудоустроившихся граждан во время своего участия в программе достигла 74 %. В ходе оценки было выявлено, что участие в программе, в частности трудоустройство, сыграло важную роль в повышении доходов обследуемых семей.

Спецификой *ресурсоразвивающих технологий* индивидов, имеющих высокий уровень ресурсных потенциалов, являются методы, способствующие повышению степени активности личности: социальной, трудовой, политической; уровня компетентности во всех сферах, овладению широким спектром знаний, умений и навыков, преобразованию их в активный ресурс.

К таким технологиям можно отнести и государственные программы в области развития человеческих ресурсов, которые ориентированы на обеспечение условий здорового образа жизни, повышение общеобразовательного и профессионально-квалификационного уровня личности, усиление ее трудовой мотивации, оптимизацию ресурсов человека для решения своей проблемы, осуществленные посредством таких систем, как:

- профессиональное образование (начальное, среднее, высшее и дополнительное);
- внутрипроизводственное обучение;
- профессиональное обучение безработных граждан и незанятого населения;
- профессиональная ориентация как система мер, обеспечивающих для человека возможность выбора сферы деятельности с учетом его интересов, потенциала общества, сопровождения профессиональной карьеры [5].

Программы развития человеческих ресурсов ориентированы и на субсидирование открытия своего дела, форм самозанятости населения в домашних условиях, поддержку развития домашних хозяйств. Использование вышеперечисленных технологий, способствующих активизации ресурсных потенциалов личности с целью самообеспечения, представляется особенно актуальным в условиях современной России. Данный вывод подтверждают аналитические материалы экспертного опроса, проведенного в Пермском крае среди руководителей управлений социальной защиты в июле 2006 г.:

- получение малообеспеченными гражданами и семьями, имеющими потенциал самообеспечения, ссуд и кредитов на возвратной основе для открытия своего дела — 37,9%;
- проведение конкурса среди многодетных семей на лучшее подворье (домохозяйство) — 44,8%;
- профессиональное обучение и переобучение населения, имеющего потенциал самодостаточности, — 24,1%;
- организация вторичной занятости населения в рамках технологии «От пособия к зарплате» — 31,0%.

Большая часть из числа опрошенных специалистов сферы социальной защиты населения Пермского края (70%) ответили, что новые ресурсные технологии, направленные на активизацию собственных возможностей населения, имеющих для этого ресурсы и потенциал для самообеспечения, эффективны.

Основное отличие от традиционных технологий социальной защиты специалисты видят в том, что они способствуют мотивации на самообеспечение (56,8%), в большей степени ориентированы на результат, а не на процесс (43,2 %), развивают личностные ресурсы и потенциал (37,8), способствуют «прозрачности» вложения бюджетных средств (13,5).

Таким образом, опираясь на отечественный и зарубежный опыт в исследовании проблемы повышения уровня самозащиты и самообеспечения населения на условиях ресурсно-

потенциального подхода как одного из существенных средств, способствующих повышению эффективности современной системы социальной защиты в российском обществе, имеет смысл отметить, что данный подход содействуют также разработке новых как теоретических, так и практических моделей управления, которые могут служить методологической основой для исследования разных направлений деятельности существующих социальных систем.

Список литературы

1. *Доброхлеб В.Г.* Ресурсный потенциал старшего поколения в современной России. М., 2004. С. 191 .
2. *Замараева З.П.* Ресурсно-потенциальный подход в системе социальной защиты населения. Пермь, 2009.
3. От пособия к зарплате: разработка и реализация программы. М., 2004. С. 9.
4. *Медведева Г.П.* Социальная геронтология. М., 2000. С. 35.
5. *Кязимов К.Г.* Развитие человеческих ресурсов — важнейшая стратегическая задача органов труда и занятости // Социальные проблемы развития человеческих ресурсов. Саратов, 1997. С. 49.
6. *Хейнсон Рой.* Учебный курс «Социальная работа и люди с инвалидностью: модель практики»: материалы курсов в рамках Канадско-российской программы по инвалидности. М., 2006. С. 9.
7. *Шабанова Л.Н.* Результативность проекта «От пособия к зарплате»: материалы межрегиональной научно-практической конференции 11-12 мая 2004 г. «Новые социальные технологии». Пермь, 2004. С. 254.

RESOURCE-POTENTIAL APPROACH UNDER CONDITIONS OF MODERNIZATION OF THE SYSTEM OF SOCIAL PROTECTION OF A POPULATION

Z. Zamarayeva

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990

Conceptual bases of the resource-potential approach within the limits of modern Russian model of social protection of the population are considered. The author describes several characteristics of the approach, basic forms, and conditions of its realization.

Keywords: social protection of the population; resource potential; object of social protection; social activity; resource technologies.

УДК 316.356.2

СОВРЕМЕННЫЙ БРАК — РЕЗУЛЬТАТ ЭВОЛЮЦИИ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Л.А. Хачатрян

С самых давних времен брак был предметом внимания исследователей самых различных направлений. Социологи обратили внимание на социальную сущность брака, изучали закономерности его создания, функционирования и распада. В настоящее время брак приобретает новые черты и свойства, что заставило исследователей сделать вывод об отмирании института брака и формировании новой модели брачности в России.

Ключевые слова: современный брак; факторы стабильности брака; мотивы; фактический брак; новые формы брака; новая модель брачности.

Одним из первых социальных институтов, которые создал человек, была семья. Будучи первичной клеточкой социального организма, она в своей основе имела брачный союз мужчины и женщины, предполагала кровное родство между детьми и родителями. Брак длительное время существовал как узаконенный половой союз мужчины и женщины, благодаря которому происходило воспроизводство населения и который отвечал требованиям общества. Брак прошел длительный путь эволюции, развиваясь и изменяясь вместе с обществом. Складывающаяся новая социальная реальность объективно сопровождалась изменениями в браке. Историческая изменчивость брака и семьи впервые стала предметом научного интереса И.Бахофена, который пришел к выводу, что моногамному браку предшествовали полигамные отношения между полами. Подобные представления о браке высказал в своей работе «Первобытный брак», опубликованной в 1865 г. Дж. Ф. Мак-Леннан. Для социологов до настоящего времени представляет научный интерес работа финского социолога Э. Вестермарка «История человеческого брака», вышедшая в свет в 1891г. Среди российских исследователей семьи и брака безусловный интерес вызывают работы М. М. Ковалевского, в частности «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» (1897 г.), К.Каутского «Возникновение брака», работы А. Коллонтай и др.

Большую роль в определении сущности понятий «семья» и «брак» сыграли социологи.

Хачатрян Людмила Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: hachatryan@psu.ru

Выявив социальную сущность семьи и брака, они пришли к выводу, что брак следует рассматривать как отношение, а семью — как социальную организацию, поскольку для семьи характерны более сложные и многогранные отношения. А. Г. Харчев отмечал, что исторической «...границей между добрачным состоянием общества, когда половая жизнь людей определялась лишь их природой, и браком как социально регулируемым отношением между полами» [12.С. 36], можно считать сложившийся в обществе запрет на половые отношения между родителями и детьми. Естественно-биологический элемент брака, т.е. половая связь, в социуме проявляется в осознанных действиях homo sapiens, в то время как у животных необходимость в сексуальном партнере является проявлением инстинкта. Сущность этой связи определяется уже социальными причинами, регулируется рациональностью. Основным правилом выбора партнера становится избирательность, а в критериях выбора начинают преобладать ценности, порожденные социальностью.

Длительное время сущность брака трактовалась как экономическая сделка. Но с развитием общества возрастала роль социальной составляющей брака, что доказывается тем, что в обществе возникает вначале нравственное, затем религиозное, а позднее и правовое регулирование половой жизни. Постепенно формировались обязанности супругов, приобретающие общественную значимость, чувство ответст-

венности и долга перед обществом. Еще К.Маркс подчеркивал, что брак «...не может подчиняться произволу вступившего в брак, а наоборот, произвол вступившего в брак должен подчиняться сущности брака» [7.С. 162].

Общество всегда контролировало отношения между полами, используя различные виды контроля. Система контроля складывалась вначале из табу, затем из общественного мнения и социального воздействия на индивида. Постепенно в обществе складывались социальные нормы, которые менялись вместе с обществом, но всегда выполняли функции социального контроля. По сути, они и сегодня представляют собой совокупность требований и ожиданий общества от людей, вступивших в брак, и определяют границы обязательного и допустимого в браке. Санционируя брак, общество берет на себя обязательства по его охране и налагает на людей, вступивших в брак, ответственность за материальное обеспечение и воспитание детей, а следовательно, за будущее семьи.

Переход общества к индустриальному и постиндустриальному этапам развития отразился на браке. В большинстве экономически развитых стран были приняты новые законы в области семейно-брачных отношений. Брачные отношения стали предметом правового регулирования гражданского законодательства. В России брак регламентируется Кодексом о браке и семье.

Интерес к браку и брачным отношениям стимулировал проведение разнообразных исследований, результаты которых нашли отражение в новых теориях, объясняющих социальное содержание брака. Среди российских социологов особым вниманием пользовались теории Р. Ф. Уинча, Р. Сентера, Дж. Хоманса, Б. Мурштейна и других западных социологов, например, теория комплементарных потребностей Р. Ф. Уинча, которая выделяет закономерности выбора брачного партнера. В основе выбора лежит потребность наиболее полно учесть свои предпочтения в брачном партнере. А максимума удовлетворения можно достигнуть в случае, если потребности мужа и жены комплементарны. В инструментальной теории Р. Сентера упор сделан на то, что одни потребности могут быть более значимыми, чем другие, что определяется типом общества, его обычаями и традициями. Он сформулировал принцип

гендерной конгруэнтности, сущность которой видел в том, что потребности, более типичные для мужчин, позитивно коррелируют с потребностями, более типичными для женщин. К браку вполне применима теория социального взаимодействия Дж. Хоманса, который предполагал, что в основе брачного выбора лежит процесс оценивания качеств возможного партнера и определения того, кто из возможных партнеров может обеспечить больший выигрыш при меньших собственных затратах. Характеристики партнера — это и есть благо, подлежащее обмену и имеющее определенную рыночную цену: возраст, внешние данные, статус, социально-психологические личностные характеристики, ценности и убеждения. Б. Мурштейн в своей теории «стимулов-ценностей» выделяет источник брачного поведения — это потребность в браке и потребность в брачном партнере. В результате исследований им был сделан вывод, что доминирование второй потребности над первой означает снижение ценности брака и супружества и усиление ценности партнерства или товарищества — партнерского сожительства.

Теоретические исследования в области семейно-брачных отношений позволили определиться с понятием брака. Следует отметить, что трактовка его в праве и науках, изучающих семью, неоднозначна. Даже у социологов имеются разные определения брака, хотя все подчеркивают его социальную сущность. Так, Э. Богардус определяет брак как «институт, допускающий мужчин и женщин к семейной жизни — жизни, основанной на интимной личной связи мужа и жены ради основной цели: рождения и воспитания детей. Этот институт имеет социальную и религиозную санкции» [12.С. 41]. В английской социологии брак определяется как «узаконенный союз между мужчиной и женщиной» [6. С. 36]. Российские социологи трактуют брак как «союз мужчины и женщины, имеющий либо религиозно-церковную, либо гражданско-правовую оформленность, отвечающий требованиям человеческой природы и служащий продолжению рода, рождению и воспитанию детей» [1. С. 31]. Таким образом, социологи выделяют два аспекта отношений между полами: индивидуальный и социальный и акцентируют внимание на том, что форма отношений между мужчиной и женщиной санк-

ционируется и регулируется обществом, устанавливает их права и обязанности по отношению друг к другу, к детям и к обществу.

Причем в оценке брака долгое время преобладала точка зрения тех, кто рассматривал брак как практически пожизненный союз мужчины и женщины. И установка прожить с супругом или с супругой до гробовой доски многое определяла в отношениях мужа и жены примерно до середины 40-х гг. XX в.

Изменение к середине XX в. социальной реальности повлекло за собой появление *современного* брака, который многим отличался от брака традиционного. Современный брак стал предметом пристального внимания социологов с конца 1940-х гг. XX в., когда во многих странах-участницах Второй мировой войны резко возросло количество разводов. Отечественные социологи стали активно изучать брак и семью с начала 1960-х гг. XX в. В стране была принята программа строительства коммунизма, одной из задач которой было формирование коммунистических отношений в быту, который «немыслим без правильных взаимных отношений в семье» [5. С. 71]. Поскольку в основе семьи лежит брак, то важнейшей темой исследований в СССР стали проблемы формирования, функционирования и распада брака, выявление факторов, обеспечивающих ему стабильность.

В результате были получены интересные выводы, которые до настоящего времени не утратили своей актуальности.

В течение длительного времени, пока господствовали патриархальные отношения, жизненный выбор женщины определяли всего две позиции: замуж или в монастырь. Социальные нормы предписывали жене носить фамилию мужа, так как она была его собственностью, и обязывали мужа содержать жену и детей. Демографы отмечали, что реально женщина в своей добрачной жизни того времени встречала всего 5 — 6 потенциальных брачных партнеров. Процесс брачного отбора всегда исторически конкретен, так как протекает в конкретных экономических, социальных, социокультурных и иных условиях. Пространство выбора возможного брачного партнера определяется культурой, и сегодня оно охватывает почти 150 тыс. чел. Пространство брачного выбора зависит от того, допустимы ли в обществе разводы. Если да, то совокупность, из которой производится

выбор, будет предельно широким, так как включает всех достигших брачного возраста граждан. Если нет, то из совокупности исключаются все состоящие в браке. Исследователи брака выделили несколько групп факторов, обуславливающих брачный выпор.

Самыми известными из них являются культурологические факторы — это правила эндо- и экзогамии, сложившиеся еще в древности, но сохранившие свое влияние и в настоящее время. Социологи выделили социологические факторы: возраст, образование, социальный статус, этничность и т.п., позволившие выявить ряд закономерностей формирования брачного союза.

Фактор *образования* выражается в том, что вероятность вступления в брак выше у партнеров с одинаковым или близким образованием; для мужчины с любым уровнем образования наиболее вероятен брак с женщиной, имеющей такой же уровень образования. И чем дальше по уровню образования невеста от жениха, тем меньше вероятность заключения брака между ними.

Действие фактора *статуса* приводит к тому, что образовательная гомогамия одновременно означает и статусную гомогамия, партнеры, как правило, принадлежат к одной социальной группе. Как показали исследования отечественных демографов, правило гомогамии проявляется и в том, что никогда не состоявшие в браке предпочитают вступать в брак с себе подобными, разведенные — с разведенными, вдовы — с вдовыми.

Выбор брачного партнера испытывает воздействие и фактора *близости (соседства)*, проявляющегося в том, что выбор может быть обусловлен пространственной, территориальной близостью. Исследования 1970-х гг. XX в., проведенные в городах Центральной России, показали, что примерно треть опрошенных брачных пар познакомились друг с другом либо на работе, либо в учебном заведении.

Пожалуй, не меньшую роль при выборе брачного партнера играет фактор *влияния родителей*. Опыт жизни многих поколений показывает, что дети чаще всего поступают так же, как поступали их родители, для них родительский опыт — пример для подражания. Как считают психологи, образ «идеального» партнера программируется у ребенка с самого рождения.

В итоге многих исследований были отмечены следующие тенденции, проявляющиеся в процессе брачного выбора:

- старший сын вступает в брак в среднем в более молодом возрасте, чем другие сыновья;
- мужчина с более старшим отцом в среднем женится позже;
- дети из этнически смешанных браков предпочитают выбирать партнера из этнической группы родителя противоположного пола;
- люди склонны к союзу с теми, кто в физическом отношении более похож на родителя противоположного пола, чем своего собственного.

Такой характер выбора можно объяснить тем, что человек выбирает что-то хорошо знакомое как в плане личностных характеристик, так и в плане разделяемых ценностей.

Важнейшая проблема, на решение которой были направлены исследования советских социологов, это проблема стабильности брака. Общество заинтересовано в прочном браке. Свидетельством его устойчивости и прочности является сохраняемость брака во времени, в процессе совместной супружеской жизни. Стабильный брак определяет устойчивость и стабильность семьи. Устойчивость брака как системы зависит от двух элементов этой системы: брака жены и брака мужа, от того, насколько они конгруэнтны. Как показали исследования С. И. Голода, З. И. Файнбурга и др., у каждого из вступающих в брак имеются собственные представления о своем браке, об отношениях между супругами, у них сложились определенные ожидания от брака. Брак оценивается как счастливый, если ожидания от брака подтвердились. Но будет ли брак стабильным и счастливым, зависит не столько от совпадения представлений, сколько от ряда объективных факторов, среди которых особого внимания социологов и психологов были удостоены такие, как предбрачный период, нацеленность на брак, качество брака в родительской семье и мотивы брачного союза.

Изучая отношения будущих молодых супругов, исследователи выделили несколько негативных моментов *предбрачного периода*. Оказалось, что некоторая парадность отношений формирует у молодых ложные представления о партнере и его реальных качествах. Па-

радность отношений определяется тем, что желание быть выбранным из множества претендентов брачного рынка диктует определенное поведение: цветы, подарки, ухоженный внешний вид. В результате оцениваются наиболее привлекательные в этот момент черты, а не те, что понадобятся в будущей семейной жизни. После вступления в брак, когда бороться уже не надо, число букетов, подарков и т.п. сокращается, начинает действовать синдром «старого халата», возникает чувство разочарования, подрывающее брак. Стабильность брака зависит и от продолжительности предбрачного периода. Короткий предбрачный период не дает возможности увидеть недостатки партнера и решить для себя, устраивает это вторую половину или нет. На Руси с давних пор известно, что бабушка обычно советовала внучке перед свадьбой присмотреться, как ест ее суженый. И если это внучку не раздражает, то она может выходить за избранника замуж. Наблюдения современных исследователей показали, что наиболее прочные союзы складываются после полутора — двух лет предбрачного «ухаживания».

Будущее брака зависит от того, насколько молодые люди *нацелены* на брак. Опросы студентов Москвы и Санкт-Петербурга, проведенные в последней четверти XX в., показали, что встретить любимого — любимую мечтают более 70%, а создать семью — всего около 40%. Слабую нацеленность на брак подтверждает и статистика: каждая десятая пара, подавшая заявление на вступление в брак, не является на регистрацию в назначенный срок. Подрывает устойчивость брака мысль о возможном разводе в заключаемом браке. Опросы конца XX в. показали, что 60% российских невест и 40% российских женихов при вступлении в брак предполагают возможность развода. Немецкие исследователи, характеризуя проявление данного признака в Германии, называют цифру 10%. А это означает, что из жизни уходит феномен пожизненного брака и супруги не будут «держаться» за брак, при возникновении малейших проблем пойдут на разрыв. На бытовом уровне термин «выйти замуж», что у поколения бабушек означало брак до гробовой доски, заменяется термином «схожу замуж».

Изучив статистику, демографы и социологи пришли к выводу, что на стабильность брака

молодоженов влияет *качество брака* в родительской семье. Так, если в семье родителей хотя бы у одного из молодоженов был развод, то вероятность развода в молодом браке возрастает в три раза по сравнению с теми молодоженами, у чьих родителей развода не было. Еще З.Фрейд отмечал, что при выборе брачного партнера дети ориентируются на родителя противоположного пола. Последние исследования американских социологов показывают, что девушка, выросшая в семье, где отец алкоголик, стремится выйти замуж за непьющего мужчину. Она долго ищет партнера, но выходит замуж за мужчину того типа, который в возрасте ее отца также будет пьяницей.

Стабильность брака определяется также мотивом, лежащим в основе его создания. Самые стабильные браки — это браки, основанные на взаимной *любви*. В нем супруги не представляют жизни друг без друга. На втором месте по прочности стоят браки по *расчету*, поскольку стабильность в нем поддерживается сознательно. Стабильными могут быть и *межнациональные браки*. Здесь супруги, чувствуя, что сообщество негативно воспринимает такой брак, постоянно доказывают, что они не ошиблись в выборе. В результате брак действительно становится прочным, устойчивым, так как супруги редко ссорятся, уважают друг друга, стараются не портить отношений с родственниками.

Следует отметить, что кроме этих факторов в социологической литературе можно встретить и другие. Так, А.Г. Харчев на основании результатов опроса 1974 г. выделил восемь факторов, от которых зависит супружеское счастье и прочность брака. Это взаимная любовь, хорошие материальные и бытовые условия, общность интересов, взаимное уважение, физическая совместимость, меньшие затраты сил и времени на домашнее хозяйство, невмешательство окружающих в дела семьи, большее вмешательство общественности в личную жизнь людей [12. С. 185].

Поскольку в мире обострилась проблема разводов, все чаще стали появляться одиночки, то предметом профессионального интереса социологов стали мотивы заключения брачного союза. В СССР, где существовало мнение, что браки заключаются только по любви, нарастающие разводы противоречило этому мнению и

привело к тому, что были проведены многочисленные исследования по изучению мотивов заключения брака.

Мотив внутренне побуждает личность к деятельности определенной направленности в целях удовлетворения ее потребности. Вступление в брак также обусловлено действием определенных мотивов, связанных с достижением определенной цели, которую ставят перед собой вступающие в брак. Причем цели жениха и невесты могут и не совпадать: для мужа — это одни цели, для жены — могут быть диаметрально противоположными. Многочисленные исследования западных и отечественных социологов позволили сгруппировать многочисленные мотивы и отследить их влияние на будущее брака.

Социологи, опираясь на понятие «прочность» брака, выделили пять групп мотивов брака: расчет, духовный союз, брак для романтики, для товарищества и брак по любви.

Браки по *расчету* известны давно, примером их являются династические браки. Сегодня эти браки преобладают среди браков, заключаемых представителями высшего слоя. Вступающие в него преследуют определенные выгоды, видят в нем реальный способ решения острой для них проблемы. При этом выгоды могут быть самыми разными: экономическими, династическими, политическими, психологическими и т.п. Так, руководствуясь экономическими мотивами, супруги преследуют цель — объединить свои состояния либо один из супругов — завладеть собственностью другого и т.п. Психологические мотивы, как правило, предполагают удовлетворение потребности заботиться о ком-либо или ощущать заботу о себе, избавить себя от одиночества. Если ожидания супругов от брака оправдываются, то он становится стабильным и долгосрочным; пока взаимоотношения супругов выгодны обоим партнерам, брак не распадется.

Высшим типом брака исследователи называют *духовный союз*. Человек при заключении брака руководствуется желанием сделать свою жизнь и жизнь партнера счастливой. Между супругами возникает бессловесная взаимосвязь, они понимают друг друга с полуслова, по взгляду и т.п. Они тяжело переносят разлуку, мужественно встречают несчастья, не бросают

друг друга в беде. Супружеский союз сохраняется до конца жизни.

Романтический союз основан на влюбленности, страсти. Иногда супружеская пара сохраняет эти чувства до глубокой старости. Но чаще всего отношения в браке развиваются по другой линии. Если страсть порождена физической привлекательностью, то стареющая жена перестает быть объектом страсти. Чувство может быть и результатом преувеличения способностей, знаний, интеллекта объекта страсти. Но практика показывает, что если супругов кроме страсти ничего не связывает, то такой брак может легко разрушиться.

Брак — товарищество основан на общности интересов, взаимном влечении, уважении. В нем вместо слепого обожания партнеров объединяет дружба, им импонируют человеческие качества другого. Супруги всегда поддерживают друг друга в беде, дополняют друг друга.

Результаты многочисленных исследований позволяют судить о том, что брак, созданный по любви, — это самый прочный брак. Настоящая любовь — это чувство зрелого человека. Лейтмотивом поведения любящего человека является тезис: «Я с тобой, потому что хочу, чтобы тебе было со мной хорошо». По данным Monitoring.ru на любви держатся 28% браков (для сравнения: на деньгах — 17%, на привычке — 17%, на дружбе — 7%) [9]. Столкнувшись с ситуацией, что браки, заключенные по любви, распадаются, социологи пришли к выводу, что за любовь часто принимается другое чувство — влюбленность либо страсть. Французский социолог А. Вилли сформулировал различия между любовью и влюбленностью. По его мнению, предметом влюбленности бывает не личность как таковая, а ее индивидуальные свойства: глаза, фигура, волосы и т.п. Но влюбленность полна противоречий и длится недолго. Сущность подлинной любви специалисты видят в сумме двух желаний: любить и быть любимым (любимой). Любовь является неотъемлемым элементом счастливого брака, но одной любви недостаточно для его функционирования. Давно известна истина, что от любви до ненависти — один шаг.

Интерес исследователей вызывают браки, заключенные и по другим мотивам. Среди них молодожены отмечают такие мотивы, как обычай, общественный долг, желание иметь детей,

забота о своем здоровье, желание забыть прежнюю несчастную любовь, назло ему, ей и др. Например, опрос студентов, вступивших в брак, показал, что кроме любви мотивами студенческих браков могут быть желание получить отдельную комнату в общежитии, уйти из-под опеки родителей, общие с партнером интересы, заботы, проблемы и даже желание веселого праздника с красивым платьем, множеством гостей, подарков и т.п.

Почти десять лет назад Monitoring.ru попросил россиян ответить на вопрос: «На чем держатся браки?» Картина получилась такая: 28% держатся на любви, 19% — на детях, по 17% — на деньгах и на привычке, 7% — на дружбе, 3% — на безысходности; остальные 9% — на множестве других оснований, которые сгруппировать сложно[9].

Важной характеристикой брака и показателем его устойчивости является качество брака, критерием оценки которого выступает степень достижения целей брака, поставленных индивидами. По качеству брака социологи выделяют *брак идеальный*, в котором супруги счастливы, стремятся всегда быть вместе, удовлетворены браком. *Брак в целом хороший* — его отличают преданность партнеру и семье, но отсутствует особая эмоциональная привязанность, он часто держится из-за детей; вместе с тем супруги опасаются развода, рассматривая его как удар судьбы. *Брак эмоционально разлаженный*, характеризующийся наличием постоянных ссор, претензий друг к другу, сознательной неверности. У каждого супруга свои интересы, свободное время они проводят раздельно. *Брак на грани развода*, означающий, что равновесие в браке утрачено, и супруги осознали, что развод неизбежен. *Распавшийся брак*, в котором развод официально не оформлен, хотя брака фактически уже нет, супруги в течение длительного времени не проживают вместе.

Психологи обратили внимание на то, что стабильность брака может зависеть от наличия совместимости супругов в браке. Гармонию в браке гарантирует социальная, психологическая, сексуальная и семейно-бытовая совместимость.

Социальная совместимость предполагает общность мировоззрения, важнейших ценностных ориентаций, одинаковое понимание смыс-

ла жизни, общественную активность, одинаковое отношение к труду, обществу, себе, людям. Она зависит от нравственной зрелости, уровня образования, структуры потребностей обоих супругов. Социальная несовместимость ведет к распаду семьи.

Психологическая совместимость включает взаимодействие характеров, темпераментов, лично-волевых особенностей супругов, обеспечивая эмоциональный фон семейной жизни. В то же время в браке возможно и сосуществование противоположностей: волевая супруга может ужиться со слабохарактерным мужем и наоборот; в таком браке муж и жена дополняют друг друга, образуя целое.

Важное место в супружестве занимает сексуальная совместимость, так как она означает наличие в браке гармонии, соответствия в интимном общении. Но если супруги не сумели достичь ее, то браку грозит развод, причиной которого выступает тезис «не сошлись характерами».

Семейно-бытовая совместимость означает совпадение взглядов на предназначение семьи, стиль ее жизни, семейные роли членов семьи.

Исследователями семьи были сформулированы и факторы, дестабилизирующие брак. Дестабилизатором брака может быть любовь, которая может привести к распаду брака. До брака молодые люди в системе ценностей на уровне личности ставят любовь на одно из первых мест, а после вступления в брак она перемещается уже на четвертое место — после уважения, доверия и взаимопонимания, а нежность, вообще, уходит на последнее место. Эта ситуация позволяет сделать вывод о том, что любовь в браке недооценивается.

Не укрепляет брак несовпадение среднего желанного супруга со средним реальным супругом. Исследования, проведенные среди студентов в последней четверти XX в., показали, что средний желанный супруг умнее, трудолюбивее, смелее, веселее, чем реальный юноша из окружения девушек. Идеал мужа был описан в когда-то популярной песне:

Чтоб не пил, не курил и цветы всегда дарил,
Чтоб зарплату отдавал, тещу мамой называл,
Был к футболу равнодушен и в компании не скучен,
И, конечно, чтобы он и красив был, и умен.

А средняя желанная для мужа супруга должна быть не только лучше реальных деву-

шек, но и превосходить по уму, честности, веселью и трудолюбию даже юношей.

Супружеская неверность является фактором, подрывающим устойчивость брака. Сегодня в обществе меняется отношение к супружеской неверности. С одной стороны, общественное мнение осуждает адюльтер. Так, в 23 штатах США существуют законы, запрещающие супружескую неверность, в Австрии и Австралии за данное преступление дают год тюремного заключения. С другой — нормой социальной жизни стал добрачный секс, частая смена партнеров. Поэтому супружеская неверность многими не рассматривается как недостойное поведение. Опросы состоящих в браке мужчин и женщин показали следующее: допускают возможность измены со стороны второй половины около 50% опрошенных. Американские социологи нашли оправдание мужской неверности: мужчины биологически настроены на супружескую неверность. В них активна потребность в охоте, где предметом охоты является женщина. Опросы российских социологов, проведенные еще в середине 1990-х гг. XX в., показали, что более 70% девочек к десятому классу имеют сексуальный опыт. Примерно столько же считают, что девушка может соблазнять женатого мужчину.

Статистика приводит разные цифры, доказывающие наличие супружеской неверности, газеты и журналы часто публикуют сравнительные данные, доказывающие, кто чаще изменяет, в какой стране и т.д. Но в общественном мнении утвердилось положение о том, что чаще в браке изменяет жена. Но результаты многих опросов доказывают, что число жен, изменивших своим мужьям, в два раза меньше, чем число мужей, изменивших женам.

На стабильность брака влияет распределение между мужем и женой домашней работы. Выход женщины за пределы семьи, потребности общества в женских рабочих руках привели к тому, что женщина вынуждена была сочетать материнство с трудовой деятельностью в общественном производстве. Как отмечал немецкий исследователь семьи Р.Зидер, женщины в 1970-е гг. хотели «своей работой обеспечить собственный доход, относительную независимость от мужа, получить удовлетворение от профессии...» [3. С. 245]. В свою очередь, вполне закономерно встал вопрос о перераспределении

домашних обязанностей между членами семьи. Немецкие социологи обратили внимание на то, что у молодых людей представления о том, кому заниматься домашней работой, стали меняться. Проведя ряд исследований, они пришли к выводу, что в семьях, где муж делит домашние заботы пополам с женой, счастливых браков встречается в три раза больше и в семь раз меньше несчастных, чем в браках традиционных. Отказ со стороны мужа в помощи супруге по ведению домашнего хозяйства влечет за собой конфликты, ссоры и даже разводы.

Дестабилизаторами брака могут быть добрая беременность невесты, неудовлетворенность интимной жизнью (не удовлетворены сексуальными отношениями в браке чуть больше половины жен и около 60% мужей), алкоголь и курение и др. Косвенно стабильность брака зависит от уровня образования супругов, отношения к труду и удовлетворенности им, несовпадения интересов супругов и т.д. Например, люди, относящиеся безответственно к работе, не умеют и не могут ответственно относиться к семье.

В современной России мы наблюдаем в браке те же процессы, что в свое время наблюдались в западных странах. Возникает множество нестандартных, нетипичных форм брака, среди которых наиболее популярен так называемый фактический брак, т.е. брак, не зарегистрированный в соответствующих органах. Еще во второй половине XX в. исследователи предложили такой брак пробным, или этапом, предшествующим заключению официального брака, что позволяло молодой паре проверить свою готовность к брачным отношениям. Увеличение численности пробных браков и сокращение числа официальных трактовалось семьями как подтверждение вывода об отмирании института брака. Но некоторые сожительствующие пары при появлении у них ребенка женятся, а результаты интернет — опроса, проведенного компанией ACNielsen в мире, показали, что более 70% мужчин и около 70% женщин считают брак неотъемлемой частью жизни.

Таким образом, видимо, следует обратить внимание на выводы английских социологов о том, что не столько институт брака переживает кризис, сколько меняется наша трактовка этого понятия [6. С.36-37].

В Российской Федерации гражданский брак — это брак законный, заключенный в органах загса с соблюдением юридических норм. Еще в СССР он стал единственной легитимной формой организации личных и сексуальных отношений. Но со второй половины прошлого века более активно стали появляться браки в форме сожительства, ставшие в последней четверти века новой для России социальной нормой. Сожительство определяется как «незаконный брак, обиходное, ненаучное наименование полового союза, не оформленного в соответствии с брачным законодательством» [11. С. 344]. Современные социологи и демографы вместо не очень красиво звучащего термина «сожительство» начинают все активнее использовать термины «фактический» или «консенсуальный» брак. В народе же за ними прочно утвердилось название «гражданский брак». Например, в США в конце 1989-х гг. на основании общенациональной выборки был сделан вывод, что примерно 4% населения жили в незарегистрированном браке [8. С. 172]. В России, как показали результаты переписи 2002 г., фактических браков было примерно 3 млн, т.е. 10%. Анализируя результаты переписи, демографы обратили внимание на то, что существует разница в численности замужних женщин и женатых мужчин. И если в 1989 г. она составляла 28 тысяч в пользу женщин, то в 2002 г. — уже 65 тысяч. Объяснение данного феномена оказалось довольно простым: 72% мужчин, живущих в гражданском браке, считают себя холостыми, а 90% женщин — замужними.

Исследования социологов и психологов дали возможность выделить плюсы и минусы фактического брака. Положительные стороны: супруги меньше ссорятся, сохраняется ощущение свободы, так как нет штампа в паспорте; есть время «притереться» друг к другу и позднее оформить законный брак. Отрицательные — в основе союза, как правило, лежит страсть, которая может быстро угасать. В таком браке не формируются корни, не создаются семейные традиции, например, празднование годовщины первой встречи, свадьбы, первого поцелуя и т.п. При появлении серьезных трудностей в семье у одного из супругов, чаще всего у мужа, находится самое простое решение проблемы — уйти из семьи.

К минусам фактического брака относится и то, что он обычно бывает бездетным. Но если и появляется ребенок, то он находится на иждивении и попечении жены, а муж играет роль «воскресного папы»; ребенок такого брака не принимает, он в нем не ощущает безопасности.

Вместе с тем для большинства людей заключение официального брака остается весьма значимым явлением, и нежелание партнера заключить его может быть серьезным препятствием для дальнейшего продолжения отношений. Например, результаты социологического опроса ROMIR Monitoring показывают: официально зарегистрированный брак приемлем для 72% опрошенных россиян, без регистрации согласны жить 18%, венчание предпочитают 7%, не хотят иметь семью 2% [4].

Расширение прав и свобод личности, демократизация общества вызвали у мужчин и женщин желание создать альтернативную форму брака. В России сегодня можно встретить новые для нее формы брака: гостевой, конкубинат, бизнес-брак, открытый, полигинию у православных, групповой, однополый и т.д. Изучая многообразные формы брака, исследователи отдают предпочтение гостевому браку, который, по их мнению, будет самым популярным в XXI в. Они попытались выяснить причины появления этой формы брака, а также выделить его преимущества перед законным браком. Оказалось, что причины распространения гостевого брака разнообразны: место жительства и место работы супругов находятся в разных местах и даже городах, супругам не хочется лишаться собственного жилья, а вдруг... Кроме того, супруги не успевают привыкнуть к словам «муж» и «жена», а соответственно, и усвоить стоящие за ними семейные роли. Брак базируется на романтических отношениях. К достоинством гостевого брака многие социологи и психологи относят и то, что состоящие в нем не ведут борьбы за главенство в семье, их «не заедает быт», у них не портятся добрые отношения друг к другу, а каждая встреча превращается в праздник. Гостевой брак внешне нравится мужчине. Будучи обычно единственным ребенком в семье, он с детства привыкает к заботе о себе. Женщину, пока она молода, гостевой брак тоже устраивает, но чем старше она становится, тем меньше он ей нравится.

Поколение «гостевых супругов» составляют родившиеся в 1970-е гг. прошлого века молодые люди, для которых гостевой брак — это выбор обоих супругов [2]. По оценке психологов это поколение получило название «кризисное поколение», поколение базового одиночества. Семья для них ярмо, обуза, где есть только обязанности. Дети, появившиеся в гостевом браке, его не понимают и не принимают, но социологи уже обратили внимание на то, что в развитии брака намечается новая тенденция: эти дети, став взрослыми, предпочитают именно эту форму брака.

Сегодня в России все чаще встречается так называемый бизнес-брак, характеризующийся тем, что муж живет и работает в городе, а жена, обычно не работающая, и дети живут за городом, на свежем воздухе. Постепенно такой брак трансформируется в открытую с одной стороны семью. У мужа могут быть увлечения, которые он считает нормой. Практика показывает, что его продолжительность зависит во многом от того, насколько жена готова мириться с таким положением. Многие черты бизнес-брака проявляются у брака в форме «творческого союза». В этом браке каждый супруг имеет свой круг общения, сохраняет свои добрачные привычки, никто из них не претендует на абсолютную власть второй половины. Сами супруги ситуацию преподносят окружающим так, как выгодно им: «Мы — в состоянии развода» либо «Мы — в законном браке».

В научной и публицистической литературе описывается довольно оригинальная форма брака — дистантный брак, по характеристикам близкий к гостевому браку. Супруги встречаются периодически в течение довольно длительного времени (5-8 лет), но попытка жить вместе на одной площади часто бывает неудачной, и, поняв, что друг без друга они обходиться не могут, супруги продолжают сохранять дистантные отношения.

Особенностью современного брака является повышение возраста вступления в первый брак, что приводит к созданию семьи в более позднем возрасте. Брак планируется после достижения молодыми людьми других целей: получение престижного образования, приобретение квартиры, карьерный рост, обеспечение прочного материального положения.

История показывает, что в культуре многих народов социальной нормой признавалось предпочтение женщинами мужчин более старшего возраста и наоборот, предпочтение мужчинами более молодых, чем они, женщин. Мужчины ценят в молодой женщине привлекательность, женщины в мужчине ценят статус, который мужчина достигает, как правило, в более зрелом возрасте. Как правило, брачный возраст определяется законом с учетом возраста половой, психологической и социальной зрелости, а также традиций и обычаев. Например, впервые в России Синод установил брачный возраст для женщин 13 лет, для мужчин — 15 лет. До 1918 г. в законе существовало понятие о предельном брачном возрасте — 80 лет. В то же время для вступления в брак православных старше 60 лет требовалось особое разрешение церкви. В декабре 1917 г. было принято новое положение, по которому утверждался брачный возраст для женщины — 16, а для мужчины — 18 лет. С 1926 г. в нашей стране законодательно был утвержден брачный возраст для жениха и невесты 18 лет. Это положение сохраняется и сегодня, хотя в некоторых субъектах Российской Федерации приняты законы о снижении брачного возраста до 14 лет.

Для современного брака характерно новое для российского брака явление, как более поздний возраст вступления в брак. По мере развития российского общества в нем повторяется процесс, пройденный другими странами, т.е. идет процесс смены модели брачности. Практика западных стран показывает, что в возрасте 28-30 лет молодые супруги более серьезно относятся к родительству. Первенец у них появляется в более позднем возрасте. С одной стороны, это хорошо, поскольку социальная зрелость достигается к концу третьего десятилетия жизни человека. С другой стороны, более здоровое потомство женщина воспроизводит в возрасте 20-24 года. Повышение возраста вступления в брак влечет за собой сокращение рождаемости, так как на рождение второго, а тем более на третьего ребенка супруги не решаются. Вместе с тем для решения демографической проблемы России требуется, чтобы каждая семья имела примерно троих детей.

Сравнительно новым для России явлением сегодня становится увеличение в брачной структуре населения браков, где существует

большая разница в возрасте супругов. Наиболее приемлемой считается разница в возрасте супругов 2 — 3 года. В демографии такой брак называется браком ровесников. Однако сегодня в России из-за деформации половой и возрастной структуры общества все чаще заключаются браки, в которых разница в возрасте значительно больше. Так, 49% российских браков — это браки, где муж старше жены на 7 — 20 лет, 11% браков — это браки, где жена старше мужа на 7 и более лет и только 40% браков — это браки ровесников. Социальными причинами данного феномена является тот факт, что юные девушки в качестве брачного партнера хотят видеть материально обеспеченного мужчину, а всего этого он достигает в зрелом возрасте. А юноши все чаще начинают предпочитать более взрослых женщин, т.к. нуждаются в заботе и не готовы проявлять ее сами, поскольку боятся брать на себя ответственность за молодую супругу с детьми. У него сформирована потребность в зрелой и социально адаптированной жене, которая будет выполнять и роль матери. Специалисты отмечают, что в настоящее время каждый седьмой заключаемый брак — это брак, в котором невеста старше жениха более чем на семь лет. В ближайшее время ожидается, что таковым будет каждый пятый, так как в молодых мужьях «нуждаются» дамы с ярко выраженным материнским инстинктом, «забывшие» вовремя выйти замуж.

В общественном мнении такой брак оценивается по-разному. Еще до недавнего времени общественное мнение осуждало неравный по возрасту брак, особенно тот, где жена была старше мужа на 10-15 лет. Сегодня общество гораздо терпимее относится к таким бракам.

Для новой модели брака в России характерно изменение половых ролей в браке. Исторически сложилось, что муж выполнял роли добытчика, кормильца, собственника жены и детей, т.е. он всегда был главой семьи. Жена же должна была быть хорошей хозяйкой, хранительницей домашнего очага, воспитательницей своих детей.

Сегодня половые роли в браке меняются. В обществе отмечена тенденция феминизации мужчин и маскулинизации женщин. У современных мальчиков крайне смутные представления в отношении половых ролей мужчины и женщины в семье. Если раньше на брачном

рынке ценились тихие, ласковые, домашние девочки и сильные, подвижные и любящие борьбу, опасность мальчики, то сейчас о различиях говорить не приходится. У детей не сформировано четкого понимания мужского и женского начала. Отмечена тенденция увеличения доли семей, где главой является жена. Она имеет высокий уровень образования, стала авторитетом для детей, научилась зарабатывать средства к существованию, что изменило ее роль как в обществе, так и в семье. Женщина взяла на себя новые для нее мужские роли. Мужчина же все больше нуждается в заботе, избегает брать ответственность на себя. Изменился тип мужа: на смену мужу — ровеснику пришел новый тип мужа — сына.

Становление новой модели брака в России сопровождается нарастанием числа лиц, отказывающихся от брака. На эту тенденцию европейские социологи обратили внимание еще около 40 лет назад. Было выяснено, что безбрачие может быть вынужденным как результат плохого здоровья, наличия психических и физических аномалий, плохой ситуации на брачном рынке, принадлежности к определенной социальной группе. Но сегодня в обществе формируется новый феномен — добровольное безбрачие, заключающееся в нежелании вступать в брак. Было замечено, что от 30 до 40% европейцев не вступают в брак, а среди мужчин в возрасте до 45 лет вообще преобладают холостяки. Мужчина перестал нуждаться в жене — кухарке, прачке, домохозяйке. Выросший при маме в неполной семье мужчина длительное время ищет жену, похожую на мать, и не найдя ее, остается холостым. К отказу от брака может привести сформированный у сына комплекс вины перед матерью, которая растила его одна, а он «неблагодарный» хочет счастья лично для себя, отдельно от мамы. И мать может начать манипулировать своим здоровьем, всячески привязывая к себе сына. С другой стороны, современный мужчина все чаще не желает брать на себя ответственность за семью. Его позицию выражает установка: «Я достаточно зарабатываю для себя, но недостаточно на семью».

В России избегают брака примерно 30% лиц, достигших брачного возраста. По результатам Всероссийской переписи населения 2002 г. из 1000 чел. населения никогда не состояли в браке 251 мужчина и 175 женщин бракоспо-

собного возраста, в то время как по переписи 1989 г. — 196 мужчин и 132 женщины [10. С. 11]. Причем добровольное безбрачие популярно не только среди мужчин, оно все больше и больше интересует и женщин. Женщина отказывается от брака обычно в том случае, если пережила тяжелый развод после первого брака, если поиски «принца на белом коне» не увенчались успехом. Делая карьеру, она не торопится замуж, поскольку зарабатывает достаточно и не только для своего содержания. Как правило, такая женщина росла без отца, и мать сформировала у нее негативное отношение к мужчинам. Жить одному — это исторически новый феномен.

В основе смены модели брачности лежит переход от чуть ли не обязательного ритуала заключения брака, символизирующего завершение вхождения во взрослую социально-демографическую страту, к браку, основанному преимущественно на рациональных соображениях. Пройдя длительный путь эволюции, выполнив свои функции, брак сегодня характеризуется рядом особенностей, которые свидетельствуют об отмирании социального института брака и об изменении подходов к трактовке этого понятия. Но общество заинтересовано в том, чтобы супружеские отношения между мужем и женой удовлетворяли их потребность в браке, а брак, в любой форме, сохранялся до глубокой старости.

Список литературы

1. *Бачинин В.А.* Социология. Энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2005.
2. Гостевой брак: муж на выходные // Комс. правда. 2008. 9-16 окт.
3. *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII- XX вв.) / пер. с нем. Л. А. Овчинцевой; науч. ред. М. Ю. Брандт. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997.
4. Какая форма семейных отношений для вас является наиболее приемлемой? // Аргументы и факты. 2004. № 23.
5. *Лифанов М.* О быте при коммунизме // За коммунистический быт. Л., 1963.
6. *Лоусон Т., Гэррод Д.* Социология. А — Я: словарь-справочник / пер. с англ. К. С. Ткаченко. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.1.
8. *Медков В.М.* Демография: учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2002.
9. На чем держатся браки? // Аргументы и факты.

2002. № 45.
10. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2003.
11. Социальная энциклопедия. М., 2000.
12. Харчев А.Г. Социология семьи: проблемы становления науки. М.: ЦСП, 2003.
-

MODERN MARRIAGE IS A RESULT OF THE EVOLUTION OF FAMILY
RELATIONS

L. Khachatryan

From the ancient times, marriage was the subject of attention of researchers of various directions. Sociologists have paid attention to the social nature of marriage, and studied the principles of its creation, operation and dissolution. Currently, the marriage becomes new features and qualities that made the researchers conclude the withering away of the institution of marriage and the formation of a new model of marriage in Russia.

Keywords: modern marriage, marriage stability factors, motives, the actual marriage, new forms of marriage, the new model of marriage.

УДК 316:61

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РОДИТЕЛЯМИ ВНЕШНЕСРЕДОВЫХ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ РИСКОВ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Н.А. Лебедева-Несевря, А.О. Барг

Обсуждается актуальная проблема формирования методологических оснований организации процесса распространения информации о рисках для здоровья среди лиц, ответственных за сохранение и укрепление здоровья детей дошкольного возраста. Характеризуются основные особенности восприятия рисков здоровью родителями детей (по результатам эмпирических социологических исследований в Пермском крае), показана необходимость учета данных особенностей при информировании о рисках. Выделяются ключевые принципы построения системы информирования о рисках здоровью детей дошкольного возраста.

Ключевые слова: восприятие рисков; здоровье детей; информирование о рисках; управление рисками.

Здоровье детей, создание благоприятных условий для их роста и развития — сфера особой ответственности государства. Сохранение и укрепление здоровья детей и подростков является важнейшей стратегической задачей социально-экономической и демографической политики России на ближайшие пятнадцать лет.

Дошкольный возраст — это наиболее значимый критический период детства, определяющий во многом как возрастные показатели здоровья, так и успешность дальнейшей социализации, адаптации и обучения ребенка в школе. Своевременные дифференцированные профилактические, санитарно-эпидемиологические, медицинские и прочие мероприятия по устранению или уменьшению влияния факторов риска различной природы способны обеспечить сохранение и укрепление здоровья ребенка, снизить вероятность заболеваний в будущем.

Основными социальными институтами, выполняющими функцию сохранения и укрепления здоровья детей дошкольного возраста, являются семья, детское дошкольное образование и здравоохранение. Эффективная реализация указанными институтами данной функции не-

возможна без развитой системы информационного сопровождения. Своевременное принятие действенных мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия детей в детском дошкольном образовательном учреждении или дома, успешное гигиеническое воспитание детей требуют владения полной, актуальной и научно обоснованной информацией о факторах, оказывающих вредное воздействие на здоровье детей, уровнях риска здоровью, способах их минимизации и методах профилактики заболеваний. Несмотря на то, что данная информация не гарантирует безусловной успешности профилактических и противоэпидемических действий, особенно на уровне семьи, поскольку информирование о рисках является лишь одним из компонентов гигиенического обучения и воспитания населения и декретированного контингента, она выступает важным исходным материалом для принятия решений в сфере управления здоровьем детей дошкольного возраста.

Риск не является исключительно объективным и познаваемым фактом, но всегда опосредуется социальными и культурными стереотипами и процессами. Неспециалисты в своем

Лебедева-Несевря Наталья Александровна — кандидат социологических наук, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков ФГУН «Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения» Роспотребнадзора (г. Пермь), 614045, Пермь, ул. Орджоникидзе, 82; e-mail: natnes@fcrisk.ru

Барг Анастасия Олеговна — научный сотрудник лаборатории методов анализа социальных рисков ФГУН «Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения» Роспотребнадзора (г. Пермь); 614045, Пермь, ул. Орджоникидзе, 82; e-mail: an-bg@yandex.ru

восприятию риска ориентируются не только на его количественные характеристики и возможные последствия для здоровья, но и на уже сформировавшееся мнение общественности, степень доверия распространяемым сведениям о факторах риска, силу их эмоционального воздействия. Реакция человека или группы людей на риск определяется детерминантами различной природы, касающимися как социально-психологических, ценностных, эмоциональных и прочих характеристик индивида или социальной группы, так и риска или информации о нем (источник опасности, потенциальные последствия и их выраженность, разнообразие полученной информации о риске и т.п.). Учет особенностей восприятия риска здоровью различными целевыми группами, в том числе лицами, ответственными за сохранение и укрепление здоровья детей дошкольного возраста, призван повысить эффективность процесса информирования о рисках.

Специалистами ФГУН «Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения» Роспотребнадзора весной-летом 2010 г. было проведено эмпирическое социологическое исследование, посвященное анализу особенностей восприятия рисков здоровью лицами, в наибольшей степени ответственными за сохранение и укрепление здоровья детей дошкольного возраста. Исследование проводилось в 6 муниципальных образованиях Пермского края (города Пермь, Краснокамск, Чусовой, п. Ильинский, с. Уинское, с. Частые). Метод — раздаточное анкетирование родителей детей дошкольного возраста, посещающих детские образовательные учреждения. Объем выборки составил 584 чел. Тип выборки — вероятностная, кластерная (доверительная вероятность 95%, статистическая погрешность — не выше 4%). На первом этапе осуществлялся отбор административно-территориальных образований по критерию наличия/отсутствия на их территории крупных промышленных узлов, формирующих антропогенную нагрузку на экосистему. На втором — отбор учреждений детского дошкольного образования, на третьем — респондентов для опроса. Методический инструментарий был разработан и апробирован впервые.

Значения индексов факторной нагрузки

№ п/п	Фактор риска	Значение индекса
1	Загрязненность воды	0,94
2	Загрязненность воздуха	0,91
3	Неправильное питание	0,76
4	Несвоевременное обращение к врачу	0,76
5	Неблагоприятный психоэмоциональный климат в семье	0,74
6	Несоблюдение правил личной и бытовой гигиены	0,72
7	Недостаточное пребывание на свежем воздухе	0,72
8	Недостаточная двигательная активность	0,71
9	Неблагоприятные условия быта	0,59
10	Мусор, грязь на улицах	0,58
11	Несоблюдение режима дня	0,38
12	Высокий уровень шума	0,37
13	Пребывание в коллективе детского сада	-0,63

Анкета включала вопросы, объединенные в несколько условных смысловых блоков, касающихся определения: а) оценки родителями значимости тех или иных факторов риска для здоровья ребенка (отдельно — по внешнесредовым и социальным факторам), б) уровня информированности родителей в вопросах управления рисками здоровью детей, в) социально-демографических характеристик респондентов (жилищно-бытовые условия, образовательный, семейный и профессиональный статусы, уровень материальной обеспеченности). Статистическая обработка данных осуществлялась при помощи пакета программ SPSS 16.0 for Windows. Для количественной оценки зависимости между переменными использовался коэффициент корреляции Спирмена [4]. Анализ зависимостей переменных, выраженных в номинальной шкале, осуществлялся с использованием теста хи-квадрат, а также с помощью сравнения наблюдаемых и ожидаемых частот.

Анализ результатов исследования показал недооценку родителями детей дошкольного возраста значимости поведенческих факторов риска для здоровья на фоне повышенной обеспеченности внешнесредовыми рисками. Так,

индекс факторной нагрузки*, демонстрирующей направленность общественного мнения при оценке потенциала влияния различных факторов риска на здоровье детей, по факторам «загрязненность воды» и «загрязненность воздуха», составил 0,94 и 0,91 соответственно (при максимально уровне 1). По фактору «неправильное питание» значение указанного индекса составило 0,76, по фактору «несоблюдение ребенком правил личной и бытовой гигиены» — 0,72, а по фактору «несоблюдение ребенком режима дня» — только 0,38 (таблица 1).

При незначительности доли респондентов, дающих в целом низкие оценки потенциала негативного воздействия загрязненности атмосферного воздуха и питьевой воды на здоровье ребенка (4,5 и 2,8% соответственно), процент родителей, склонных занижать возможный отрицательный эффект действия поведенческих факторов, представляется крайне тревожным. Так, 12% опрошенных полагают, что неправильное питание не способно оказать значимого воздействия на здоровье ребенка; 14,4% опрошенных делают аналогичные заключения относительно низкой двигательной активности, 19% — относительно неблагоприятных условий быта.

Среди поведенческих факторов риска, предложенных родителям для оценки в ходе анкетного опроса, наименьший потенциал негативного воздействия был установлен для фактора «несоблюдение режима дня». Так,

30,6% опрошенных заявили, что возможное влияние этого фактора «очень слабое» (4,6%) или «скорее слабое» (26,1%). Установлено недостаточное осознание родителями того, что нерационально построенный режим жизнедеятельности детей способен привести к интеллектуально-физическим и психоэмоциональным перегрузкам. Среди ответов на открытый вопрос «Какие негативные последствия для здоровья ребенка имеет систематическое нарушение режима дня?» преобладали неконкретные высказывания типа «будут болезни», «различные нарушения», «проблемы со здоровьем», в редких случаях респонденты предлагали такие варианты, как «нервозность», «раздражительность», «эмоциональная неустойчивость» и т.п. Значительная доля родителей затруднилась ответить на поставленный вопрос.

Результаты исследований [1; 2; 3] показывают, что неблагоприятная психологическая атмосфера, отрицательный внутрисемейный климат, напряженный характер взаимоотношений между членами семьи не только определяют психологическое нездоровье ребенка, но и влияют на показатели его общего развития, провоцируют нарушения сна, питания и т.п. В ходе опроса 13,2% респондентов тем не менее сказали, что психоэмоциональный фон в семье не способен оказать значимого влияния на здоровье ребенка, что свидетельствует о недостаточной информированности родителей в психогигиенических аспектах воспитания детей дошкольного возраста.

В семьях, где хотя бы один из родителей имеет высшее образование, потенциал негативного влияния напряженного психоэмоционального микроклимата на здоровье ребенка оценивается как более значимый. Так, в группе, где оба родителя имеют высшее (в т.ч. незаконченное) образование, 84% полагают, что данный фактор способен оказать очень сильное влияние на здоровье ребенка, тогда как варианты «скорее слабое» и «очень слабое воздействие» выбрали лишь 1,6% опрошенных. В группе, где оба родителя имеют образование ниже незаконченного высшего, вариант ответа, маркирующий наибольшую степень влияния фактора, выбрали 63% опрошенных, а варианты, отражающие низкий и очень низкий уровни влияния, — 18,3%. Коэффициент корреляции переменных «уровень образования родителей» и

*Индекс факторной нагрузки (I) указывает на соотношение численности групп, имеющих противоположные оценки значимости потенциального воздействия фактора на здоровье ребенка. Рассчитывается по формуле $I = \frac{(n_1 + n_2 - n_3 - n_4)}{n}$, где, n_1 — число

респондентов, указавших вариант «очень сильное воздействие», n_2 — «скорее сильное воздействие», n_3 — «скорее слабое воздействие», n_4 — «очень слабое воздействие», n — общее число респондентов, давших валидный ответ. Значение индекса изменяется в пределах [-1; 1]. Положительное значение индекса указывает на преобладание в изучаемой группе респондентов, полагающих, что фактор оказывает негативное воздействие с интенсивностью выше среднего; отрицательное — на преобладание тех, кто считает, что отрицательное влияние фактора на здоровье ребенка скорее или очень слабое; значения, близкие к 0, указывают на примерно равное соотношение численности двух групп.

«оценка потенциала негативного влияния неблагоприятного психоэмоционального климата в семье на здоровье ребенка» составил 0,223 (слабая корреляция), $p < 0,001$.

Несмотря на то, что большинство родителей (87,4%) уверены в способности неправильного питания оказывать значительное негативное воздействие на здоровье ребенка (в т.ч. 53,5% характеризуют данное влияние как «очень сильное»), уровень информированности респондентов в вопросах рационального питания детей нельзя назвать в полной мере адекватным. Так, 45,2% опрошенных уверены, что хлебобулочные изделия не должны включаться в ежедневный рацион ребенка дошкольного возраста; 47,8% родителей убеждены, что крупы и макаронные изделия следует исключить из ежедневного рациона; 54,5% полагают излишним ежедневное употребление ребенком куриных яиц, 27,7% — рыбы. Ответы на открытый вопрос «*Какие негативные последствия для здоровья ребенка имеет систематическое нарушение режима питания и несоблюдение рациона питания?*» носили преимущественно общий характер: «*нарушения здоровья*», «*различные заболевания*», «*болезни*», «*проблемы со здоровьем*», реже давались более конкретные ответы: «*заболевания желудочно-кишечного тракта*», «*сбой в работе пищеварения*», «*нарушения со стороны пищеварительной системы*» и т.п.

Недооценка родителями значимости влияния на здоровье ребенка тех или иных факторов риска приводит к реализации поведенческих практик, не соответствующих принципам самохранительного поведения.

В группе опрошенных 29,7% родителей сказали, что им часто или постоянно не удается уложить ребенка спать во время, еще 28% отметили, что с подобными трудностями они сталкиваются «иногда, время от времени». Самая частая причина нарушения режима сна заключается в гиперактивности, излишней возбужденности ребенка перед сном (данную причину указали 46,3% родителей).

Свыше трети родителей (35,2%) отметили отсутствие у ребенка вне детского сада установленного режима питания, заявив, что ребенок питается, «*когда захочет*» или «*как получится*». Для многих родителей нормальным представляется систематическое включение в

рацион ребенка «вредных» продуктов питания. Так, 44,9% опрошенных указали, что их ребенок часто или постоянно употребляет в пищу колбасные изделия, 39,6% — майонез и кетчуп, 16,2% — шоколадные батончики; 12% родителей регулярно покупают своему ребенку жевательную резинку, 9,3% — сладкую газированную воду, 8,4% — «чупа-чупсы». Существует слабая отрицательная корреляция между уровнем образования родителей и частотой включения в рацион ребенка «вредных» продуктов питания. Так, например, в семьях, где оба родителя имеют высшее образование, сладкая газированная вода никогда не включается в рацион питания ребенка в 56,3% случаев, а в семьях, где оба родителя не имеют высшего образования, аналогичное поведение реализуют только 30,4% респондентов ($r = (-)0,199$, $p < 0,001$).

Для характеристики распространенности поведенческих факторов риска, связанных с двигательной активностью, изучались вопросы, касающиеся привития ребенку навыков физической культуры: утренняя зарядка, физкультурные упражнения на развитие отдельных мышечных групп, занятия в спортивных секциях. Установлено, что дети в 43,5% случаев не выполняют в домашних условиях утреннюю гимнастику (при этом родители сами разрешают ребенку пренебрегать зарядкой). В 18,1% случаев дети занимаются физическими упражнениями дома с частотой реже одного раза в неделю и в 17,3% случаев вообще не выполняют никаких упражнений дома. Наиболее распространенным мотивом в отказе заниматься с ребенком служит заявление, что «*дети без того очень подвижны*». При этом наблюдается низкая степень осознания родителями того, что по мере роста подвижность, связанная с играми, у ребенка исчезает, а потребность в занятии физической культурой может оказаться несформированной.

Несмотря на то, что большинство респондентов (97%) уверены, что именно родители несут основную ответственность за сохранение здоровья ребенка, признают свою доминирующую роль в формировании у ребенка навыков здорового образа жизни, основные способы управления рисками здоровью осознаются и артикулируются ими довольно слабо. Так, 22% опрошенных полностью согласились с утверждением, что «*родители могут сформировать*

у ребенка навыки здорового образа жизни, даже если сами здоровый образ жизни не ведут», еще 33,2% респондентов, скорее, поддержали данное высказывание. Это свидетельствует о непонимании родителями механизмов формирования навыков здорового образа жизни у ребенка, базирующихся, в первую очередь, на подражании и социальной стереотипизации. Родители задают детям неверную модель поведения, насаждая негативные установки. Только 11,3% называют свой образ жизни полностью здоровым, остальные признают, что реализуют в повседневной жизни негативные поведенческие практики (например, в 28% семей взрослые курят в помещении в присутствии ребенка).

Одним из условий эффективного информирования населения о рисках здоровью является правильный выбор канала передачи информации. При необходимости получения сведений о факторах риска здоровью детей большинство родителей обращается не к специализированным изданиям и мнению ученых, а к средствам массовой информации. Референтными (наиболее авторитетными, значимыми) фигурами в отношении получения информации о риске здоровью является ближайшее социальное окружение — друзья и родственники, воспитатели и медицинские работники в детском саду, участковые врачи-педиатры.

Анализ результатов опроса показал, что 51,4% респондентов получают информацию о факторах риска здоровью в основном из телевизионных передач, 45,7% знакомятся с публикациями на соответствующие темы в газетах, журналах, 22,5% — в сети Интернет. При этом свыше трети опрошенных полагают, что объем информации о внешнесредовых и социальных факторах риска здоровью детей в открытых источниках представлен недостаточно.

Так, 50% родителей получают информацию о принципах здорового образа жизни ребенка дошкольного возраста от врачей-педиатров, знакомых медицинских работников, в 25% подобные сведения дают друзья и родственники, в 22,5% случаев — воспитатели в детском дошкольном образовательном учреждении. При этом 36% родителей охарактеризовали свой уровень информированности в вопросах сохранения здоровья ребенка и снижения негативного влияния факторов риска как недостаточный,

47,6% оценили его как хороший, только 15,4% респондентов назвали свой уровень осведомленности в обозначенной теме высоким.

Таким образом, можно сделать вывод, что обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия такой специфической социальной группы, как дети дошкольного возраста, посредством информирования родителей о рисках здоровью, мер по гигиеническому воспитанию и обучению населения и пропаганде здорового образа жизни, целесообразно реализовывать в соответствии с рядом принципов.

1. Процесс передачи и распространения информации о риске здоровью детей дошкольного возраста должен быть ориентирован, в первую очередь, на родителей детей как на лиц, несущих основную ответственность за сохранение, укрепление здоровья ребенка, учитывать особенности их восприятия рисков.

2. Информация о риске здоровью должна включать перечень приоритетных факторов риска как внешнесредовых, так и социальных.

3. В условиях повышенной обеспокоенности родителями детей дошкольного возраста внешнесредовыми угрозами при недооценке значимости поведенческих факторов риска при распространении информации о риске необходимо акцентировать внимание на социально детерминированных факторах и источниках риска.

4. Информация о риске здоровью детей должна содержать указание мер по снижению угрозы, субъектом реализации которых являются родители. Кроме того, процесс информирования о риске должен способствовать формированию навыков здорового образа жизни не только у родителей, но и у ребенка.

5. Мероприятия по гигиеническому воспитанию, направленные на родителей детей дошкольного возраста, предполагают повышение уровня информированности целевой аудитории не только о факторах риска, но и о факторах устойчивости (антириска).

6. Мероприятия, направленные на повышение уровня информированности родителей детей дошкольного возраста о рисках здоровью, обуславливают эффективное сотрудничество со средствами массовой информации, в особенности электронными.

Список литературы

1. *Гарбузов В.И., Захаров А.И., Исаев Д.Н.* Неврозы у детей и их лечение. Л.: Медицина, 1977. 246 с.
 2. *Козловская Г.В., Кремнева Л.Ф.* Роль фактора среды и индивидуальной реактивности в возникновении и клинике пограничных нервно-психических расстройств детского возраста // Психогигиена детей и подростков. М., 1985. С. 66-91.
 3. *Лангмейер Й., Матейчик З.* Психическая депривация в детском возрасте. Прага: Авиценум, 1984. 334 с.
 4. *Чернова Т.В.* Статистическое изучение взаимосвязей // Экономическая статистика: учеб. пособие Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1999. С. 42-47.
-

PERCEPTION OF HEALTH RISKS FOR PRESCHOOLERS BY THEIR PARENTS

N. Lebedeva-Nesevria, & A. Barg

FSSI "Federal Scientific Center for Medical and Prophylactic Health Risk Management Technologies"
of Federal State Service for Surveillance in the Sphere of Consumers Protection and Human Well-Being, 614045, Perm, Ordjonikidze str., 82

The article is dedicated to an important problem of methodological approaches to organization of the process of informing parents of children of preschool age about health risks. The significance of the consideration of the features of health risk perception during the process of informing about risks is pointed out. The special features of health risk perception by the parents of children of preschool age are examined according the empirical sociological researches in Perm Region.

Key words: risk perception; children health; informing about risks; health risk management

УДК 316.2

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С.С. Гордеева

Рассматривается история становления социологии здоровья в России и за рубежом. Отмечены наиболее распространенные научные взгляды, направленные на изучение общественного здоровья. Определены объект и предмет социологии здоровья. Показана важность социологических исследований в области изучения общественного здоровья.

Ключевые слова: социология здоровья; этапы становления социологии здоровья; исследования социологии здоровья.

В современных условиях в России возрастает социальная значимость здоровья с точки зрения гуманистических идеалов гражданского общества, национальной безопасности и экономической эффективности здравоохранения. Вторая половина XX в. характеризуется интересом к проблемам нормальной жизнедеятельности, здоровья человека, профилактике болезней и формирования здоровья. В связи с этим возросло число публикаций по данной проблеме не только медицинского характера, но и философского и социологического профиля как в нашей стране, так и за рубежом.

Дополнительную актуальность данная тема приобретает в условиях социально-политических изменений, трансформации системы здравоохранения, социально-экономического расслоения общества и растущего неравенства в доступе различных групп населения к материальным ресурсам. Доказано, что мониторинг состояния здоровья, его достаточность, качество и другие критерии во многом определяют ход социально-исторического развития отдельно взятой страны.

Истоки социологии здоровья обнаруживаются в социальной гигиене, медицинской статистике и медицинской социологии. Последняя зарождалась как отрасль знания, направленная на решение практических вопросов, связанных с оценкой влияния социальных факторов на здоровье и болезнь различных групп населения. Дальнейшее развитие медицинской социологии показало необходимость ее выделения из соб-

ственно медицинского комплекса наук, что потребовало разработки собственного категориально-понятийного аппарата [4.С.12].

Целью нашей работы стало изучение социальных предпосылок становления социологии здоровья как области научных знаний, а также направлений ее развития за последние полтора столетия.

В ходе предметного самоопределения данная специальная социологическая теория становилась все более независимой от медицины и приближенной к социологии. Вместе с тем различного рода коллизии и не прекращающиеся дискуссии не позволяют назвать этот процесс гладким. Социологический анализ системы здравоохранения ставит под сомнение некоторые устои, кажущиеся незыблемыми для медиков, поскольку он делает необходимым рассмотрение вопросов качества услуг, ответственности, эффективности системы здравоохранения и т.д. И это закономерно, поскольку социологическая теория предполагает анализ всех субъектов, которые задействованы в сфере здоровья: врачей, пациентов, системы здравоохранения и наиболее существенных коммуникативных связей, возникающих между ними.

Процесс развития социологии здоровья охватывает ряд этапов:

Первый из них (сер. XIX — нач. XX вв.) назван этапом зарождения социологии здоровья; в этот период еще не публикуются специальные социологические работы, а осмыслива-

ются лишь отдельные аспекты данной отрасли знаний.

Второй (20-40-е гг. двадцатого столетия) — этап формирования социологии здоровья. Он характеризуется интенсивными прикладными исследованиями, разработкой инструментария для их проведения, а также апробацией категориально-понятийного аппарата.

Третий (50-60-е гг.) — этап дальнейшего становления. На этом этапе происходит отделение медицинских исследований от отрасли «социальная гигиена» и их интеграция с социологией; формируется предметное поле социологии здоровья.

Четвертый (70-80-е гг.) — этап развития социологии здоровья как самостоятельной дисциплины. На этом этапе уточняются объект и предмет социологии здоровья, осуществляется переход от медицины как объекта исследования к собственно здоровью и здравоохранению как самостоятельным объектам исследования.

Пятый — современный этап развития социологии здоровья, который характеризуется расширением предметной области, включением в нее вопросов продвижения здоровья, превентивного поведения, коммуникации по проблеме укрепления здоровья [4.С.12].

В то время как история изучения индивидуального здоровья насчитывает почти две тысячи лет, восходя к медицине Древней Греции, концепция общественного здоровья зародилась два столетия тому назад. Ее возникновение связано с идеями Великой французской революции.

В России внимание государственных деятелей к проблеме здоровья обычных людей (крепостных крестьян) впервые привлекли М.В.Ломоносов и А.Н.Радищев. Изучение здоровья по показателям заболеваемости и смертности началось почти сто лет назад в процессе сплошного обследования сначала в Московской губернии, а затем по всей стране силами земских санитарных статистиков. Тогда же впервые и в России, и в мире было предпринято изучение заболеваемости населения по данным обращаемости к врачу. Сбор материала происходил ежегодно по единой программе и касался, помимо заболеваемости, санитарной культуры и условий быта городского и сельского населения [2. С.352].

В течение трех десятилетий после революционных преобразований 1917 г. изучение заболеваемости в нашей стране стало проводиться более дифференцированно: по отдельным профессиональным группам, регионам и наиболее распространенным заболеваниям с использованием выборочных методов исследования. Было начато систематическое изучение структуры причин смертности и факторов отдельных заболеваний среди различных возрастных групп населения. В последующие годы все это позволило развернуть исследования в различных отраслевых направлениях: коммунальной гигиене, географической медицине, социологии медицины, медицинской демографии и др.

Получили развитие исследования, ставившие своей целью получить комплексную характеристику здоровья населения путем интеграции данных обо всех факторах здоровья в единый оценочный показатель. Подобные задачи с разной степенью успеха решались многими исследователями в России (Л.Е.Поляков, А.М.Петровский, Г.А.Попов) и за рубежом (Т.Аллисон, Дж.Торренс).

Специфический этап в изучении общественного здоровья связан с охватившей в 70-80-е гг. Западную Европу и США волной исследований факторов риска в рамках программ профилактики здоровья. Изучались такие важные параметры образа жизни, как потребление алкоголя и курение, физическая активность, оптимизация питания, индивидуальный контроль массы тела и артериального давления, в связи с показателями смертности и заболеваемости. Размах этих исследований во всем мире, когда контингент обследованных колебался от нескольких тысяч до 2 млн чел., свидетельствовал об актуальности изучения общественного здоровья [2.С.352].

Функционализм и символический интеракционизм — главные теоретические подходы, во многом придавшие форму социологии здоровья и болезни. Данной области научного знания посвящено множество публикаций: концепция роли больного Т. Парсонса (1951), концепция стигматизации (Гоффман, 1961), по вопросам профессиональных особенностей здравоохранения (Фрейдсон, 1970), социальных установок к вопросам смерти (П. Хендел, В. Мерфи, 1965, Глассер и Стросс, 1965, 1968), факторов ду-

шевных заболеваний (Гофман, 1961, Шефф, 1966) и др. Функциональный подход в социологии позволяет связывать здоровье и медицину с другими социальными ценностями и категориями.

Центральная категория функционального анализа — роль больного, посредством которой больной человек освобождается от текущих социальных обязанностей. Заслуга изучения взаимоотношений между врачом и пациентом как социальной системы принадлежит Т. Парсонсу. В основе его ролевой теории (1951-1958) рассматривались парадигма нетрудоспособности и девиации с позиции психоанализа. Отношения врач-пациент (ОВП) как социальная система с определенными правами и обязанностями представляла собой микромодель социального института здравоохранения, гарантирующего сохранность главной общественной ценности — здоровья. Взаимодействие в данной системе Т. Парсонс рассматривал не только с социологической, но и с экономической точки зрения, как обмен между производителем и потребителем.

Надо отметить, что в истории социологии медицины проблема здоровья и медицинского лечения рассматривалась и в рамках других социологических подходов. Например, М. Сакс в книге «Ортодоксальная и альтернативная медицина» пишет, что теория конфликта фокусируется на неравном распределении здоровья и медицинской помощи. Автор критикует систему медицины в США за то, что та слишком полагается на лекарство и хирургию, за неограниченное господство в ней мотивации прибыли, превалирование биологического подхода в диагностике заболеваний по сравнению с социальным [1.С.27].

В ряде городов России также осуществлялись социологические исследования в области профилактической медицины. Крупнейшие из них были реализованы под эгидой Всесоюзного кардиологического научного центра АМН СССР; в рамках крупного международного исследования «MONIKA» представителями Всемирной организации здравоохранения изучался вклад традиционных факторов риска в показателях заболеваемости и смертности. В последнем десятилетнем скриннинге социологический блок исследования обеспечивали сотрудники Института социологии.

Самый неутешительный и многократно подтвержденный вывод из многократных социологических наблюдений состоял в том, что никакие профилактические мероприятия не способны были повлиять на уменьшение смертности населения и не могли быть рекомендованы для широкого внедрения в социальную практику.

Тем временем привлечение внимания к исследованиям здоровья во многих странах привело к их интенсификации. Помимо традиционных показателей (демографических, заболеваемости и физического развития) в начале 70-х гг. началось изучение социальных характеристик здоровья, включая субъективное отношение к своему здоровью, социальные установки и самосохранительное поведение людей. Переход к широкому взгляду на здоровье определил и смену приоритетов в подходе к анализу условий и факторов сохранения и формирования здоровья. Именно этот период можно считать моментом рождения социологии здоровья [2.С.352].

Современные исследования социологии здоровья, направленные на изучение потребности в здоровье, ресурсов здоровья и его перспектив, самосохранительного поведения, продолжительности жизни, влекут за собой появление новых отраслей и направлений в социологии и медико-социальной работе. К ним следует отнести передачу информации, касающейся здоровья населения (социология коммуникаций), социологию тела М.Фуко, социологию жизни как концепцию исследования социальной реальности Ж.Тошкенко, парадигму экантропоцентрической социологии Т. Дридзе и др. В настоящее время социология приходит к пониманию множественности интерпретаций социальных феноменов. Болезнь и здоровье могут рассматриваться как варианты социального соглашения (договора), в котором учитываются социальные ожидания и роли в процессе самосоздания [5.С.119].

В социологии объектом выступает бытие человека и коллективов людей во всем многообразии конкретных проявлений. Объектом социологии здоровья является многообразие реальных проявлений бытия индивида и коллективов людей, обеспечивающее поддержание и воспроизводство их здоровья. Структура объекта социологии здоровья включает следующие

составляющие: индивидуальное здоровье, здоровье социальной группы и общества; здравоохранение как социальный институт; коммуникацию по поводу здоровья, в том числе правовое регулирование взаимоотношений между различными субъектами по поводу здоровья [3.С.56].

В социологии большое значение приобретают проблемы сохранения, укрепления и повышения потенциала здоровья индивидуума, группы и общества в целом, а в их решении социально-политическим факторам отводится решающая роль.

Предметом социологии здоровья являются: закономерности и механизмы формирования здоровья (макросоциальные механизмы, социальная политика в области здравоохранения и здоровья и т.п.); факторы, определяющие здоровье и превентивное поведение, включая состояние правовой и физкультурной грамотности населения.

Таким образом, достаточно длительный период развития социологии здоровья, как отрасли научного познания, свидетельствует о ее теоретической и практической значимости, дифференциации в одном из направлений со-

циологических исследований, а также перспективах мониторинга такого социального феномена, как общественное здоровье в целях физического и психического благополучия различных возрастных и социальных групп населения, повышения качества и продолжительности жизни.

Список литературы

1. *Верминенко Ю.В.* Социологическая интерпретация здоровья // Социальные проблемы. 2008. № 1. С.25-31.
2. *Гордон Л., Возьмитель А., Журавлева И., Клопов Э., Римашевская Н., Ядов В.* Социология быта, здоровья и образа жизни населения // Социология в России / под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. 696 с.
3. *Дмитриева Е.В.* От социологии медицины к социологии здоровья // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 51-56.
4. *Дмитриева Е.В.* Теоретико-методологические и методические основы социологии здоровья: автореф. дис.... д-ра социол. наук. М., 2004. 41 с.
5. *Чубенко Д.С.* Социология здоровья: становление и пути развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1 (6). С.118-122.

SOCIAL BACKGROUND OF FORMATION OF HEALTH SOCIOLOGY IN CONTEMPORARY RUSSIA

S. Gordeyeva

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990

We consider the history of the formation of health sociology in Russia and abroad. We have pointed out the most common scientific views to public health. We have identified the object and subject of health sociology. We have shown the importance of sociological research in the field of public health.

Key words: sociology of health; stages of sociology of health; the study of sociology of health

УДК 316.625

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М.И. Григорьева

Современная социальная работа представляет собой синтез теории и практики, однако деятельностная компонента остается преобладающей. В статье особое внимание уделяется анализу социальной работы в рамках технологического подхода, который позволяет более детально характеризовать социальную работу как деятельность.

Ключевые слова: социальная работа; социальная деятельность; социальные технологии; технологии социальной работы.

Институты социальной поддержки нуждающихся существовали в России ещё с древнейших времен. Российская история содержит немало упоминаний о различных формах социальной деятельности населения, начиная с традиции взаимопомощи у древних славян, продолжаясь и развиваясь в виде институтов социального призрения. Однако все это были лишь предпосылки современной российской модели социальной работы, которая в России как профессия была институализирована лишь в 1991 г.

В процессе оформления современной российской социальной работы как науки и практики активно использовался и отечественный, и зарубежный, более богатый в данной области опыт: труды о различных аспектах взаимодействия специалиста и клиента в процессе осуществления социальной работы М.Ричмонд (Richmond) и Х.Перлман (Perlman), Б.Робинсон (Robinson) и П.Ли (Lee); работы в области систематизации теории (М.Пэйна (Payne)) и описания практики социальной работы М.Доэла (Doel) и С.Шардлоу (Shardlow), А.Пинкус (Pincus) и А.Минахан (Minahan). С начала 90-гг. XX в. и в России складываются научные школы социальной работы: М.В. Фирсова, Е.И. Холостовой, П.Д. Павленка, Б.Ф. Усманова и др. в Москве, Е.Р. Ярской-Смирновой в Саратове, С.И.Григорьева и Л.Г.Гусляковой в Барнауле и др. Деятельный аспект социальной работы в большей степени раскрыт в работах

П.Д.Павленка, Л.Г.Гусляковой, Л.И.Кононовой и О.А.Волковой.

Анализ проблем и перспектив технологизации социальной деятельности, в целом, и социальной работы, в частности, является предметом исследования социально-гуманитарных наук еще с 70-х гг. XX в., остается данный вопрос актуальным и в настоящее время. Сегодня данные вопросы освещены в работах М.В. Фирсова, П.Д. Павленка, Е.И. Холостовой, И.Г. Зайнышева, Б.Ф. Усманова, Л.П. Кузнецовой и др.

Социальная работа сегодня понимается как совокупность трех составных: как наука, учебная дисциплина и специфический вид деятельности. При этом социальная работа, как наука, также изучает сферу человеческой деятельности, функция которой — выработка, систематизация знаний об определенной действительности — социальной сфере и специфической социальной деятельности. В данной статье сделана попытка рассмотреть социальную работу как деятельность с точки зрения технологического подхода, представить основные российский и зарубежные взгляды на процесс технологизации социальной деятельности, а также обосновать его важность и актуальность.

Мнения относительно сущности и содержания социальной работы как деятельности сегодня различны. В.А.Никитин определяет *социальную работу как праксеологическое знание, выводы которого всегда носят практический характер и направлены на совершенствование*

существующей практики [6]. П.Д. Павленок считает, что *социальная работа представляет собой интегрированный вид деятельности, обусловленный ее главным объектом — человеком как органическим единством его биологического, психологического и социального компонентов* [7]. Есть и мнение о том, что *социальная работа — это «особый вид деятельности, направленной на решение социальных проблем отдельных личностей и групп, создание условий, благоприятствующих восстановлению или улучшению способности людей к социальному функционированию»* [10]. Интерес представляет и определение социальной работы С.И. Григорьева, который, обосновывая виталистскую модель теории и практики социальной работы, говорит, что *социальная работа — это разновидность социальной деятельности, имеющей своей целью оптимизировать осуществление субъектной роли людей во всех сферах жизни общества в процессе совместного удовлетворения потребностей поддержания жизнеобеспечения и деятельного существования личности* [2]. Как видим, в основе определения социальной работы — именно деятельностный подход, из чего можно сделать вывод, что *социальная работа — это особый интегрированный вид социальной деятельности, который, основываясь на данных различных наук, современных социальных исследований и практик, позволяет создать условия для решения социальных проблем личностей и социальных групп, активизации социальных ресурсов объекта социальной работы с целью оптимизации его субъектной роли, а также обеспечения социального благополучия общества в целом*. Можно сказать также, что социальная работа сегодня представляет собой деятельность различных субъектов (юридических и физических лиц, государственных, коммерческих и некоммерческих/негосударственных структур) по оказанию помощи и поддержке лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию, профилактике социального неблагополучия и обеспечению социальной защищенности населения в целом.

Вопрос о технологизации социальных процессов, о технологизации социальной деятельности встал перед российскими учеными в начале 90-х гг., но и сегодня есть расхождения в

мнениях ученых относительно понятий «социальная технология» и «технология социальной работы».

В целом, технология (от греч. τέχνη — искусство, мастерство, умение; др.-греч. λόγος — мысль, причина; методика, способ производства) — это комплекс организационных мер, операций и приемов, направленных на изготовление, обслуживание, ремонт и/или эксплуатацию изделия с номинальным качеством и оптимальными затратам и обусловленных текущим уровнем развития науки, техники и общества в целом; система знаний о способах и средствах обработки и качественного преобразования объекта.

Первоначально определение технологии было ориентировано преимущественно на деятельность в производственной сфере, когда объектом технологии выступали природные материалы. В конце XVII в. в общем массиве знаний о технике стали различать традиционный описательный раздел и новый, нарождающийся, который получил название технология. Профессор Геттингенского университета Иоганн Бекман (Beckmann) (1739 — 1811) ввел в научное употребление термин технология для обозначения научной дисциплины, которую он читал с 1772 г. В 1777 г. он опубликовал работу «Введение в технологию», где писал: «Обзор изобретений, их развития и успехов в искусствах и ремеслах может называться историей технических искусств; технология, которая объясняет в целом, методически и определенно все виды труда с их последствиями и причинами, являет собой гораздо большее». Позже в пятитомном труде «Очерки по истории изобретений» (1780–1805 гг.) он развил это понятие. Ученик и последователь Бекмана Иоганн Генрих Мориц Поппе (Porre) (1776–1854) в работе по истории техники «Руководство к общей технологии» определил технологию как науку о ремеслах, которая имеет своим предметом описание и объяснение производств, инструментов, машин, орудий, употребляемых при обработке материалов на фабриках и заводах, раскрывает устройство заводов и машин, объясняя образ действия различных инструментов, показывает, из какого материала может быть изготовлено то или другое. В свою очередь, Эндрю

Юр (Ure) (1778–1857) в трактате «Философия мануфактурного производства» (1835) ввел близкородственный понятию механистической философии термин «философия производства» [15]. Что важно, Юр выдвигал идею о существовании и возможности алгоритмизации правил для каких угодно технических изобретений (идеалом общественного устройства в таком случае становился идеал автоматической фабрики, а всем людям следовало строго подчиняться ее правилам). В этом убеждении Юра уже можно увидеть зародыш последующей идеи о том, что технологизации могут быть (и должны быть) подвержены не только процессы в сфере материального производства, но и общественные, социальные процессы.

К предпосылкам технологизации социальных процессов, социальной деятельности можно отнести и идеи немецкого философствующего инженера, лектора и впоследствии президента Берлинской Королевской Технической академии Франца Рейло (Reuleaux) (1829–1905), который, будучи склонным к гуманитарному методу познания, призывал к синтезу технического и эстетического начал в промышленном производстве, что было отражено в работе «Техника и культура» (1884).

Позже Кароль Пелк (Karol I. Pelc) выделил 3 специфических контекста понятия «технология», что позволяет сегодня всесторонне и комплексно подойти к раскрытию и анализу данной категории [1]:

- экономический и инженерный, где технология — это система практического (связанный с конкретными проблемами) и теоретического (но фактически применимый) знания, ноу-хау, методов, процедур, опыт успехов и отказов, а также различных устройств и оборудование;
- социальный, где технология — это воображаемый процесс преобразования материального и нематериального мира;
- философский, где технологии — это практическое выполнение описанных сведений. В философском смысле анализ термина «технология» представляет собой концепцию, использующую теорию социального действия согласно техническим наукам и в соответствии с научным знанием. Акцент

на действии как существенном элементе понятия технологии может быть связан с более общей методологией эффективных процессов действия, названных праксеологией, которую начал развивать Т. Котарбинский (Kotarbiński) в 1965 г. [4].

При этом, прежде чем переходить к анализу содержания социальной технологии, представляется интересным привести высказывание Джима Герье (Gertie), который вслед за ученым в области технологий Вилсоном Дизардом (Dizard) указывает на четыре ключевых наблюдения о природе технологического изменения (технологического прогресса):

- на весь технический прогресс влияет (действует) цена услуги, т.е. в то время как что-то добавляют с одной стороны, это вычитают с другой;
- любое инновационное технологическое решение поднимает больше проблем, чем решает, что заставляет нас видеть последующие проблемы и подталкивает нас, чтобы искать их технологические решения;
- отрицательные эффекты технологического новшества неотделимы от положительных. Наивно предполагать, что технология нейтральна, польза и плохие эффекты, фактически, одновременны и неотделимы;
- все технологические новшества имеют непредвиденные эффекты.

Данные наблюдения, бесспорно, касаются и технологий социальной работы, в итоге все вышеперечисленное действительно позволяет говорить о возможности применения понятий «технологизация» и «технология» к объектам и субъектам социальной деятельности. Впервые это было сделано болгарский ученым — философом и социологом Н. Стефанов в 70-х гг. XX в., определив социальную технологию как деятельность, в результате которой достигается поставленная цель и изменяется объект деятельности. По его мнению, социальная технология — это предварительно определенный ряд операций, направленный на достижение некоторой цели или задачи. Чтобы деятельность получила право называться технологией, необходимо ее сознательное и планомерное расчленение на элементы, реализующиеся в определенной последовательности.

Развивая идеи Н. Стефанова, другой болгарский философ М. Марков предложил рассматривать технологию социальной деятельности в двух аспектах:

- как систему знаний об организации деятельности, связанную с выполнением этапов, операций, методов, действий и т.п. по формированию общественных явлений;
- как технологизацию этих знаний в процессе деятельности, которая выражается в трудовых действиях людей, соответствующих требованиям конкретных, специфических социальных структур.

В России уже 1984 г. в журнале «Философские науки» появилась статья Г.И. Иконниковой «О понятии социальной технологии» [3], где был задан основной вектор дальнейшего развития понимания сущности данной категории как целенаправленного механизма соединения социальной теории и практики в процессе организации социальной деятельности.

Сегодня существует множество определений понятия «социальная технология», каждое из которых раскрывает определенные содержательные характеристики данного понятия. При определении понятия «социальная технология» авторы исходят из собственных представлений о ней и ее месте в современной теории и практике.

Так, процессы технологизации социальной деятельности, социальной работы на макроуровне анализирует С.В. Рогачев, который считает, что социальные технологии — это составная часть концепции модернизации российского общества, описанная в терминах мобилизации социальных ресурсов [8]. В качестве теоретической основы для данной классификации С.В. Рогачев использует социально-центричную парадигму общественного развития, стержневые принципы которой следующие:

- баланс интересов различных социальных групп при приоритете общенационального интереса;
- повышение статуса человека, улучшение качества его жизни, более полный учет интересов, потребностей, прав индивидов;

- развитие личностного фактора, где формируются две взаимосвязанные, но противоречивые тенденции:

а) активизация включенности человека в процесс публичной деятельности, в процесс принятия решений;

б) становление самодостаточного индивида, осознающего свои интересы и способного успешно добиваться их реализации.

Последнее суждение С.В. Рогачева очень важно для раскрытия сущности технологий, так как во многом именно от того, насколько субъект социальной работы смог активизировать собственные ресурсы объекта, зависит эффективность и успешность технологии решения социальных проблем.

В.И. Патрушев, используя системный анализ, говорит, что социальные технологии — это:

- способы, формы, методы, приемы, средства лечения социальных болезней, рационального решения управленческих замыслов, социальных и педагогических задач, больших и малых дел;
- системы инновационных способов, средств разрешения сущностного противоречия взаимодействия и самореализации социальных субъектов [10].

Такой взгляд на технологии социальной работы является традиционным, поскольку позволяет раскрыть суть данной категории через совокупность ее структурных элементов (способов, форм, методов решения социальных проблем и содержательных компонентов (процесса взаимодействия социальных субъектов и объектов социальной работы, которые путем самореализации и саморазвития становятся субъектами в процессе самопомощи). Можно отметить отсутствие целевой компоненты, которая является важной составной любой социальной деятельности, поэтому небезынтересно понимание сущности социальной технологии А.А. Хагурова, который говорит, что социальная технология — это выражение общесоциологического понятия «практика», которое представляет собой соотношение и взаимоувязку цели, средства и результата общественной деятельности [14].

П.Д. Павленок через призму социально-философского понимания теории деятельности определяет социальные технологии как:

- способы применения теоретических выводов той или иной науки в решении практических задач;
- совокупность приемов, методов и воздействий, которые применяются для достижения поставленных целей в процессе социального развития, решения тех или иных социальных проблем [11].

Приведенные определения лишней раз подтверждают, что любая попытка дать точное и полное определение сущности сложного социального феномена (а именно таковой и является социальная технология) будет неполным и будет носить относительный характер. Вместе с тем любая претензия на обладание абсолютной истины относительно динамичных систем, какими являются социальные процессы и отношения, правомерна. Каждое из приведенных определений социальных технологий отражает определенный существенный аспект данного явления, имеющий определяющее значение для характеристики и социальных технологий, и технологий социальной работы.

Социальные технологии — это система знаний об оптимальных способах преобразования и регулирования социальных отношений и процессов в жизнедеятельности людей, а также сама практика алгоритмического применения оптимальных способов преобразования и регулирования социальных отношений и процессов. Социальные технологии в этой области базируются на реальном опыте социальной деятельности, принципах и теоретико-методологических закономерностях, открытых социальными науками.

Если говорить о соотношении понятий «социальные технологии» и «технологии социальной работы», заметим, что современная наука предлагает два взгляда на этот вопрос. Согласно одному из них, более распространенному, технологии социальной работы являются одним из видов социальных технологий. Согласно второму понятию «технологии социальной работы» и «социальные технологии» совпадают.

Так, один из сторонников такого подхода Б.Ф.Усманов определяет социальные технологии (технологии социальной работы) как систему методов, приемов, средств, форм деятельности социальных работников и социальных учреждений, которые будут применяться социальными работниками в определенной последовательности с целью разрешения той или иной социальной проблемы [14]. Мы придерживаемся такого же подхода, однако противоположная позиция более принята в теории и практике социальной работы.

Когда заходит речь о технологии социальной работы, нередко можно встретить и скептическое отношение к возможности и необходимости ее технологизации. Эта позиция характерна прежде всего для тех, кто полагает, что социальная работа носит исключительно творческий характер и ее результаты зависят от индивидуального мастерства, искусства, интуиции и личного обаяния социальных работников. Без сомнения, не всякие действия специалиста даже в достаточно сложной социальной сфере поддаются технологизации. Однако не следует недооценивать роль теоретических знаний, теоретической подготовки специалистов социальной работы, забывая о том, что социальная работа — это синтез теории и практики, науки и искусства работы с людьми.

Специалистами в области социальных технологий выработаны следующие необходимые условия технологизации практической деятельности в социальной сфере [13]:

- объект воздействия должен обладать определенной степенью сложности, т.е. иметь признаки социальной системы;
- должны быть выделены элементы системы объекта социального воздействия, особенности его строения (структура) и функционирования;
- возможность формализации реально происходящих процессов и представления их в виде определенных операций, процедур, показателей;
- возможность воспроизводства и повторяемость операций, процедур или показателей в новых условиях.

Л.П. Кузнецова выделяет следующие признаки технологизации социальной деятельности:

- наличие соответствующей степени сложности процесса деятельности, так как без этого невозможно его расчленение на относительно самостоятельные этапы;
- наличие соответствующих средств осуществления деятельности, позволяющих получить максимальный результат при минимальных затратах [5].

Социальная работа, как специфическая профессиональная деятельность и как самостоятельная система научных знаний с собственным предметом исследования, по всем параметрам отвечает указанным основным условиям технологизации. Следовательно, проблема заключается не столько в возможности технологического подхода к социальной работе, сколько в разработке и ее совершенствовании, подбора методологического инструментария, в усвоении опыта их применения на практике.

Таким образом, *социальная технологизация — это процесс оптимизации социального пространства, преодоления его разбалансированности на основе инновационного метода освоения социальной действительности, активного воздействия на развитие социальных систем с использованием социальных технологий, которые позволяют включать в процесс его усвоения не только познание, методы социальной диагностики, но и активные способы его изменения: мотивация, обучение, инновирование как субъектов управления, так и социальных систем в целом* [10].

Современные ученые видят и более тесную связь практики социальной работы (социальной работы как деятельности) и технологий социальной работы, чем это было представлено ранее. И если Б.Ф. Усманов утверждает, что технология социальной работы — это не сама социальная работа, а лишь ее описание, то М.В.Фирсов, говоря, что если исходить из практикоориентированного или профессионально-деятельностного подхода к социальной работе, то здесь понятия «практика социальной работы» и «технология социальной работы» совпадают, поскольку данная концепция не только охватывает «технологическую сторону»

профессии, но и определяет ценностные ориентации, формулирует миссию социальных работников на каждом этапе развития профессии [16]. Такой глубинный смысловой ценностно-содержательный взгляд на технологический подход к социальной работе позволяет увидеть за технологическим процессом человека (и объекта, и субъекта социальной работы) с его проблемами, интересами, ценностями и идеалами, что, безусловно, сказывается и на самой практике социальной работы.

Итак, технология социальной работы — это:

- система инновационных и традиционных методов, средств, приемов и форм деятельности социальных работников и социальных учреждений, которые будут применяться в определенной последовательности с целью успешного разрешения той или иной социальной проблемы [14];
- совокупность приемов, методов и воздействий, применяемых социальными службами, отдельными учреждениями социального обслуживания и социальными работниками для достижения поставленных целей в процессе осуществления социальной работы, для решения разного рода социальных проблем, обеспечения эффективности реализации задач социальной защиты населения [7] или социальной помощи населению [12].

Таким образом, *в рамках технологического подхода социальная работа как деятельность сегодня представляет собой систему инновационных и традиционных методов, средств, приемов и форм деятельности, воспроизводимых в логической последовательности, основанной на научной методологии и данных современных социальных исследований, применяемых ее субъектами с целью решения социальных проблем индивидов и общества в целом.*

Список литературы

1. *Pelc K.I.* On Adam Smith and a Theory of Technology.
2. *Григорьев С.И.* Основы виталистской социологии XXI века: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2007.
3. *Иконникова Г.И.* О понятии социальной технологии//Философские науки. 1984. №5.

4. *Котарбинский Т.* Трактат о хорошей работе: пер. с польск. М., 1975.
 5. *Кузнецова Л.П.* Основные технологии социальной работы: учеб. пособие. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2002.
 6. *Никитин В.А.* Философские основы социальной работы // Основы социальной работы: учебник/ отв. ред. П.Д. Павленок. М.:ИНФРА-М, 2007.
 7. Основы социальной работы: учебник/ отв. ред. П.Д. Павленок. М.:ИНФРА-М, 2007.
 8. *Рогачев С.В.* Новые социальные технологии в концепции модернизации российского общества// Новые социальные технологии: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (11-12 мая 2004 г., г. Пермь). Пермь, 2004.
 9. Современные социальные технологии: теоретико-прикладной аспект: сб.науч.тр./ под науч.ред. Б.Ф. Усманова. М.: МГСА, 2000.
 10. Социальные технологии: толковый словарь/отв. ред. В.Н. Иванов. М.; Белгород: Луч — Центр социальных технологий, 1995.
 11. Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: учебное пособие/ под ред. проф. П.Д. Павленка. М., 2006.
 12. Технологии социальной работы: словарь-справочник по социальной работе/ под ред. проф. Е.И. Холостовой. М.: Юрист, 1997.
 13. Технология социальной работы: учеб. пособие для вузов/ под ред. И.Г. Зайнышева. М.: ВЛАДОС, 2002.
 14. *Усманов Б.Ф.* К разработке понятия «социальная технология» и модели учебно-методического комплекса по учебной дисциплине // Социальные технологии и исследования (СоТиС). 2003. №1.
 15. Философия: конспект лекций: учеб. пособие / В.О. Бернацкий [и др.]; под общ. ред. Н.П. Маховой. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2008.
 16. *Фирсов М.В.* Технология социальной работы. М.: Академический проект, 2009.
-

TECHNOLOGICAL APPROACH TO SOCIAL WORK PRACTICE

M. Grigoryeva

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990

Modern social work represents the synthesis of the theory and practice, however activity component remains prevailing. Special attention in this paper is given to the analysis of social work within the limits of the technological approach which allows to characterize social work as activity in more details.

Keywords: social work; social activity; social technology; technologies of social work.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия «Вестника Пермского университета» (Серия «Философия. Психология. Социология») принимает к публикации научные статьи, содержащие оригинальные авторские идеи и результаты исследований.

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже).

Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Объем статьи до 1 п.л. (40000 знаков с пробелами). Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуются кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле.

Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка».

В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки оформляются в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования с обязательным указанием страниц источника цитирования. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3; 5; 7-10] — на несколько работ. Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются.

Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. Обязательно указывается: *для книг* — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; *для журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; *для материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

Статья должна сопровождаться индексом УДК, а также краткой аннотацией (не более 10 строк) и ключевыми словами (не более 10 слов) на русском и английском языках.

К статье прилагается информация об авторе (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, адрес электронной почты.

К статье прилагается рецензия научного руководителя (для аспирантов и соискателей).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается.

Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2011

Выпуск 1 (5)

Редактор *Н.И. Стрекаловская*

Корректор *Л.В.Цветкова*

Компьютерная верстка *Д.Г. Трунова*

Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 25.03.2011. Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд.л. 14.

Тираж 500 экз. Заказ

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного университета

614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного университета

614990, Пермь, ул. Букирева, 15